

№ 7
2013

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Учредители: ОО «Союз писателей Казахстана» и Центр «Каламгер-медиа»

Председатель совета редакторов: **Н. М. ОРАЗАЛИН**

Редакционный совет:

О. К. ЖАНАЙДАРОВ (главный редактор),

Ю. В. БОГДАНОВА (ответственный секретарь),

Б. М. КАНАПЬЯНОВ (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ** (г. Астана),

А. Ю. КУРЛЕНЯ (г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда),

Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда),

Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана),

И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы),

Л. Ю. ЮРКОВА (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Память

69-летию Владимира Гундарева

С. Назарова. Лечебные строки истинной поэзии 3

В. Гундарев. «Спасибо вам, читатели мои!». *Стихи* 18

Проза

С. Байхонов. Алтай – Рубикон. *Роман* 38

В. Коноплёв. В семье Богов. *Повесть* 80

Т. Абдик. Таласбай. *Рассказ* 112

Поэзия

А. Матвеев. Алматинские сюжеты. *Стихи* 72

М. Музафарова. «Тёплый ветер ласкает меня...». *Стихи* 107

Д. Дюсенбекова. Розовые тени. *Стихи* 117

Критика и литературоведение

У. Бахтикиреева. Полномочный художник 120

© «Нива», 2013, Астана

К 60-летию целинной эпопеи

В. Владимиров. Оглянись не в досаде. Ещё раз о том, что такое Целина (*окончание*) **125**

В семейном кругу

И. Винтер. Прощение **144**

Искусство

С. Беккулова. Мир глазами художника **160**

Приключения. Детектив. Фантастика

А. Ишангалиев. Смотритель Гордон **164**

Изоальбом «Нивы»: из работ Альберта Гурьева. На первой странице обложки – «Пик Назарбаева», на четвёртой – «А.С. Пушкин».

69-летию Владимира Гундарева

Лечебные строки истинной поэзии

Думала-думала: как назвать статью о творчестве Владимира Гундарева? Стандартно, как сейчас принято, – просто строчкой из поэта? Нет, внутреннее моё «я» не хотело. Ну тогда как? Стала копаться в себе: а что лично меня так тянет к его стихам? Ответ нашла: в век цинизма, пошлости, враждебного противостояния и отхода от всего русского в нашей российской и казахстанской культуре его стихи – лекарство для души. Вот и появилось это незамысловатое название.

Если бы я писала некое «введение в поэзию», прежде всего обозначила бы основное правило: поэту нужно верить. Конечно же, отмечается псевдопоэзия – рифмоплётство, болезненная графомания, надуманность, высосанная из пальца, искусственно создаваемые «гении» поэзии. Речь – о поэтах *избранных* – «много званых, да мало избранных», как в Евангелии. Именно к такой поэзии означенный выше посыл.

Едва начинаешь читать книжку, изданную в современной жизни разного рода литераторами, сразу понимаешь: стоит ли дальше переворачивать страницу или нет, ждет ли тебя прекрасное сопричастное переживание сродни очищению, или лучше включить «ящик» и посмотреть по нему столь же бездарное послание, не достигающее твоей души, а раздражающее её, как и строки новоиспечённой книжки? У меня это – тест, который работает с первых же прочитанных строк. И ещё тест совсем из детства: если книжку, которую взяла в библиотеке или у товарища, не хочется закрыть на 5-й странице, и ты почти до утра читаешь её, – значит, правильную книжку выбрала. И он, тест мой, не подвёл меня и в этот раз, как только в руки попали книги стихов В. Гундарева «Розы и полынь» (2009 г.) и «Душа стремится к небесам» (2010 г.)

Правда, сразу не понравилась обложка первой книги «кислотностью» ярко-голубого раздражающего цвета с воспринятым мною как претенциозное золотым тиснением. Кого-кого, а Гундарева так «украшать» не нужно: его стихи и есть украшение книги. Ну хоть бы цвет обложки был другим, тогда – ладно.

Обычно начинаешь читать – и сразу отслеживаешь то, что понравилось (в предвкушении, что дальше могут быть разочарования). А в этом сборнике всякое последующее стихотворение вызывало лишь горячее чувство радости, что не перевелись в русской литературе истинные поэты, что подвластно им выразить тонкую, хрупкую и притягательную красоту мира и человека в нём просто, светло и ясно, не насилуя великий русский язык. И создать и образ, и чувство, объединяющие ныне пусть не так многих, как прежде, но верных ценителей поэтического слова, сказанного в лучших традициях русской же поэзии.

Трудно в течение жизни, в её гуще всегда оставаться романтиком. Еще труднее сохранить *свою* интонацию поэту, не поддаваясь веяниям литературной моды.

В. Гундарев органично своей натуре отринул суету и всяческую суету в своём творчестве. За его строками стоит пережитая, прочувствованная реальность, без которой никак не создать трогательной души ни поэзии, ни музыки, ни живописи. Потому так прост и искренен его слог, нет никаких стилистических излишеств и заигрываний с читателем...

Простота и ясность художественного самовыражения еще никогда не мешали талантливым поэтам явить блеск языка, свою духовную состоятельность, свежесть строки.

Лирика В. Гундарева сосредотачивает читателя на самом себе, на том, из чего извечно складывалась жизнь и что является непреходящей темой искусства: хлеб, любовь, красота, природа, нравственный долг перед прошлым и будущим.

Но поэт обязан быть выше окружающего мира, его среднего измерения, и огонь его сердца по температуре обязан быть выше средней температуры общества. Поэта приподнимает именно *его личное прищипывание* к родникам земным и небесным, из которых сколько ни пили – они не иссякли, и сколько ни будут пить – они не иссякнут:

*Пустое слово – канет в пустоту.
 Над ним вода забвения сомкнётся.
 Ничья душа в ответ не встрепенётся:
 Пустое слово канет в пустоту.
 Пустое слово –
 Словно пустоцвет.
 Пустому слову –
 Суждена пустыня.
 Найти б слова негромкие, простые,
 Но чтобы в них
 Магический был свет.
 И если сплавит чуткая душа
 В единое и боли, и восторги, –
 Она любви созвучия исторгнет –
 И отзовется каждая душа
 Прекрасной первозданностью своей,
 И эхо понимания по кругу
 Пойдёт легко,
 Пойдёт от друга к другу –
 И, значит, новых обретёшь друзей.*

«Пустое слово канет в пустоту...»

У большинства хороших современных поэтов нет возможности часто издаваться и регулярно печататься в периодике. Это их трагедия невыраженности, это их безвестная творческая судьба. Они воспринимают её особо болезненно: без многого смогли бы, но без признания, без вынесенного «на торг» публичности своего творчества, где становится ясно, зря или не зря ты провёл, согнувшись, свою жизнь над письменным столом, скрючившись в схватках от рождающегося стиха, они задыхаются, чахнут... У В. Гундарева, главного редактора казахстанского литературного журнала «Нива», чья редакция находится в столице Республики – Астане, такая возможность есть. Но он ею пользуется очень скромно и тактично – в ущерб

себе... И это – тоже грань не только его характера, но и его таланта: талант истинный скромнен, не вопиет о себе, не кричит, ибо самодостаточен по природе своей. Ему самому важно знать: аз есмь. А притянутся к нему и без его суетного хлопотания. И проникнут, и оценят, и не предадут забвению.

Что привлекает в поэзии В. Р. Гундарева? Нет в ней никакого искусственно притянутого умничанья – здесь всё естественно, всё есть правда и всё есть любовь, труд, радость и боль. Только из них состоит и всегда состояла наша человечья жизнь. Гундарев проникает некие слои, которые давно опробованы другими/иными поэтами. Но вкус и аромат от исследованного его душою – первооткрытие, принадлежат только ему. И дорогого стоит, что эти переданные в его стихах нюансы русской души откликаются сочувствием во многих родственных душах, имеющих так же свой личный опыт и благодарных поэту за умение высказать за них то связующее сокровенное, что объединяет, что составляет родство, духовное братство. Где бы ни жил автор стихов и его реципиент-читатель. Это ли не удача всей жизни?! Ведь

*Не докажешь мне, хоть тресни,
Что «другие времена».
Без народной нашей песни
И душа обеднена.*

«Говорила мне землячка...»

Вечная музыка жизни, вечные темы... Сколько дней и ночей, месяцев и лет, наполненных сладостными и горькими событиями и думами, душевными трудами, неизбежными переоценками сконцентрировалось в его поэтических строках, отголосках впечатлений и памяти об этой вечной музыке? Но всё-таки побеждает жизнеутверждающее

*Волшебная флейта – это
Хрупкая ниточка света,
Что протянулась из прошлого,
На тёмном ветру дрожа:
Пусть только святое, хорошее
Воспринимает душа.*

«Волшебная флейта».

Сохранённая традиция классического русского стихосложения – это великая ценность, не имеющая ничего общего с техническими надуманными конструкциями постмодернизма – никого не трогающими, взгромодившимися на некие сваи вроде бы «эстетства». Всякие поиски новых форм в ущерб смыслу и живым образам во все времена были свойственны поэзии. Но ведь не приживались. Потому что были заведомо мертворожденными, которые можно начать читать и с середины, и с конца, и по диагонали – они будут такими же мёртвыми. И век XX не избежал их, и начавшийся XXI породил подобные, плавно перейдя от одноразовых шприцов – к одноразовым книгам. В корне слов «модернизм», «постмодерн» лежит слово «мода», а ведь не всякий отваживается сказать ее носителю, что король-то в распиаренных стихах – голый при всём своём следовании моде! Владимир Гундарев говорит в стихотворении «Подражание андеграунду»:

Паук, карабкаясь и корябаясь, напоминает краба.
 Прикрепил напрасно лунный диск к гармонии я –
 В мире с гормонами властвует дисгармония.
 Бой саламандр – агония, последний раунд.
 Но всё это – просто-напросто абракадабра.
 Заумь. Бессмыслица – андеграунд.
 Стать «гениальным» в невнятице я смог бы тоже.
 Но не прельстился этим... Спасибо, Боже!

И совсем в другом стихотворении без названия – снова звучит его поэтическое – равное человеческому – кредо:

А торжествуя убедительно
 Свершенье звёздного витка,
 Гордясь успехом паразитическим, –
 Не стать к несчастью снисходительным,
 К наивной свежести цветка.

Проникнуть смело в глубь субстанции
 И обнажить земную твердь, –
 Но пусть душа –
 Душой останется:
 Не разучиться б хлебу кланяться,
 От песни иволги добреть.

«Среди бетонности, железности...»

Очень располагает гундаревское отношение к жизни, миру – создающее, а не потребительское. И отношение к нашему прошлому, к прежней эпохе – не снобистски оплёвывающее, оскорбительное в устах многих скоренько «перелицевавшихся», а – сыновнее, разумно и сердечно благодарное. В отличие от многих, кого советское государство выучило, взрастило и воспитало. И особое отношение к поколению отцов, к Родине:

Нам с тобою
 С лихвою досталось беды.
 Безотцовщиной нас называли.
 В грозолетье узнали мы
 Вкус лебеды,
 Но отцовских ладоней
 Не знали.

Только нет у отцов
 Перед нами вины, –
 Мы о них затаённо мечтали...
 Это наши отцы
 Не вернулись с войны,
 Молодыми
 Навечно остались...

*Вы немало дорог
Беспокойных прошли,
Чтоб не знала печалей Россия.
Если матери –
Нежность и ласка земли,
То отцы –
Её правда и сила...*

«ОТЦЫ»

У русских людей, родившихся или давно живущих в Казахстане, в сердце уместается любовь к двум Родинам. Никогда они не были «пятой колонной», умея ценить и быть преданными им обеим. Вся жизнь В. Гундарева – в слиянии этой преданности, что он и доказывал и доказывает своим журналистским и поэтическим творчеством, умея объединить в нём людей и пробудить их самые благородные чувства:

*Как степь просторно-величава,
Как далека и широка...
На крылья белопенных чаек
Над ней похожи облака.
Увидишь луг на зорьке рано, –
Пронзит тебя нежданно мысль,
Что это не раствор тумана,
А так кипит хмельной кумыс...*

«Зелёная улыбка лета»

*Возрастал я на целинной ниве.
Стала близкой мне степная даль.
Вряд ли был бы без неё счастливей,
Высоты достиг бы я едва ль.*

*Здесь живут мои по духу братья,
Нашу дружбу трепетно храня.
Казахстан, свои раскрыв объятия,
Родиной второй стал для меня.*

*А с друзьями всякая невзгода
Пылью рассыпается вдали.
«Русский сын казахского народа» –
Неспроста меня так нарекли.*

*Здесь я крылья обретал и силы,
Птицей плыл над степью в вышине.
Но частица матери России
Незабудкой навсегда во мне.*

«Из родной сибирской глухомани...»

Чтобы так написать, надо обладать в полной мере даром любви.

ЛЮБОВЬ и есть движитель всей жизни В. Гундарева. Любовь, которой щедро наделён поэт, – к женщине, двум Родинам – России и Казахстану, друзьям, людям вообще и избранному им делу – не дает ему самому сломаться под натиском жизненных коллизий, состариться душой. Она лечит и читателя, безоговорочно утверждая, что пока она есть – в жизни

всё не так плохо, и что чудесным образом благодаря именно любви гармонично уживаются и полынь, и розы, придавая ей неповторимость.

*Видел в тучах небо голубое,
В сумраке угадывал зарю.
Жил с любовью, жил всегда с любовью –
И судьбу за всё благодарю.*

Это мудрое и терпеливое принятие всех обстоятельств и их оценка берут начало в детстве поэта, в его здоровой крестьянской духовно-нравственной генетике.

*...Не франтоваты, не парадны,
Походки ваши не легки, –
Вы угловаты и нескладны,
Мои родные земляки.
Иваны, Марьи и Семёны
Ждут свой черёд, светло тихи.
Входи, деревня, поимённо
В мои сыновние стихи...*

«Эстет усатый...»

Собственно любовная лирика (её можно выделить в отдельный цикл) поэта особенно запоминается. Запоминается не только нежностью непреходящей, но – главное! – верностью той настоящей любви, которую испытала душа поэта и которой не дала воссоединиться с любимой разлучница-жизнь. И он сумел это передать так щемяще, что сердце рвётся из груди.

Это сквозная нить через всё творчество поэта. Этой любви не касаются ни годы, ни встречавшиеся на его пути краткие искушения. Невольно вспоминается великий Петрарка... Читаю – и думаю: сколько чудесных женщин, умных и красивых, добрых и понимающих (в том числе и среди семейных!), но – одиноких, мечтали и мечтают о такой вот любви! Но эта любовь им не выпала... А выпала незнакомой читателю женщине, которую поэт боготворит с юности и которая одна волнует его. Ей повезло: такая редкая драгоценность – верная и не судящая любовь досталась ей... Но и самому поэту повезло: эта любовь, несмотря на все связанные с нею страдания, многие и многие годы питает его лирику.

*Поникли вдоль берега
Ивы-печальницы,
Как будто сочувствуя
Нашей судьбе,
Слетевшие листья
На зыби качаются –
Мои запоздалые
Письма к тебе.*

...

*А в этой печали,
Усталой и медленной,
Желанье моё,
Дорогая, о том –
Малюсенькой точкою,
Вечной отметиной
Остаться бы только
Мне в сердце твоём.*

«Стихи о прощании».

После смерти отца В. Гундарев в 14 лет остался в семье за старшего, познав весь тяжкий груз взрослых забот в деревне послевоенного времени. Недаром его «отцовским звали именем, /И в этом горькая есть гордость!» Начав мальчишкой свою трудовую деятельность в колхозе с работы прицепщика на тракторе, мог ли он знать, какие крутые виражи готовит ему судьба? Но первый её звонок юноше о его предназначении состоялся: она дала ему попробовать на вкус работу со словом – сначала в редакции районной газеты Новосибирской области, затем на Кемеровской студии телевидения. А после трёхгодичной службы в армии, уже живя в Казахстане, он полностью отдаётся журналистике и литературному творчеству, написав более 20-ти поэтических и художественно-публицистических книг. Его произведения переведены на украинский, казахский, словацкий, французский, немецкий, испанский, корейский и португальский языки. Сам поэт много и успешно переводил на русский язык казахских, туркменских и украинских литераторов. Безусловно, снискал признание и известность в России и Казахстане. Но жизнь его всегда строилась на самоотдаче, была насыщена до предела. С 1990 года он создаёт литературный казахстанский журнал «Нива», который и пестовал до последнего дня в качестве главного редактора. Суток, понятно, не хватает для работы, и потому рождается порою печаль, знакомая каждому щедрому к другим человеку:

*Ты рукописи должен разбирать:
Оценивать стихи, вникать в рассказы
И радоваться каждой яркой фразе, –
Но вспоминай и про свою тетрадь.
А там листы пугающе чисты, –
Как осенью пусты
Поля и чащи, –
Тебе сюда б заглядывать почаще,
Но беззаботен почему-то ты.
Учил других, не думая о том,
И, внутреннего зова не заметив,
Свои стихи оставив на потом,
В чужой строке искал ты самоцветы.
В пустой породе
Нет их и следа.
Ведь если появляются таланты,
То ни к чему им няньки-консультанты:
Талант самостоятелен всегда!*

Ты утешал себя:
 «Вот погоди,
 Ещё придёт черёд всему успеться!»
 И не заметил,
 Как истратил сердце,
 Надеюсь зря,
 Что взлёт твой – впереди.
 А спохватился: цель-то далека.
 Намереньями долго жил благими.
 И ускользает от тебя строка,
 Твои стихи –
 Написаны другими.

«Ты рукописи должен разбирать...»

Эти стихи, как и многие другие у В. Гундарева, исповедальны, когда душа, устав и отчаявшись в одиночестве непонимания, ищет поддержки, силы в эпизодах прошедшей жизни (она ведь *уже* состоялась, она не изменит тебе и не предаст). Но не жалобщик на свою нелёгкую долю их пишет, их пишет «истый земледелец», который взял себе «надел» по плечу и который «смирненно-терпеливо» уже 20 лет «воздвывает» эту благородную литературную «Ниву», где он «пахарь, сеятель и жнец»:

*Хлеб суший – голова всему
 Под необъятным небом.
 Судьбой причастен я к нему –
 Кормлю духовным хлебом.*

*Не отвожу от ветра лоб,
 Не опускаю плечи.
 Ведь я трудяга-хлебороб
 На ниве русской речи.*

«Моя «Нива»

Стихи из этих двух книг наполняют читателя здоровым дыханием. Это важно при плохой или, вернее, никуда не годной нынешней бездуховной экологии. Не имею цели надуваться как мыльный пузырь в своих суждениях и притягивать за уши специальные термины (пусть это останется хлебом записных литературоведов). Пишу так, как идёт от души.

Жизнь не бывает на всём своём протяжении усыпанной лепестками роз. Ни у кого вообще. А у талантливых людей испытания помножены надвое. Тем ярче запоминается их образ и аромат – то бишь роз, конечно же... (Здесь продвинутая компьютерная молодёжь поставила бы смайлик...). Но и горький запах полыни, которым бытие щедро сдобрено, имеет большое значение, способствует расширению измерений этого самого бытия:

*Можно верить другу или милой,
 Грезить наяву, во сне мечтать,
 Белизну шюньских нежных лилий
 В песню сокровенную вплетать.
 Можно жить, а то – плестись послушно,
 Можно думать иль не думать, но –
 Всё же не согреют чью-то душу
 Те, кому пылать не суждено!*

*Люди все упрямы, словно камень,
Смертная у каждого стезя.
А живут в бессмертии веками
Делавшие то, чего «нельзя».*

«Можно»

Изобразительное искусство существует не само по себе применительно лишь к художникам, пишущим пейзажи и нюансы этих пейзажей, тонкие и трогательные, задевающие душу. Но и с помощью художественного слова можно приобщиться к пониманию и видению – таковы чудесные картинки живой природы в стихах у истинных поэтов. Таковы они у В. Гундарева. Цветовая гамма слова здесь лаконична, но точна и оригинальна, содержание насыщено неподдельным чувством любви, вовлекая в соучастное созерцание читателя. Таковы «Подснежник», «Гимн дождю», «А в челюстях угрюмых гор...», «Багряных клёнов обветшалый купол...», «Какого цвета земля», «Зелёная улыбка лета», «Ненастный этюд». «Предчувствие», «Зимний триптих», «Цветение сосны». Или вот это, где чудесная картинка летнего дня слита с чувством любви к единственной и неповторимой Женщине поэта – «Над ромашковым плёсом в излучке речной...». Перечислять можно долго и много, но надо ли, если можно все эти стихи прочесть, не распыляя их, как росинки, в отрыве от контекста-цветка?..

Лично мне скучны слишком академические рецензии на книги поэтов и писателей (может, статьи эти – гурманское блюдо для особо отстранённых от всего живого гурманов?). Их пишут несомненно достойные люди, разбирающиеся в литературе. Видимо, они и хотят диктовать вкус не видимому и не знакомому им читателю, предполагая в нём недоучку, не способного самостоятельно определиться в оценках. Точно так же, как пишут своё заключение патологоанатомы, никому не сочувствующие (иначе они бы померли вместе с исследуемыми!). Много истинного сокрыто критиками от доверчивого читателя непонятными терминами – то ли они хвалебные, обозначающие достоинство стихов, то ли они укорные, заставляющие самого поэта отказаться от *своего мира* и начать писать так, как надо критикам?.. Не трогает то, что преподносится ими как *безапелляционно* правильное, осуждающее отступление от некогда придуманных норм. Может, потому, что поэт – это всегда, во все времена НЕ норма? И задевают-то чувства читателя *его индивидуально найденные строки-слова*, вроде бы и похожие на всё, о чём думают и о чём печалются люди, но как-то так ловко расставленные по велению его возвышенной души, что и *непохожие*, и одновременно родные:

*Ты знаешь ли эту истину,
Что ты – человек? Или нет?
Улыбка твоя – единственная,
И мука твоя – единственная,
В глазах – для тебя лишь свет.*

*Но больше тебя здесь не будет.
И завтра по этой земле
Другие ходить станут люди,
Другие любить станут люди,
Как все – жить в добре и во зле.*

*А ныне тебе для отрады –
Дубравы, озёра в степи.
И жить торопиться надо!
Любить торопиться надо!
Смотри же ты, не проспи!*

«Ты знаешь, что ты человек?»

Это его, русского поэта Владимира Гундарева, – манифест, воззвание ко всем нам, чтобы жили мы в согласии с совестью, не теряли человеческого достоинства (которым он в полной мере обладает – читайте его стихи и прозу!), ценили жизнь и – не ныли. Уныние ведь один из смертных грехов для нас, православных христиан.

И читателя они, строки, возвышают в собственном его понимании, в его оценке самого себя. Значит, читатель становится лучше. Породистее в происхождении своей души... Может, поэзия для того и нужна? Ведь она приподнимает над чиновничьей «шинелью», дающей власть, над грубостью обстоятельств. И любого из нас, открытых и непредвзятых читателей, над таким неизбежным, необходимым, но огрубляющим бытом....

Особое слово о корейских, японских, парижских зарисовках, сделанных В. Гундаревым в этих поездках.

Опять же любовь движет им при встрече с разными странами и населяющими их людьми, освещая открытия и откровения собственной души.

Китайская, корейская и японская поэзия строится на своих особенных многотысячелетних традициях: изящество, лаконичность, устойчивая форма. Для русской души, возможно, даже на *скупости выразительных средств*. Восхищает эта *иная* художественная культура как экзотический цветок Поэзии. Признавая её красоту и своеобразие, всё-таки неизбежно возвращаешься к родным истокам – странно и неправильно было бы по-иному. В русских переводах хокку и танку всегда – *белый стих*, не рифмованный, с эскизным словесным рисунком – предполагается: читатель додумает, дочувствует, дорисует и достроит *образ или философское умозаключение*, которым был творчески болен поэт. В этом есть определённая свобода для читателя. Но есть, в моём личном понимании, и рамки для поэта. Эта поэзия творится или сознательно строится *по своим национальным правилам*. Она красива и трогательна. И имеет свой несомненный набор определенных достоинств.

Но для русского слуха – музыкального и поэтического – нет в ней той широты, разгульности, многокрасочности, *половодья чувств*, той открытости лихой и распахнутости, той безбашенной свободы, которые присущи русской поэзии. Нет простора, который пронизывает всё творчество наших русских поэтов – от Державина, Пушкина, Жуковского до более поздних, нашему русскому менталитету родных и для нас осиянных Божественным светом – Есенина, Тютчева, Фета,

Васильева, Рубцова, Курдакова... Такая же нерифмованная поэзия сквозит и в русских прозаиках, в их просторной вселенской любви к Человеку, в их искренних слезах за деяния его. И в их *прозаической поэзии* есть вселенской скорбь по тому неуловимому и неназванному признаку, который присущ русской тоске по идеалу. Этих писателей в 70-х окрестили «деревенщиками», с одной стороны отдав дань их мудрой благодарной верности чистым истокам – деревенской русской жизни, давшей именно своё ментальное начало народу с её сказками, былинами, непосильным трудом, воспеванием природной красоты и навечной неразрывной *пуповинной* привязанности к Родине. С другой – этим названием как бы поставив себя выше «дярёвни» и взирая снисходительно на эту кровную любовь и проповедуемые ими ценности».

Но вернемся к тому, о чём было заявлено вначале, и вот удивительные стихотворные эксперименты Владимира Гундарева. Во всех русских переводах стихи японцев, китайцев и корейцев были нерифмованными. А Гундарев отважился не только написать как бы в подражание, но и рифмовать свои впечатления от посещения этих загадочных стран, скрытых иероглифом. И сделал это совершенно по-русски: и суть и красота инопоэзии не утратились, но стали вроде как роднее. Из этих стилизованных стихов рвётся душа, ей тесно в четырёх-пятистишиях, как бы ими ни восхищались сильно продвинутые и отошедшие от традиций русского стихосложения эстетствующие критики литературы. Ну да – мы все отдаём дань этому тонкому графическому Востоку. Но он *островной и полуостровной*, за исключением Китая. Ему не хватает территории обычной земли, и потому он так дисциплинированно ходит стройными рядами любоваться на цветущую сакуру... Хотя безусловные плюсы от этого тоже есть: то, чего мало (живой природы в данном случае), то больше ценится. А русский парень с соломенными кудрями светится, выпирает из этих четырёх-пятистиший в блестяще написанных им стихах на прекрасной островной, но *чужой* земле. Парня воспитала другая культура, просторы его страны огромны, а пейзажи включают все красоты, кроме джунглей. И стихи потому другие. Вот, например, строки из «Корейских мотивов», написанных поэтом во время пребывания в Южной Корее, и сколько в них юмора и уважения к иным традициям:

Через Сеул

Течёт река Ханган.

Её теснят гранитные оковы.

Гудят от напряжения мосты.

А тут и там сидят по берегам,

На поплавки уставясь, рыболовы.

Им вовсе дела нет до суеты,

Они – в нирване...

«Нирвана»

А вот о нехватке той же самой земли – пахотной территории для жизни:

*Блаженствует,
В воде по горло, рис
(В сырых колосьях сок зелёный сладок)
На берегу Хангана. А поля,
Где стебли риса густо разрослись,
Теснятся прямо возле стройплощадок.
Вот так в Сеуле ценится земля.
И небо – тоже...*

Мудрый поэт вроде бы ни к чему не зовёт нас – русских, казахов... Но отчего же возникает эта боль – что мы неправильно пользуемся доставшимися нам от Бога землями? Почему не трудимся на них как следует, обеспечивая самих себя дарами земли?..

И во время всего путешествия, восхищённого познания другой культуры, ведущей свой отсчёт от древнейших времён, поэт вдруг пишет:

*Любимая!
В круговороте дней –
Пусть мысленно, но нераздельно вместе
В любом краю лишь ты всегда со мной,
На свете нет желанней и родней –
Так солнышко в туманном поднебесье
Угадывается за пеленой.
Тобой живу я...*

«Единственной»

Не знаю такого живого сердца, которое не откликнулось бы на это стихотворение...

Но что побеждает впечатления поэта в этом дивном краю, где приглашающая сторона, конечно же, показала всё самое-самое? А вот это:

*Диковинны
Деревья в парке. Вдруг, –
Затмив затейливость и пышность их наряда
Густой листвы убранством расписным, –
Застенчивых берёзок полукруг
Открылся перед изумлённым взглядом, –
И сразу же повеяло родным,
Заныло сердце...*

«Родное»

А в «Японских мотивах» что же? Да русская поэзия, только она! Вот они, эти лучшие (на мой взгляд) зарисовки:

*За чашечкой сакэ
Я коротаю время.
Напиток тёплый согревает грудь.
За окнами кафе дождь монотонный –
И как-то грустно на душе чуть-чуть...
Но славно любоваться в тишине –
Как в водоёме, величаво-томно,
Большие рыбы радужных расцветок
Поводят плавниками в глубине.
Как утка дикая, гнездясь невдалеке,
Хлопочет с выводком своим на островке.*

«За чашечкой сакэ»

Это – стихи русского поэта.

Самое ценное, чем хочу поделиться и что является лично моим открытием: *вся Поэзия Гундарева – это история и биография одной деревеньки*. Чистая и питающая своими незамутненными родниками. Это его, поэта, *оберег*. И потому рождаются нежные строки обращения-воспоминания – дающие надежду и мощную подпитку поэту в его стремлении жить и творить дальше:

*Отчий край мой, сюда наконец-то я вырвался снова.
Хоть живу в чужеземье, а родом и кровью я твой.
Но тебя возвеличить – не сыскал я заветного слова...
И сейчас пред тобою с непокрытой стою головой.
Остужающий ветер мои перепутал седины,
И поэмка сугробы на моём намечает пути.
Так прости же, Кыштовка, прости непутёвого сына,
Ну хотя бы за то, что я каюсь, – родная, прости...*

И ещё:

*И январский мороз устрашить нас не в силах,
Не пугают дожди, в октябре морося.
Ты всего лишь росинка великой России,
Но без нашей Кыштовки – Россия не вся.*

«Частица России»

Если в человеке ещё не до конца выветрилось понятие *истока*, долга, чести, – он поймёт, о чём эти сокровенные строки.

Схематично представляю, ЧТО я вкладываю в это своё впечатление-заявление, продиктованное большой искренней любовью и, как мне кажется, пониманием.: 1. ДЕРЕВЕНЬКА (рождение; впитывание морально-нравственных, духовных, гражданских устоев. И позиции личностной. И могучей душевной силы). 2. ГОРОД (поглощающий постепенно Деревеньку; раскрытость знаниям, обучение новому опыту; обретение борцовских качеств; взросление. Утверждение в профессии через поиски, труд, общение). 3. СТРАДА на ниве служения Слову. 4. ДЕРЕВЕНЬКА, порушенная нигилизмом «новой жизни», подрубающем сук, на котором сидит сама Жизнь, и присвоенная многими богатеями, ограниченными в своём сознании, в виде индивидуального поместья. 5. ТРАГИЗМ от осознания невозвратности прежнего в его прошлом виде. 6. ДЕЯТЕЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ в стремлении к возврату непреходящих ценностей.

Думаю, у всякого пишущего человека, желающего (нет – жаждущего!) отклика на своё творчество, есть своё мерило ценностей по поводу статей о его творениях. Одни ценят прославленных литературоведов и критиков (типа «сам такой-то написал обо мне!») – их статьи выстроены согласно законам жанра: содержат спецтермины, разбор по правилам (растаскивание по «пробиркам» на анализ строк, рифм) – как учили в институтах. Там обязательно присутствует филолого-лексический позитив и уж никак не обойтись без НО, после которого перечисляются аргументированные огрехи. Другие авторы ценят мнение *благонамеренного читателя* (хорошо, если он ещё и собрат по творческому цеху): такой читатель будет акцентироваться на стихах и прозе, безоговорочно достигших его чувств, вызвавших отклик сердца, восхитивших и полюбившихся. Такой читатель

воспримет без зависти и брюзжания откровения души, а то, что его НЕ тронуло глубоко или НЕ задело, просто не станет перечитывать. Это его *голосование*. Он или полюбит, или нет, но даётся ему это совершенно естественно, над ним не будет довлеть ни клановость критиков-литературоведов и их обязанность «отработать» докторскую степень филолога, ни дружба-вражда некоей литературной группы против анализируемого им поэта-писателя. Он будет искренен и свободен в оценках. Он не ангажирован. И он прав: возможно, то, что не затронуло его, тронет кого-то другого! Ведь все мы – всего лишь люди: и критики, и «простые» читатели. Мы отличаемся друг от друга по восприятию не только мира или поэзии в целом, но даже на одни и те же поступки или события смотрим со своей точки зрения. А её нас никто не может лишить. При этом и профессиональный критик, и чувствующий, понимающий и обладающий культурным багажом читатель вполне могут находиться на одной социальной ступеньке общественной лестницы, а читатель вполне может преобладать в интеллекте, интуиции и эрудиции над признанным критиком. Так ли уж велика меж нами разница? Так ли уж незыблем авторитет любого жюри? Многие ли читали тех писателей, кому присуждались Нобелевские премии? А если читали, многие ли были восхищены ими или всё же задавались порою здравым вопросом: «А не голый ли король-то?» Вот и я о том же: о праве и свободе быть Читателем с собственным живым восприятием. К общему знаменателю в этом вопросе никак не привести читателей Земли.

И пусть это не покажется читателю, не знакомому с творчеством русского поэта XX века Владимира Гундарева, *упрощенной* оценкой его творчества. Недаром по городам и весям разнеслись его стихи, ставшие любимой русским народом песней – «Деревенька моя» – в пользовавшихся необычайным спросом песенниках. Из песенников (кто из нынешних молодых не знаком с этим русским словом, поясню: песенники – сборники стихов-текстов к наиболее популярным в народе песням, сопровождающим любые семейные, дружеские, свадебные и юбилейные торжества-посиделки) стихи Гундарева заучивали наизусть и городские барышни, не забывшие своих деревенских тётушек, дядюшек, бабушек и прабабушек, и суровые (бывшие деревенские) мужики, достигшие признания в городах за свои умения и приспособленность к жизни. Это – цельность, целостность, целомудрие его, Гундарева Владимира Романовича, поэтической и человеческой души. Просто *деревенька* – истоки, откуда ВСЕ мы вышли, но позабыли об этом самом высоком на земле происхождении. Это наши грядки, которые помогли русским выжить в самые лютые голодные годы. Это наши избы, которые согревали нас деревом срубов, добытых в русском лесу. Это озёра и пруды, где голодная деревня добывала себе пропитание во время голодомора. Это наши грибы лесные, рябина кудрявая, калина после заморозков, давшие нам силы для выживания. Эта наша степная сорная лебеда, которая заменяла хлеб и сохранила для жизни детишек, умирающих от голода. Это наши деды и прадеды, которые пахали землю на себе. Или с помощью любимого коня-кормильца, мясо которого только потому и не едят русские люди в большинстве своём, что конь кормильцем, силой был, помогающей взрастить хлеб, а значит, сохранить

живыми людей... Это наша святая земля, за которую складывали головы русские солдаты всех войн. Не только за большую и любимую родину «от Москвы до самых до окраин», но и за свою собственную кровную земельку, политую потом, за огородик и садик возле скромного домика, где бегают в самошитых рубашонках бесштантные русоголовые ребятишки, где родили тебя мамка и тятка, где томится квас в глиняных кринках, охлаждаясь в темных погребках... Именно поэтому *такая* оценка творчества поэта Владимира Гундарева – это не упрощённая оценка, а признание истинной точки отсчёта, родившей не прелюбодейную любовь к его строкам. И всюду в его жизни – вот она, Деревенька, нежная в пейзажах утра и трудовая в лучах дня, певучая в вечерней заре после работ праведных и спокойная или страстная в ночной тьме...

Она никогда не отпускала поэта во время всех его странствий по жизни, питала его духовной силой, хотя сдавалась под натиском города и смены государственного строя, а позже – и перед собственно уничтожением её... Но для поэта главное в том, что сохранилась земля эта – унавоженная коровами, перепаханная на сто рядов русскими крестьянами, истоптанная резиновыми сапогами сельчан, которые, к грусти нашей, и сейчас, в XXI веке, являются их обувью едва ли не круглый год из-за отсутствия нормальных дорог.. И они, сельчане, всё же поют! И поют в том числе песню «Деревня моя, деревянная, добрая, /Смотрю через дали, прикрывшись рукой: /Ты в лёгком платочке июльского облака /В веснушках черёмух стоишь над рекой...», уже давно считая её собственной – то есть родившейся в народе, не имеющей конкретного автора слов и композитора. А недавно смотрела по российскому телевидению сюжет о деревне Сростки – родине незабвенного русского гения Василия Макаровича Шукшина, что по Чуйскому тракту в 35-ти километрах от Бийска, и буквально через неделю – программу о родине Михаила Евдокимова, замечательно талантливого русского деревенского юмориста-сатирика, странно погибшего на посту губернатора Алтайского края, родившегося тоже на Алтае (в г. Сталинске (ныне Новокузнецк)). И там уцелевшие после «реформ и перестройки» крестьяне, трудолюбивые и несгибаемые люди, умеющие отличить истинное от фальшивого и крапленого, пели в своих дружных деревенских застольях именно эту, такую родную и искреннюю, «Деревеньку».

Пока не истребили русскую душу живую, песня эта будет жить.

Светлана НАЗАРОВА

г. Алматы.

Владимир ГУНДАРЕВ

“Спасибо вам, читатели мои!”

Из родной сибирской глухомани,
К дальним горизонтам торопя,
До поры сокрытая в тумане,
Увела меня судьбы тропа.

А теперь вот путь уже итожу
(Пусть и рано подводить итог).
Может быть, и мало, только всё же
Что-то для людей я сделать смог.

Нет дорог без рытвин и колдобин.
Доли нет без горечи утрат.
В том, что был кому-то неудобен, —
В этом сам я, видно, виноват.

Возрастал я на целинной ниве,
Стала близкой мне степная даль.
Вряд ли был бы без неё счастливей,
Высоты достиг бы я едва ль.

Здесь живут мои по духу братья,
Нашу дружбу трепетно храня.
Казахстан, раскрыв свои объятия,
Родиной второй стал для меня.

А с друзьями всякая невзгода
Пылью рассыпается вдали.
«Русский сын казахского народа», —
Неспроста меня так нарекли.

Я стремился пристальней взглядеться
В блики будней, в милый лик земли,
Чтобы стали исповедью сердца
Строки сокровенные мои.

Видел в тучах небо голубое,
В сумраке угадывал зарю.
Жил любовью, жил всегда с любовью —
И судьбу за всё благодарю.

Здесь я крылья обретал и силы,
Птицей плыл над степью в вышине.
Но частица матери России
Незабудкой навсегда во мне.

25 октября 2003 г.

Деревня моя деревянная...

Деревня моя деревянная, дальняя,
Алёнушкой ты заблудилась в лесу...
Твоей биографии скромные данные
В своей родословной по жизни несусь.
И сельская ясность живёт в моём облике.
Смотрю через дали,
прикрывшись рукой, —
Ты в лёгком платочке июльского облака,
В веснушках черёмух стоишь над рекой...
Такая негромкая ты и неброская...
Берёзовых веток зелёный веночек...
Медвяная песня, мелодия росная...
И подорожник у кромки дорог...
Щедра ты застоьем, грибами, пельменями,
Какие озёра, покосы и льны!..
Да только к тебе добираться не менее,
Чем нынче лететь от Земли до Луны.
Родная моя деревенька-колхозница
Смущённой улыбкой меня обожгла,
К тебе моё сердце по-прежнему просится,
А я всё не еду...
Дела и дела...
Мне к южному морю нисколько не хочется, —
Душой не кривляю я, о том говоря,
Тебя называю по имени-отчеству,
Святая, как хлеб, деревенька моя.

И каждый раз, когда моя дорога
К порогу дома отчего вернётся, —
Отец с портрета сразу глянет строго,
А мама в грудь мою лицом уткнётся.
За худенькие плечи обнимая,
Оцепенею от гнетущей боли:
“Какая же ты маленькая, мама!
Как высохла от горькой вдовьей доли...
Становишься всё меньше...
Что тут скажешь? —
Так облако под ярким солнцем тает.
В какой-то миг —
представить страшно даже —
Неужто и совсем тебя не станет?..”
И всё, что с нею связано — то свято,
И дорожу я этим беспредельно.

А мама улыбнётся виновато:
 “И как тебя я ныне проглядела?
 И глаз с дороги не сводила прямо,
 И всё из рук валилось, право слово,
 Как чуяла, что ты без телеграммы
 Заявишься домой внезапно снова”.
 И захлопочет оживлённо рядом,
 И снедью стол уставит предо мною.
 А я, отцовским пригвождённый взглядом,
 Стою, не смея сесть к нему спиною.
 И спазмы перехватывают горло:
 “Ну что, отец, ты душу мне тревожишь?
 И смотришь на меня с немым укором,
 Ведь ты теперь меня уже моложе,
 А я всё старше буду год от года.
 Такое предназначено судьбою.
 Я без тебя одолевал невзгоды,
 Ну в чём же я повинен пред тобою?
 Ведь я над жизнью матери не властен,
 От хвори убережь её не в силах...
 Пусть не всегда
 был путь мой прям и ясен
 И ветром по земле меня носило
 Из края в край,
 но на дорогах трудных
 Я не подвёл, ничем не опозорив
 Тебя и мать.
 Так было и так будет, ”
 Покуда надо мною светят зори...”
 Безмолвный разговор...
 О том не зная,
 Вмешается в него и мама тоже,
 Вдруг жалостливо вымолвит, вздыхая:
 “А ты стареешь, сын мой... Отчего же?”
 Я промолчу и лишь пожму плечами, —
 Не будет утешенья ей в ответе:
 “Есть у меня тревоги и печали,
 И у меня повыврастали дети”...
 Ах, матери, извечны их надежды,
 Живут они заботами одними.
 Для них всегда мы —
 дети, как и прежде,
 Лишь почему-то ставшие седыми.
 К родному крову нас неудержимо
 Влечёт с годами — нет сильнее зова,
 Чтоб ощутить, — покуда мамы живы, —
 Себя детьми под ласковым их взором,
 И чтобы о давно ушедших память
 Забвения травой не зарастала,
 Нас честными отцовскими глазами
 Оценивает время непрестанно.

Могло ль в кошмарном сне присниться,
Что стало горькой явью дня:
Теперь Россия — за граница
Для россиянина меня.
“Да что же приключилось с сыном, —
Понять моя не может мать, —
Что иностранным гражданином
Ему втемяшилось вдруг стать?
Ведь не в Америку уехал, —
А в том краю, что сердцу мил.
Неужто кто-то ради смеха
Такое людям учинил?”
Нет, не постигнет разум здравый
Враз изменившийся уклад, —
Ведь суверенные державы
Не ставят гражданам преград.
А что у нас? — Единым махом
Воздвигнут был водораздел.
Теперь для омского казаха
И Казахстан — иной предел.
Теперь из каждого аула
И отдалённого села
Добраться легче до Стамбула,
Чем до Кургана иль Орла.
Ну разве было неизбежным
Вполне обычное сейчас:
Всё то, что в ближнем зарубежье, —
Подальше дальнего для нас?
А если вдруг проехать сможем
Отсель в какой-нибудь Сургут,
То рэкетиры из таможен
Нас, будто липку, обдерут.
Так вышло: я родился русским.
И, значит, мне вменить в вину,
Что вёл страну имперским курсом,
Осваивая целину,
(Пустив под Вологодой и Курском
Деревни многие ко дну)?
Гораздо всё сложней и... проще:
Мне одинаково нужны
Сибирские леса и рощи,
И даль ишимской стороны.
И это — в сердце, в этом — счастье,
Навеки соединено,
Не разделить его на части, —
Ведь сердце у меня одно.

1994 г.

Среди бетонности, железности
 Ты, приспособившись, дыши...
 И тут уже не до мятежности, —
 Не выплеснуть бы каплю нежности,
 Которая на дне души.

И, приближая разум к вечности,
 Веков раскручивая нить,
 Стремясь отважно к бесконечности, —
 Не позабыть о человечности,
 Бездушным роботом не быть.

А торжествуя убедительно
 Свершенье звездного витка,
 Гордясь успехом поразительным, —
 Не стать к несчастью снисходительным,
 К наивной свежести цветка.

Проникнуть смело в глубь субстанции
 И обнажить земную твердь, —
 Но пусть душа —
 Душой останется:
 Не разучиться б хлебу кланяться,
 От песен иволги добреть.

Свет родины

*Л. К. Гяммеру,
 М. А. Рассказову*

Здесь берёзовый свет,
 журавлей на болотах рыданье,
 Рыжий колос у ржи,
 бирюзовые очи у льна.
 Вдоль угрюмых урманов,
 возле топких озёр Васюганья
 Протянулась полоской
 родная моя сторона.
 Простоватой крестьянкой
 притулилась у Тары неловко,
 Не прельщая красой
 и лукаво к себе не маня.
 Но всему вопреки —
 неказистая вроде б — Кыштовка
 Год от года дороже,
 прекрасней столиц для меня.
 Тяготенье земное —
 в нём, Кыштовка, твоё притяженье, —
 Эту властную силу
 я всегда ощущаю вдали.

И, старая, к тебе
я своё убыстряю движенье, —
Тут и мама моя
 стала горстью родимой земли.
На печальных погостах
 даже в полдень покоится вечер,
И едва уловимо
 листвою шуршит тишина..
Все мы тоже уйдём.
 Но Кыштовке быть все-таки вечно,
Чтобы свято хранить
 дорогих земляков имена.
А покуда живём, —
 устремляюсь к друзьям на рассвете,
Чтобы вместе вдохнуть
 пряный запах лесов и полей.
В ранней юности здесь
 я любовь свою первую встретил,
Что осталась в судьбе
 и последней любовью моей.
Отчий край мой, сюда
 наконец-то я вырвался снова.
Хоть живу в чужеземье,
 а родом и кровью я твой.
Но тебя возвеличить —
 не сыскал я заветного слова..
И сейчас пред тобою
 с непокрытой стою головой.
Остужающий ветер
 мои перепутал седины,
И поземка сугробы
 на моём намечает пути.
Так прости же, Кыштовка,
 прости непутевого сына,
Ну хотя бы за то,
 что я каюсь, —
 родная, прости..

Мой ласковый,
Заветный мой июль,
Люблю тебя особенной любовью.
В лесу брожу,
На берегу стою ль, —
Дышу и наслаждаюсь я тобою.
Родная земляничная земля..
В траве играют солнечные тени.
И кажется,
Что в жизни у меня
Июля величавое цветенье.

Пора тепла, простора и добра,
Берёзовых ночей и медосбора.
И верится,
Что грустная пора
Меня минует
Иль придёт нескоро.
Такой отрады сердцу не забыть:
Она судьбу заполнила собою.
И хочется
До сладких слёз любить,
Чтоб целый мир
Обрадовать любовью.

У меня на даче бабье лето.
Впрочем, нету баб и лета нет.
В утешенье я придумал это,
Хоть и льётся с неба дивный свет.

Правда, это по-советски — дача,
А по новым меркам — огород.
С мая по сентябрь здесь силы трачу,
Роясь на участке словно крот.

Урожай я нынче снял изрядный, —
Можно и расслабиться чуток.
Бабочка со мной присела рядом,
То есть на календулы цветок.

Красота... Не верится, что хмурость
Скроет даль, что так ещё светла...
Я как старый кот в блаженстве жмурюсь,
Млея от последнего тепла.

Поутру скворцы, печальной стаей
Облепив тугие провода,
С родовыми гнёздами расстались
До весны. А может, навсегда.

Паутинки сетью шаловливо
Жухлую опутали траву.
Из плодов остались только сливы,
Да и те сейчас я оборву —

Сизые, как в изморози ранней,
Терпкий источающие мёд.
Вкусный воздух, от укропа пряный,
Каждый дачник с наслажденьем пьёт.

Над гнилыми яблоками осы
Вьются в ветках поредевших крон.
... Всё заметней наступает осень,
Окружая нас со всех сторон.

А с востока наступает город,
Чтобы нас лишить земных забот,
Мёртвой хваткой нас берёт за горло
И перекрывает кислород.

... У соседей благостные лица —
Всё успели за короткий день.
Солнце пучеглазое садится,
Быстро тень наводит на плетень.

... Завершён сезон. Пора проститься
С тем, что к сердцу протянуло нить.
... Завтра же строители столицы
Станут наши домики громить.

Совершая дикие набеги,
Всё разграбят за один момент.
Словно скифы. Или печенег.
Никакого спасу от них нет.

Выбьют окна. Выломают двери.
Хорошо, коль не спялят в огне.
Будем мы подсчитывать потери,
Как давно привыкли — по весне.

В общем-то, хотел я не про это —
Просто наболело на душе.
... У меня на даче бабье лето.
Впрочем, оно кончилось уже.
30 сентября - 1 октября 2007 г.

Вечерняя заря

Моя вечерняя заря...
Пред наступленьем вечной ночи,
Карминным пламенем горя,
Что мне, печальная, пророчишь?

Не то ль, о чём я знаю сам?
На зов заоблачного края
Душа стремится к небесам,
Земную скорбь в себя вбирая.

Тускнеют контуры полей,
Чтоб вскоре с сумерками слиться, —
Так тают в памяти моей
Слова, события, встречи, лица.

Жалею: в том, что позади,
Мне ничего уж не поправить.
И оттого щемит в груди,
Кровоточит и плачет память.

Вся жизнь прошла в добре и зле,
Стремился к лучшему, и всё же
Я был — и не был на земле,
В минувшем нечего итожить.

Не изменить, не зачеркнуть.
В душе смятение и смута.
Любовь мой озаряла путь,
Но сам я нёс ли свет кому-то?

Вместилось всё былое в день,
В один лишь день судьба вместилась.
И незаметно светотень
В густую сутемь превратилась.

Но даже если жил я зря,
И не по заповедям Бога, —
Моя вечерняя заря,
Не угасай ещё немного.
5-10 апреля 2009 г.

Так мало на земле осталось их —
Друзей непритязательных моих,
Мне давших больше, чем давал им я,
В сравненьи с ними что есть жизнь моя!
Я многих в путь последний проводил,
Не пряча слёз у дорогих могил.
И с каждой утратой всё трудней
Брести по косогору тусклых дней.
(А кто проводит в мир иной меня,
Угасший отсвет в памяти храня?)
Для всех, кого я в жизни потерял,
Есть скорбный и святой мемориал —
Друзья в моей душе погребены,
Ушедшие, они мне так нужны!

По зову моему порой во сне
Приходят — бескорыстные — ко мне
Утешить, подбодрить, предостеречь,
Я тшусь постичь невнятную их речь,
Но только неразборчивы слова —
Так шелестит на тополях листва...
Немного у меня осталось их —
Надёжных, истинных друзей моих,
Я ощущаю верных рук тепло,
Молю судьбу, чтоб им всегда везло,
На перепутьях непокорных лет
Пусть осенит их дружбы добрый свет,
И чтоб не я их провожал туда,
Откуда ни возврата, ни следа...

Вновь солнышко голубит синеву...
А что же я?
А я пока живу.
16 февраля 2010 г.

Внучке

Виталина-Виталинка,
Папы с мамой витаминка,
Обожаемое чадо,
Деда с бабушкой отрада,
Темноглазая певунья,
Чудо-пташка-щебетунья.

Виталина-Виточка —
Тоненькая ниточка,
День за днём ведущая
За собой в грядущее.

Виталина-деточка —
Маленькая веточка
Древа родословного
С кроной разветвлённой.

Звёзды над Россиею
Радужными искрами,
Кровь в тебе пульсирует
Русско-украинская.

Под крылом Всевышнего
В городе Камышине
Наше отражение,
Жизни продолжение,
И — дорога светлая
Целого столетия.
10 марта 2010 г.

Дочерям Ирине и Ассоль

Когда бушует март, космат
От вьюги-снегопада,
Когда покров багряный смят
Сентябрьского сада,
Когда июньский ливень вдруг
Переполняет лужи,
Когда сжимается вокруг
Простор от зимней стужи,
В промозглый день, рассветный час,
Порой вечерней тоже —
Всегда я думаю о вас,
Печалюсь и тревожась:

Для вас я был плохим отцом —
Вам надо бы другого.
Но сволочью и подлецом
Я не был, право слово.

Путь в жизни пробивал я сам,
Не покоряясь будням, —
Благодаренье небесам
И милосердным людям.
Всегда работал, словно вол,
И дней не ведал праздных.
И вас я за руку не вёл,
Не опекал ни разу.

Пристроить не пытался вас —
Ни раньше, и ни позже.
Своя дороженька вилась
У каждой волей Божьей.

Как далеко живёте вы,
И к вам дороги долги:
Одна — на берегах Невы,
Другая — возле Волги.

Но в этом нет моей вины,
Горюю, что бессилён:
Вы в Казахстане рождены,
А кров нашли в России.

Я лишь на строчки тратил пыл.
И если разобраться, —
То капиталов не скопил,
Не заимел богатства.

Чего же нет – не перечесть:
От джипа до имения.
Что я имею? – только честь,
Я только честь имею.

Покуда в сердце жар не стих, –
Останусь, духом прочен,
Не инженером душ людских –
Поэзии рабочим.

Но в ясный полдень, ранний час,
Порой закатной тоже –
Всегда я думаю о вас,
Печалюсь и тревожась.

За ваши горести в судьбе,
За каждую обиду
Я боль таю, ношу в себе,
Не подавая виду.

Мы редко видимся, увы –
Мешает жизни проза.
Что вас люблю я, – знайте вы,
Пока ещё не поздно.
19-23 марта 2010 г.

Моя “Нива”

*Поэту Владимиру Балачану –
автору стихов песни “Хлеб – всему голова”*

Боясь остаться не у дел,
На лучшее надеюсь,
Давно я взял себе надел –
Как истый земледелец.

За эту блажь себя вина,
Смиренно-терпеливо
Я двадцать лет день изо дня
Возделываю “Ниву”.
Чтоб крепи творчества ростки,
Под зорями покоясь, –
Выпалываю сорняки,
Лелею каждый колос –
Труда усердного венец –
И до сердечной боли
Я пахарь, сеятель и жнец
На этом скромном поле.

Пусть борозда, что вдаль ведёт,
И не всегда прямая –
Двенадцать урожаев в год
Ссыпаю в закрома я.

Заботы тяжкие гнетут,
Но утишаю страсти:
Ведь мой простой крестьянский труд
По духу — христианский.

Хлеб суший — голова всему
Под необъятным небом.
Судьбой причастен я к нему —
Кормлю духовным хлебом.

Не отвожу от ветра лоб,
Не опускаю плечи.
Ведь я тудяга-хлебороб
На ниве русской речи.

Познав и радость, и беду,
Когда-нибудь покорно
На этой пашне упаду,
В горсти сжимая зёрна.

17-19 марта 2010 г.

Без пяти двенадцать

Не надо за будущим гнаться
И рваться вперёд напролом:
Уже без пяти двенадцать,
А бездна — за первым углом.

Ведь с участью не разминуться,
Напрасны пред нею мольбы:
Мгновенье — и стрелки сомкнутся
На циферблате судьбы.

Но в духе извечных традиций
И в самозабвенье святом
День изо дня надо трудиться —
Жизнь не отложить на потом.

И время транжирить негоже,
Безделье и праздность — порок.
Свершить бы побольше, чем можешь,
Суметь за отпущенный срок.

В любви напоследок признаться,
Душой не старея и впредь,
Пока — без пяти двенадцать,
И многое можно успеть.

4-5 сентября 2010 г.

Музыка и слово

*Как на флейте и на скрипке
людям я играл, бывало,
Чтобы жизнь со мной мирилась
и меня не забывала.*

Тудор Аргези

Не сподобился играть я ни на скрипке, ни на флейте,
Даже простенькой гармошки не затрагивал лады.
Тренькал чуть на мандолине, но учитель мой заметил:
“Пальцы слишком неуклюжи – ни туды и ни сюды”.
Был я молод, мне мечталось ловко шпарить на гитаре,
Подражать кумирам-бардам, в упоительном угаре
Головы кружить девчатам, хмель вдыхая их волос...
Но ни разу семиструнку в руки взять не довелось.
Ксилофоном долго бредил, Гарри Гродберга органом,
Завораживали сердце гусли пращуров-славян,
Вера Дулова из арфы волны музыки кругами
Извлекала, выпуская в поднебесный океан.
Всей душой моей владели, отзываясь дрожью в теле,
Нежный вздох виолончели, неземная грусть свирели,
И сливались воедино от Ишима до Днестра
Украинская бандура и казахская домбра.
Все созвучия вбирая, чем я мог ответить людям,
Откровеньями какими, мучаясь в ночной тиши? –
Только словом вдохновенным, одолев рутину будней,
Тронуть трепетные струны человеческой души.

4-5 октября 2010 г.

Любящая женская душа

Жизнь тогда безмерно хороша,
Если тьмы рассеивая муть,
Любящая женская душа,
Словно солнце, озаряет путь.

И когда в кармане ни гроша,
Верь, что луч надежды не погас.
Любящая женская душа –
Самый прочный золотой запас.

Если от недуга чуть дыша,
Страждущий кривит от боли рот,
Любящая женская душа
Исцелит, поможет и спасёт.

Если вдохновение полей
Словом рвётся вдруг с карандаша –
Это стала музой твоей
Любящая женская душа.

Незаметно подвиг свой верша,
Утешая, радуясь, скорбя,
Любящая женская душа
Ничего не просит для себя,

А сама старается отдать,
Даже в тайных мыслях не греша.
Но не всем дарует благодать
Любящая женская душа.

Вот и я.. Былое вороша,
Огласил мольбою белый свет:
«Любящая женская душа,
Отзовись!». — Но тишина в ответ.
3 августа 2011 г.

Снег

«Выпавший снег — как взбитые сливки, —
скажет стряпуха, —
Сахарной пудрой инея
обсыпал мороз дерева».
«Нет, снег — это белый саван, —
возразит седая старуха, —
Ведь зимою —
природа мертва».
«То облака спустились,
землю украсить чтобы», —
Вымолвит
стихотворец — не от мира сего.
«Глупости, — возмутится
химик высоколобый, —
Это замёрзшая влага —
с формулой H₂O».
«Снег походит на хлопок», —
поправит узбек-дехканин.
Туземец с острова Пасхи,
выпив кокос на обед,
Разинет рот удивлённо,
обдав ванильным дыханьем:
«Слова такого нету,
а значит и снега нет».

10 декабря 2011 г.

Сельское утро

На крыльцо я утром вышел, встав попозже в выходной.
Первой гаркнула ворона, поздоровавшись со мной:
«Старый хрыч, смотри, спросонья не протри глаза до дыр.
Что валяешься в постели, где обещанный мне сыр?»

Моим читателям

*Зинаиде Чумаковой –
в память о прекрасной творческой встрече
в Жезказганском историко-археологическом
музее 14 сентября 2011 г.*

Быть может, вас и мало, но вы есть.
Спасибо за оказанную честь, —
Коль строки безыскусные мои
В своих сердцах вы сохранить смогли:
Ведь вы — моя духовная родня,
Которой нет дороже для меня.
Я брал слова у неба и земли,
У февраля, когда снега мели,
У золотой берёзовой листвы,
Росистым утром скошенной травы,
Когда её духмяный аромат
Вплывал тягуче в солнечный закат,
У спелого пшеничного зерна,
Чьим нежным светом степь озарена,
У скрытого в чащобе родника,
У незабудки и у василька.
И даже в тусклых буднях — благодать
Грядущего стремился угадать.
Я вместе с вами в бедах горевал,
Одолевал опасный перевал,
Негодовал, когда вас обдирал,
Как липку, хитроумный чинодрал.
И радовался малости любой,
Когда вы, поднимаясь над собой,
Могли улыбкой радовать других —
Не только сердцу самых дорогих.
Во мне — частица каждого из вас,
Живу я, окрыляясь и дивясь,
Что между нами трепетная связь, —
Ведь в сокровенных строчках о любви
Я ваши чувства — выдал за свои,
А искорки от вашего огня
Воспламеняют много лет меня.
Всё лучшее у вас перенимал
И добрым наставлениям внимал.
Но если своевольничал я вдруг —
Простите мне мой собственный недуг,
Не тем, бывало, верил голосам, —
То в этом виноват я только сам.
Я без утайки душу вам открыл,
Без вас — я слеп, бесчувствен и бескрыл,
Что вы своим признать меня смогли, —
Спасибо вам, читатели мои!

11 декабря 2011 г.

Свобода

Я независим — как Соединённые Штаты.
Я свободен — как суровая статуя в Нью-Йорке.
Или как Алексей Максимович Горький,
По России пешком ходивший когда-то.

Я свободен в душе — никого не стесняя этим.
Никому не обязан под шатром небесных раздолий.
Но свободен не так, как безумцы-поэты,
Ибо разницу чую меж свободой и волей.

Мне свобода моя помогла одолеть невзгоды.
Ею я дорожу — и иных сокровищ не надо.
Но готов я зависеть от нежного женского взгляда
И под властью любви лишиться своей свободы.
4 июня 2012 г.

Цефеиды

Там, в межгалактическом пространстве,
Где светил бесчисленных сиянье,
Есть двойные звёзды цефеиды —
Редкое явление во Вселенной.
Не дано постичь их тайну странствий
(Мы-то вряд ли их когда увидим),
Ведь, имея общий центр вращения,
Плазмой тел своих соприкасаясь,
Так и пребывают без слиянья,
Не соединяясь, не стекаясь.
Головы ломают астрономы
Истине загадочной в угоду,
Бьются, изнемогши, до истомы —
Объяснить не могут их природу.
... Проникают в нас с тобой флюиды,
Преодолевая расстоянья,
Но, увы, мы те же цефеиды,
Обречённые на неслиянье.
14 июня 2012 г.

Орхидея

Увядает моя орхидея —
Иноземный тепличный цветок.
И смотрю я, душой холодея:
Снежно-розовый сник лепесток.

А за ним и другие поникли
И слетели, скукожившись вдруг,
Словно бабочек светлые блики,
Облепили магический круг.

Иль не вынесли тяжкого зноя,
Или, может, обидел их я.
Вот смущённо лежат предо мною,
Запоздало о чём-то моля.

Без остатка всем сердцем владея,
Страсть меня вдохновляла в пути.
Верил я, что любви орхидея
Будет не увядая цвести.

То не мне ли мерцали Плеяды,
Высветляя любимой ладонь?
Не во мне ли лукавые взгляды
Возжигали знобящий огонь?

Но порывы души охладели,
Прежний жар сохранить не смогли.
И под стать лепесткам орхидеи
Увядали и чувства мои...

30 июня 2012 г.

Всегда в моём сердце Россия...

Лечу ль под небесною синью,
Иду ль по лугам и жнивью —
Всегда в моём сердце Россия,
Я с именем этим живу.

И где бы порой ни носили
Суровые ветры меня —
Царит в моём сердце Россия,
Высокою нотой звеня.

Теплом её щедрым согреться —
Спасть от душевных невзгод.
Россия всегда в моём сердце,
И ясен над ней небосвод.

Хоть недруги сворой спесивой
Глумятся над нею давно, —
И всё же величье России
Принизить им не суждено.

Все беды она пересилит,
Открытая свято добру.
Всегда в моём сердце Россия,
Я с именем этим помру.

11 июля 2012 г.

Наследство

Есть старики, что копят до последнего, —
Потомство умилился их поступку.
А я лишь бороду от деда унаследовал
Да треснувшую глиняную трубку.

Я тоже в деда. Потому в наследство
Не «Кадилак», не особняк, не дачу:
Я оставляю внукам с лёгким сердцем
Лишь только трубки — к бороде в придачу.
10 августа 2012 г.

Вот и завершается дорога...
Хоть и шёл я на пределе сил, —
Для себя — неся свой крест — у Бога
Ничего я всё же не просил.

Всё, что мог, он дал мне в полной мере.
В остальном же не плошай, мол, сам.
Принимал — как должное — потери:
Значит, так угодно небесам.

Шестьдесят... И впереди лишь малость —
Рядом край земного бытия.
Ласточкой стремительно промчалась
Жизнь неповторимая моя.

Спохватился, оглянулся: где ты?
Неужель так быстро отцвела?
Понял я, что жизнь в потоке Леты —
Капелька, упавшая с весла.

Потому-то каждым мигом будней
Начинаю дорожить вдвойне.
Сверх того, что суждено, не будет.
Тем, что есть, довольствуюсь вполне.

Не взропшу, коль выпадет мне в муках
Завершать последние дела, —
Лишь бы у детей моих и внуков
Доля поутешнее была,

Чтобы для моей любви-отрады
Я остался солнечным лучом.
Больше ничего мне и не надо,
Не прошу я больше ни о чём.

Хоть и шёл я на пределе сил, —
Для себя — неся свой крест — у Бога
Ничего я всё же не просил.
... Вот и завершается дорога...

Серик БАЙХОНОВ

Алтай – Рубикон

Роман

Глава первая

1

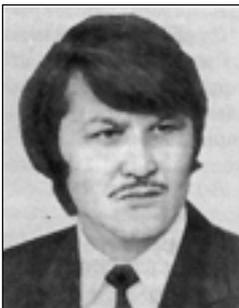
Ранней весной одна тысяча восемьсот семьдесят девятого года по почтовому тракту, который уходил вдоль Иртыша в юго-восточном направлении, бодрой рысью двигалась группа всадников.

Первым на вороном скакуне рассекал холодный горный воздух человек в чапане и островерхом борике-малахае. Следом на ходких почтовых лошадях ехали двое в новой с иголки военной форме, и вида они были самого бодрого и уверенного. В хвосте маленькой конной процессии плелись еще двое, они как-то неуверенно сидели в сёдлах.

По знакам различия на эполетах одного из них можно было смело предположить, что этот человек высокого чина. Это был дородный русский мужчина, с пронзительным взглядом. Над глазами нависали хмурые, кустистые брови, а пышные усы были густо усыпаны сединой. Лицо его было обветрено многими километрами степных и лесных дорог. Мужчина был тяжёл, саврасый жеребец-тяжеловес изнемогал под тяжестью его тела, но всадник, не замечая этого, смотрел прямо перед собой, и видел лишь потную шею лошади. Иногда он поглядывал на крутой задривок скачущего рядом спутника.

В постепенно тающем, словно воск, утреннем мареве показались скрывавшиеся за белогривыми Алтайскими вершинами, переливающиеся сверкающим белым светом сосульки красного солнца; сизый туман, окутавший горы, медленно отступал, открывая взорам путников восхитительные краски зимне-весенней природы Алтая.

Была середина марта, алтайские леса только пережили очередную суровую зиму, и почтовый тракт под ногами ходких лошадей – извилистая накатанная дорога – был в сносном состоянии. Тракт шел вдоль Иртыша, и повторял причудливые берега мощной реки. Поверхность Иртыша всё

Серик БАЙХОНОВ

– известный казахский прозаик. Родился 12 мая 1953 года. В 1976 году окончил филфак КазГУ, а в 1980 году Высшую партийную школу. Работал главным редактором Казахского телевидения на киностудии Казахфильм. Автор повестей и романов «Самый горячий сезон» (1979), «Дом с двумя куполами» (1983), «Лето на плоту» (1987), «Дельта» (2001), «Путешествие в страну чудес. Книга о природе» (2001).

Лауреат премии имени Ахмета Байтурсынова и международной литературной премии «Алаш».

ещё была скована льдом. Вдоль реки росли мелкие кусты, а на противоположном берегу, на склонах гор дремали устремившиеся в небо вековые сосны и лиственницы. Они, с трудом перенеся ярость кажущейся бесконечной суровой алтайской зимы, устало прогнулись под тяжестью заснеженных ветвей.

С правой стороны дороги, накатанной за всю зиму санями и разбитой копытами лошадей, снег покрывал землю слюдяной коркой, а местами был похож на слегка побитое сито. Сразу у дороги стояли неровными рядками низкорослые кусты диких ягод, заросли мелких деревьев разных пород, среди которых выделялись мохнатые ивы, готовые, как по взмаху волшебной палочки, встряхнуться и скинуть свои наряды из снега и инея, лишь бы выглянуло солнце. Если на том берегу всё ещё властвовала настоящая зима, то на этом берегу начинала пробуждаться ранняя весна.

Дородный русский человек был генерал Николай Михайлович Пржевальский, знаменитый путешественник, географ, исследователь Центральной Азии. Оценивая наметанным взглядом бывалого человека открывающуюся перед ним местность, он снова перенёс своё внимание на обрюзгшее, красноватое лицо своего ближайшего спутника, начальника таможни. С самого начала поездки ему не понравилось это бурое, как у рака, лицо, высокомерный вид, а то, как он неумело сидел в седле, вызывало у великого путешественника плохо скрываемое раздражение. На память пришло как вчера, в Семипалатинске, во время прощального ужина, выпив дорогого вина, и явно хватив от жадности лишку, этот начальник таможни так разболтался, что у генерала голова разболелась... Если слушать этого горе-начальника, то ехать они должны были не по почтовому тракту, а по левой стороне реки, где снега было по колено лошадям...

Что же это получается?.. Неужели он, Николай Пржевальский, который перенес лютые морозы Уссурийской тайги, выжил в губительных жарких песках Гоби и Алашаня, должен бояться алтайских морозов, находясь в пределах земли, которая вот уже как полтора века находилась в составе великой Российской империи?..

Он еще раз взглянул на своего напыщенного спутника, и ему захотелось расхохотаться. Своей манерой сидеть в седле, одеждой он напоминал ему дилетанта - «путешественника». В последнее время развелось очень много искателей приключений, разумеется, не он первый и не он последний, который хотел бы найти хоть маленький клочок земли, куда ещё не ступала нога человека. И среди них были такие, которые, едва появившись на Алтае, тут же претендовали на богатства, почет и уважение окружающих. Но ещё больше здесь было беглых... Беглые от армейской повинности... Беглые каторжане... Беглые от помещиков... Нищие и голодранцы... И сейчас обыкновенный средний чиновник, начальник местной таможни, рядом с известным на весь мир путешественником мнит себя бывалым и удалым искателем, сидя неуклюже верхом на отборном рысаке.

Следом за этим, он устремил свой взгляд на других двоих, едущих впереди. Прапорщик и его денщик. Вот они и есть настоящие, бесстрашные путешественники!.. Покинувшие отчий кров ради славы мировой науки, годами не видя ничего кроме длинной нити дорог, они не зря

скитаются вместе с ним, с Николаем Пржевальским, по белу свету. Возможно, они делают это не ради знаний, а из-за уважения к нему, светилу мировой науки?..

Подобные нелепые мысли грели душу, высоко поднимали собственное тщеславие, но нагоняли тоску и уныние. И как бы злясь на самого себя, за проявленную минутную слабость, он стеганул камчой и без того обливающегося потом саврасого, и догнал своих спутников, скакавших во главе этой конной процессии.

Догнав их, и едучи немного позади, наблюдая за тонкой шеей своего помощника, смешно болтавшейся в такт шагу коня, генерал удивился стойкости последнего. Это каким же образом на такой худосочной шее держалась такая большая голова?..

Он знал, что на его помощника возложило большие надежды всё географическое сообщество России, он даже пользовался некоторым авторитетом среди ученых умов Петербурга. Прапорщик Роборовский... Если не принимать во внимание, что, едва достигнув двадцати лет, он читал лекции по биологии в университете, то этот юнец так же был силен и в зоологии. Бесспорно, в знании животного мира Роборовскому было далеко до него самого, до Николая Пржевальского... Но что касалось орнитологии... И, что интересно, прапорщик знал себе цену. Из всех членов экспедиции он только с ним общался как с равным, а наедине называл его по имени - отчеству. Этот молодой человек был не по годам развит, умен, начитан. За счет этих качеств из десятков желающих попасть в Тибетскую экспедицию был выбран именно он.

Услышав приближающийся сзади топот, прапорщик Роборовский придержал коня, и по военному прижался к обочине. Немного суетливо, в попытках попытался, соблюдая субординацию, поднести руку к козырьку, но эту его попытку обрезал окрик генерала:

– Отставить! Чем думать о субординации, вы бы лучше подумали о моей персоне, когда подбирали лошадей...

– Ваше высокоблагородие, с такой комплекцией вам больше подошёл бы верблюд, нежели лошадь... и притом я боюсь, что наше положение куда хуже, нежели у лошадей...

Несмотря на то, что Пржевальскому пришлось по душе признание вины прапорщиком и его незамысловатая лесть, он сделал вид, что ничего не заметил, и отвернулся. Немного погодя, прапорщик Роборовский своим тонким, совершенно некомандным голосом подал команду: «Стоп! На водо-по-ой».

И едва прозвучала эта команда, как конная процессия остановилась, тут же утоптали снег на небольшой полянке, и на расстеленной плащ палатке появились фрукты и конфеты, бутылки с венгерскими винами и запахло французским коньяком «Финьшампань».

Пока путники утоляли голод и жажду, ослепительный солнечный диск, недавно показавшийся на горизонте, поднялся вверх на высоту аркана.

2

Когда белый снег, переливаясь в лучах солнца тысячами рассыпанных бриллиантов, всё ещё плотно сковывал склоны гор, группа остановилась у того места, где река Чар вливалась в Иртыш. Под берегами, всё ещё укутанными толстым слоем снега, по блестящей ледяной поверхности реки, неторопливо журча, лилась талая вода. Так на Иртыше начинается половодье. А там, где растекшись, небольшая речка Чар, вливалась в Иртыш, торчали из берегов дрожащие ивы и голые заросли тамариска, отражаясь по самые кроны, в зеркальной поверхности воды. В некоторых местах лёд покрылся опасными паутинками трещин. Вода, бурля, просачиваясь сквозь эти трещины, торопилась вырваться из зимнего плена, откалывала мелкие куски льда и уносила их в сторону моста.

Начальник таможни, первым подсказавший к переправе через Иртыш, вернулся к своим спутникам чернее тучи. Глаза его метали «громы и молнии»:

– Раскудрит-тудить мать твою в коромысло, этот «чёртов мост»... Повреждён, кондрашка его побери... Христом Богом умолял же ехать по правой стороне реки...

И как бы оправдываясь, таможенник зачистил:

– Ей богу, ваше высокоблагородие, я здесь ни причём. Это всё начальник почты...

Достигши места, путники увидели мост, построенный из тонких лиственниц... И до того это было шаткое строение, а теперь, после суровой зимы, бурянов и снегопадов, середина его попросту провалилась. Бурлящая вода, нагромоздив лед к опоре, что находилась посередине моста, сердито и глухо рокотала, словно пыталась выдрать сваи с корнем. Принесённые талой водой корневища деревьев и кустов, толстые льдины, наползающие одна на другую, а также ледяное крошево, принесённое бушующей водой, – всё скопилось под опорами и давило на них. В довершение этой картины останки животных, утопших в паводке, вперемешку со льдом плыли в этой жуткой речной массе. Чего только там не было: корова с вздутым животом, мелкий домашний скот со сломанными шеями и вывороченными ногами... Ужас...

– Что, и в этом виноват начальник почты? – раздраженно спросил генерал Пржевальский, кнутом показывая таможеннику на это месиво льда, деревьев и животных.

– Конечно ваше высокоблагородие... Каждый год одно и то же... Каждый год... – отвечал начальник таможни, чуть не плача. – Это же казенные деньги...

Пржевальский знал, почему так переживал начальник таможни. Мост, смытый водой – последствия природной стихии. А значит, можно было без никакой опаски требовать деньги от властей на строительство новой переправы. А для этого нужно было всего лишь плакаться и жаловаться всем чиновникам, которые приезжали сюда из далекой столицы...

С трудом, скрывая презрительную ухмылку в густых усах, генерал прищипорил прядающего ушами испуганного коня, и направил его поближе к мосту.

Приблизился и замер вместе с конём, как вкопанный столб. Рядом с ним, подскакав, замер и тут же затрясся, как осиновый лист на холодном ветру, и таможенник. На краю смытого моста застрял труп маленького ребёнка... На войне, когда годами видишь смерть, постепенно привыкаешь к ней. Но тут сердце генерала дрогнуло.

Пржевальский, скрывая свой страх от подчинённых, резко развернув коня, отъехал в сторону. Он, конечно, не хотел, чтобы они видели то минутное замешательство, которого он не испытывал ни на Тибете, ни в Цаидаме, и настигло его почему-то здесь, на берегу сибирской реки.

Пытаясь отвлечь внимание спутников, он откинулся в седле и устремил свой взгляд в небо. Там не было видно ни облачка, и лишь одна черная точка парила в вышине, и это была, несомненно, большая птица. В поисках падали в синеве парил стервятник.

– Прапорщик, вы видите того бурого грифа?

– Так это белоголовый гриф, видимо, на юг летит..

– Да у тебя все птицы только и знают, что летают на юг, – сказал генерал, не скрывая своего скепсиса. – Ты что, каналья, думаешь, я не смогу отличить белоголового грифа от бурого падальщика?

– Никак нет, Ваше благородие... Местные казахи так прозвали эту птицу, а по – научному, – это одна и та же птица...

“Подойти с научной точки зрения... Рассмотреть с научной точки зрения...” Для его помощника, родившегося с бумагой в руках, любая летающая или бегающая тварь лишь – научный объект, высушенный, заспиртованный, не более. А может и люди для него всего лишь научный объект для исследований? – подумал генерал.

С противоположного берега послышались крики. А вот и верный слуга Харитон прискакал к Иртышу. Машет руками, что-то пытается сказать только им обоим понятными знаками, кивая в сторону моста, потом показал рукой в направлении возвышавшейся вдали, похожей на спелую грудь молодухи, горы – Айыртау, что значит Двухглавая гора. «Всё-таки в его денщике не изжилось тюркское происхождение, один он верно оценил сложившуюся ситуацию...» – подумал про себя Пржевальский, немного нервничая.

У самой вершины горы беспокойно кружила стая белоголовых грифов. И птица, которую они видели недавно, то опускаясь ниже, то поднимаясь ввысь, потом кружась, направлялась на южную сторону горы с многочисленными обрывами и острыми скалами. Генерал для порядка головой, как бы говоря, что понял его.

Впереди – Харитон, позади – Пржевальский; так они и направились к двуглавой горе. На их пути встречались высокие и низкие кустарники диких ягод, которые, прогибаясь под брюхами коней, стяхнув белый иней, тут же стали подниматься в полный рост, к теплему солнцу... В труднопроходимых местах, на звериных тропах, покрытых опасным пупырчатым белым снегом, кое-где встречались волчьи следы. Опытные знатоки птичьих повадок, люди, ведающие в орнитологии, они не боялись сбиться с пути, так как впереди маяком, кружась как бы для них, летел бурый гриф, а под ногами картой для них были следы на звериных тропах...

Внезапно прямо перед ними, из зарослей густого кустарника вышел волк. Было видно, что волк старый, матерый. Шерсть на его толстом загривке была грязная, свалывшаяся. Не торопясь, словно прогуливаясь, волковожак пересек тропу, посмотрел по сторонам, будто что-то ища, повел головой назад, и сел наблюдать за тропой, по которой двигались путники. Немного погодя из кустов показалась тощая волчица со своим выводком, поводящими яркими бусинками любопытных глаз, волчатами.

Привыкший, по армейской привычке, неусыпно следить за каждым движением генерала, Харитон краем глаза заметил, как рука его потянулась к револьверу, и словно передумав, безвольно опустилась. Денщик знал, что Дородный был страстным охотником, и ему был не понятен такой поступок своего начальника.

Через некоторое время двое путников продолжили свой путь в сторону Айыртау, которая словно врезалась макушкой в синие небеса. Стая волков следовала именно туда, а два путника, словно две невидимые тени следовали за ними. Удивительно было видеть, что на правом берегу Иртыша была настоящая зима, в то время как здесь, на левом – весна набирала обороты.

Выехавший только что из леса, в котором властвовала суровая зима, и оказавшийся в зоне начинающейся весны, генерал, не веря своим глазам, замер от страха... Он не помнил, как в порыве необъяснимого ужаса спрыгнул с коня, снял головной убор, и сколько времени простоял как истукан. Придя в себя, и, как бывало в таких ситуациях, он начал искать своего денщика. Денщик тут же подскакал к своему хозяину, свесился с седла и посмотрел ему в лицо...

Генерал был очень бледен, словно побывал в пекле. Боясь его праведного гнева, денщик прикрыл глаза рукавом кителя.

– Вы... всё увидели!.. – начал верещать он. – Вы же всё видите, ваше благородие!..

– Нет... Я ничего не видел!.. И ты, сукин сын, ничего не видел! Ты понял меня!.. И если ты ещё хоть раз откроешь свой поганый рот, убью! Это приказ! Ты понял?..

– Ваше слово для меня закон, ваше благородие! Хорошо, я ничего не видел. Я же знаю, что...

Русский генерал, великий путешественник, много чего повидавший на белом свете, теперь он не верил тому, что увидели его глаза. Не хотел верить. И, судя по всему, он никогда и никому не рассказывал о том, что же он увидел. Возможно, его поступок можно было бы понять, ибо в те времена люди не всегда могли признать жестокую правду.

Многие подобные события не афишировались десятилетиями, можно сказать, что никто и не знал о существовании подобных страшных мест, и для многих остались неизвестными, тайной за семью печатями. Однако не все ведь люди выполняли приказы, и не все жили по военному уставу. И среди таких людей были подобные Харитону и его генералу, которые записывали все, что они видели, и часть этих записей дошла до наших дней.

«... Необъятные просторы заснеженной степи были словно в агонии... Мор сковал их, как лед в реке, и не давал шанса для выживания ни единственному живому существу.

Буквально за сутки у местных казахов в буран вымерли тысячи голов скота. Сотни людей умерли от холода и голода. То тут, то там встречались им лошади, еле-еле перебирающие копытами, исходящие в предсмертной агонии. Обессиленный скот был не в силах даже встряхнуть снег, который валил хлопьями, и так постепенно они оставались запрошенными снегом, который принес им смерть, а вместе с тем облегчение от невероятных мучений, и теперь покрывал их словно саван...

Повсюду, укрытые льдом и снегом, то тут, то там стояли косяки лошадей и жеребят... они застыли, словно тысячи фантастических страшилищ. И в этой звенящей тишине казалось, что кто-то невидимый специально расставил эти страшные, снежные фигуры...

Как бы в довершение всего, среди этого ужаса, виднелись застывшие фигуры людей. Кто сидел, кто стоял, а кто и лежал. Вся долина была усыпана костями, это был пир для волков, пронзительный, стелющийся вой которых будил всю округу. Гонимые отовсюду голодом и холодом, здесь волки словно попали в рай, они лежали среди костей и мяса, словно цари на мягкой перине...» – из записных книжек Н.М. Пржевальского.

Вдруг генерал вновь заметил матерого волка с выводком, совсем недавно повстречавшегося им на тропе. Стая приближалась к замерзшей лошади... нет... они, оскалив зубы и пригнув головы к земле, приближались к замерзшему трупу человека. Словно очнувшись ото сна, генерал прижал приклад ружья к плечу и щеке, и почему-то очень долго целился. Звук выстрела разорвал звенящую тишину, пуля, вжикнув, словно пчела просвистела и закончила свой путь, уткнувшись в черный, как смола, большой камень. Волки шарахнулись в сторону.

Генерал увидел своего денщика, который, держа ружье наперевес, поскакал в сторону Айыртау. Через некоторое время послышался грохот выстрела, раздавшийся на всю округу. Они увидели как другая стая волков, лениво поднимаясь со своих мест, быстро удалилась в сторону ущелья. За волками, словно растворившись на дне ущелья, исчез и денщик Харитон. Там, где он продвигался через сугробы снега, раскатисто гремели ружейные выстрелы, эхо от них отдавалось среди гор. Пржевальский не понял, почему Харитон, хорошо знающий охотничьи правила и порядки, поступил именно так. В тот же момент он увидел, что его денщик скатился с лошади и, прижав руки к груди, уткнулся лбом в мерзлую землю.

– Зря... Зря ходил... – произнёс грозно Пржевальский, – предупредил же ведь... среди местных... большая инфекция...

Сказав это, Пржевальский растерянно замолчал. Дело в том, что даже его денщик и телохранитель не должен был знать или слышать об эпидемии, охватившей эти края. Таково было распоряжение департамента внутренних дел. Ко всему прочему в этой природной зоне бушевала эпидемия сибирской язвы... Это плюс к суровой зиме.

Постукав головой в снег, Харитон привстал, приложил ладони ко лбу и начал что-то бормотать: «Ом-мани-па-дмэ-хум. Ом-мани-па-дмэ-хум...»

Очень удивился этому генерал. Не единожды путешествовавший за пределами Алтая, тысячи раз слышавший подобные бессмысленные и непонятные для него слова религиозного обряда, в этот раз он был несказанно удивлён, услышав эту молитву из уст своего денщика.

3

Войсковые кони, которые обычно не боялись водных преград, в этот раз просто шарахались от несущихся в ревущем речном потоке льдин. Однако когда вода достигла брюха, они немного успокоились, свыклись с ледяной купелью, и медленно поплыли в бурлящей реке.

– Виват, господин генерал! Ваше превосходительство!

– Виват, Харитон!..

Их спутники, что наблюдали за каждым их движением с крутого обрыва, ликовали.

– А вы что думали? – строго спросил, сверля взглядом галдящую толпу, генерал Пржевальский, – или вы не знаете Харитона?

– Да, разве каждый простой смертный достоин быть вашим денщиком, ваше благородие?

Денщик от такой похвалы покраснел, и для того, чтобы хоть как-то скрыть своё смущение, спрыгнул с коня, и, вручив поводья Роборовскому, сказал:

– Потерпите немного, я переправлю и ваших коней...

Почувствовав на себе тяжёлый взгляд генерала, начальник таможен, слегка съёжившись, поплёлся вслед за денщиком.

Толмач татарин, заискивающе взглянув в лицо генералу, пролепетал:

– Да мы же сегодня не кушали, джигитляр... Может, пропустим по маленькой, уважаемые господа?

– Вы же знаете, что если я глотну хоть каплю спиртного, то мне и маленький кусочек еды в горло не полезет, – сказал Роборовский со страдальческим видом. – Вот если бы красненького винца, тогда можно. Да и от горячего чая я бы не отказался...

– Конечно, конечно... или как вы там говорите «мигом»? Мигом исполним, мырзалар... – затараторил угоднически толмач-татарин.

Он с грохотом сбросил с лошади к своим ногам вязанку дров. Сухие дрова в зимней степи приходилось возить с собой... Через некоторое время на саксаульных углях в закопчённом чайнике закипела вода.

– Прошу к дастархану, господа...

– Не торопитесь, подождём остальных...

Толмач открыл свою перемётную суму и вытащил красивую коробку плиточного чая с рисунком дракона – подарок Семипалатинских купцов татар. Когда он выложил на расстеленную скатерть колбасу из конины, источающую солнечный жир, и не менее вкусную филейную вырезку, генерал, насупившись, отвернулся. Перед его глазами всё ещё стояла картина, которую давеча они с Харитоном видели в долине. Изглоданные кости дохлой скотины... Выпотрошенные внутренности лошадей... Птицы-стервятники, сидевшие, как

сторожа, у ног покойника... И после этого придётся есть мясо... Нет, кушать можно только залив еду изрядным количеством водки или коньяка. Весьма неприятные чувства возникали при виде кусков мяса... Такова реальность...

По окончании трапезы, вспомнив, что он является хозяином накрытого стола, толмач поднёс ладони к лицу. Но, заметив на себе пристальный взгляд генерала, руки его невольно опустились.

– Агузу биллихи мин ашшайтанир разим... – забормотал денщик, поддерживая взгляд угодливого переводчика.

Пржевальский спросил:

– Если я не ошибаюсь, вы вроде как крещенный?

– Да, да ваше превосходительство... простите... ваше благородие...

– А вы знаете значение этих слов? Если знаете, то мне хотелось бы, чтобы вы не поддавались искушению дьявола... Шайтан!..

– Да, да. Конечно, ваше благородие... Боже милостивый, буди мне грешному... – пролепетал татарин, перекрестившись.

– «Ом-ма-ни-па-дмэ-хум...» – произнес генерал, обращаясь к своему денщику, красному лицом после выпитого вина, – «Ом-ма-ни-па-дмэ-хум...» Вы понимаете значение этих слов, прапорщик?

– Ваше благородие, я ведь далек от буддийской веры. Судя по тому, что я слышал и читал, это слова заклинания, которые сразу приведут людей к ногам создателя...

– Прямо к ногам создателя, говоришь?.. Отставить, прапорщик! Вы кому присягали служить, престолу Его величества царю, али престолу Всевышнего Будды?

– Всевышний на небесах, а царь батюшка далеко, ваше благородие... – ответил прапорщик, ухмыльнувшись. – Что касается лично меня, то в первую очередь во время экспедиции я в ответе перед прямым представителем царя, перед светилом, яркой звездой мировой науки, уважаемым господином генералом Пржевальским...

– С вами все ясно, прапорщик... В таком случае... в знак взаимоуважения сотворим молитву... – сказал генерал, ободряюще глядя на приунывшего Харитона. – Но теперь это будет молитва на русском языке, на языке нашего царя-батюшки.

И Пржевальский начал: «...Верую во единого Бога отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимого и невидимого. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына божия едиnorodного, иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша... Аминь».

После молитвы, перекрестившись, путники взяв поводья коней в руки, начали взбираться на вершину.

С вершины горы вся округа была видна, как на ладони.

Генерал лишь только сейчас обратил внимание, что почтовый тракт Усть-Каменогорск – Семипалатинск, огибавший левый берег реки, словно пояс, разделил широкую равнину, покрытую сверкающим под солнцем, тающим снегом. Кое-где уже виднелись проталины чёрной земли. Этот пояс раздваивался у горы, на вершине которой они стояли. Одна его часть

через дремучую чащу елей и лиственниц уходила на север, вторая же бежала по бескрайней степи на юг.

– Смотрите, ваше благородие, а наши-то родичи устроились в кармане меж двух рек... – протянув руку, сказал Роборовский. – С двух сторон даже коннице не достать...

Лишь только после этих слов генерал заметил густой чёрный дым над тополиной рощей, что расположилась в пойме реки Чар.

– Это недавно приехавшие сюда жить казаки... В этом году они зимовали в землянках... Судя по всему, брода здесь нет...

– А разве левая сторона реки не принадлежит казакам, господа? – встрял в разговор толмач-татарин.

– Что ты сказал? А может она принадлежит татарам?!

Почувствовав, что нечаянно задел за живое начальника таможни, переводчик сказал:

– Простите, ваше благородие... Я говорю о предгорьях Калбинских гор. Татарским джигитам конечно достаточно и берегов Бухтармы...

– Да не принимайте вы всё близко к сердцу, ваше благородие... Вы же знаете, что куда ступил казацкий конь, казак назад не уйдёт... А по своему гостеприимству они дадут фору любому местному... Эх...

– Я понял вас, поручик... Но, вы забыли о подарках за гостеприимство. Разве мы не договаривались о том, что сегодня будем ночевать на станции Уба?

– Да, конечно помню, ваше благородие. Но я это к тому, что живущие на Убе кержаки, до сих пор не забывшие старой веры, прижимистый народ.

– Сколько осталось до Убы?

– Если перейдем через мелководную реку Осиху, то дальше от Пьянояра, где живут наши казаки, недалеко.

– Во что бы то ни стало, сегодня мы должны переночевать в Убинской церкви. Вы понимаете, о чём я, господин поручик?..

– Да, да, конечно, ваше благородие, – ответил, потупившись, прапорщик Роборовский, – вот только, осмелюсь вам напомнить, что во время походов я не имею привычки ночевать ни в церквях, ни, тем более, в развлекательных заведениях...

– Где мы будем ночевать, меня не так сильно волнует... Вы должны понять, что мне не нужна церковь, мне нужна библиотека церкви... Воспринимайте это как мой приказ, господин прапорщик.

После этих слов всадники взяли направление вдоль речки Осихи, причудливо вьющейся между запорошенных снегом зарослей карагайника, словно догоняя пробитые среди них извилистые тропинки, торопливо неся свои воды в Иртыш. Дремавшая в течение долгой суровой зимы, река словно взбеленилась, почувствовав весеннее тепло, стремясь поскорее избавиться от ледяного плена. Небольшая с виду речушка, тихо спавшая под зимними сугробами, теперь проснулась, и от обилия тающей воды и льда, наполнивших её узкое русло, шумно урчала и выгрызала крутые берега.

Внезапно с высоты, где были макушки деревьев, растущих по крутому берегу реки, посыпался снег, а затем раздался треск падающей большой сосны. Внимательно следивший за передвижением своего отряда, генерал не осознал, даже не заметил, как его рука оказалась на курке штуцера. Спустя некоторое время среди деревьев показалась большая голова с устрашающими рогами. А затем стало ясно, что перед ними не марал и не лось, а обыкновенная корова...

– Вы подумали, что это медведь, ваше благородие? Даже если бы это действительно был он, то давно уже лежал бы сражённый вашей пулей.

– А может это дикая корова?.. А что, вы же знаете, кто нашел дикую лошадь и дикого верблюда... Была лошадь Пржевальского... Теперь будет и корова Пржевальского...

– Отставить, прапорщик... Хотите, я мигом отправлю вас вслед за шкурой той дикой лошади...

Табун коров, видневшийся среди стволов деревьев, почувствовав приближение конной группы, испуганно заторопился уйти в чащу леса, от греха подальше...

– Вы не обиделись, ваше благородие? Да это коровы Пьяноярска... Всю зиму в лесах без хозяев бродят, сытно им тут, быки у них сильные, своя, так сказать, охрана... Вот и одичали немного... Как телята пойдут, они сами прибьются к селу, доиться...

– И что, никто за ними не смотрит?

– Да кто корову-то тронет?

– Да хотя бы те же самые волки...

– Ну, вы-то должны знать, ваше благородие, что коровы не лошади. Разве что медведь или барс может загрызть, а серым они не дадутся...

Глядя на трусящего рядом с ним начальника таможни, генерал ухмыльнулся про себя: «Как будто сам всю жизнь пасёт коров и лошадей...». Однако после случая на Чарской переправе, он сделал для себя выводы, что начальник тот ещё фрукт. Не случайно он говорил вчера: «Тот берег Иртыша, этот берег Иртыша...».

– Да я не про четвероногих волков... И среди людей есть волки... Эти местные, вы же знаете какие они...

– Какие они?.. Барымтачи... вы о них? Да, казахи признают только лошадей, зачем им упрямая корова?

– Даже если будут с голода помирать?

Начальник таможни попридержал коня, и удобнее устроился в седле.

– Да мы их уже приучили, ваше благородие... Ну, разве только те, что приехали недавно, а кто живёт здесь давно, уже успели познакомиться с кривой саблей казаков... Согласно внутреннему порядку Империи, если хоть один из них приблизится к землям, что у устья рек, ему не поздоровится. А тот скот, что будет топтать и уничтожать посевы переселенцев, будет конфискован. Таков наш порядок...

– Чёрт побери, даже если будут умирать с голода?

– Да они же живучие, ваше благородие... Два столетия бились с калмыками и хоть бы что. Наоборот рожают, да рожают... размножаются. Странные они... То пропадут, то появляются, как будто с неба свалились, или из-под земли вышли... Потом как набегут... Десять лет назад, когда на Алтай приезжал Его высочество царевич, было тоже самое...

Как только разговор зашёл о друге генерала Пржевальского – великом князе цесаревиче Владимире Александровиче – ехавший позади них прапорщик Роборовский наострил уши, и прищипорив коня, поравнялся с ними.

– Торжественный прием царевича ведь лицезрели не только русские и татары, были там и казахи. Их было настолько много, что едва разместились за огромным дастарханом. Ну а что за подарки там были! Не считать. Наверное, в Санкт-Петербурге этим подношениям были несказанно рады, ваше благородие...

– Так ли, господин поручик? – спросил внимательно слушавший их Роборовский. – По нашим данным, согласно проведенной переписке, до приезда царевича численность казахов не превышала трехсот тысяч...

– Яйца курицу не учат, прапорщик... Вы, наверно, тогда еще и не родились, а я лично имел честь присутствовать при этом факте... И уж точно должны знать, что невозможно сосчитать кочевников, которые непрерывно кочуют по бескрайним просторам Бетпақдалы – Голодной степи. Это просто нереально, прапорщик!..

Как только разговор пошёл с упоминанием военных чинов, в русле военной субординации, Роборовский притих, и на носу у него выступили капельки пота. Растерявшись, он поискал взглядом поддержки у генерала и, не найдя её, отстал от них, и постепенно его конь снова оказался в конце кавалькады.

– У меня нет ни времени, ни желания вести перепись населения этих кочевников, которые словно перекаати-поле носятся по бескрайним степям!..

– Знаем, что вы специалист по переписи букашек, мошек и трав, – вслед ему буркнул начальник таможни с иронией в голосе. – Не думаете ли вы, что все такие же дураки, как и вы, господин прапорщик!..

– Немедленно просите прощения!.. Или же первый выстрел мой!.. – вскрикнул Роборовский.

– Я готов просить у вас прощения прапорщик, только в том случае, если вы скажете мне, какова должна быть численность народа, который недалеко как за сто лет до этого перебил у озера Балхаш миллион двести тысяч до зубов вооружённых калмыков?..

Почувствовав, что обстановка накалилась, генерал кашлянул.

– Господин поручик прав... Он, вероятно, говорит о тех четырехстах тысячах кибиток, что были под началом князя Убаши, перекочевавших на восток по высочайшему повелению царя... Эти данные согласно переписи пятьдесят восьмого года, что охватила казахские племена, которые жили вокруг Балхаша. Да и к тому же, в эту переписку не вошли перешедшие в Российское подданство казахи Младшего жуза и те казахские роды, что были в подданстве Кокандского ханства...

– Не берусь с вами спорить, ваше благородие... но все же я не уверен в живучести этих кочевников. Если бы они были живучи, хотя бы, как волки, неужели они позволили бы себе быть пищей для тех же волков и стервятников?

– Откуда у вас сведения про стервятников, прапорщик?.. – резко спросил начальник таможни. – А может вам их жалко этих казахов?..

Почувяв, что разговор вновь выходит из рамок, Пржевальский поспешил повернуть его в другое русло.

– А ведь господин прапорщик прав... Нужно признать, что они не очень-то приспособлены к жизни... Что касается еды и корма, то здесь нужно согласиться с вами, поручик... Расскажу вам один случай... В прошлом году, во время Лобнорской экспедиции я был в Бийске, в округе, где расположены рудники Демидова. Так вот, там много казахов... Оплата труда там согласно выработке. Заводчане говорят, что любой, хилый на вид казах, работает за двух, а то и трёх горняков. И если так разобраться, ничего странного здесь нет. Во-первых, многие из них коренные жители... простите... насельники Алтайских гор. Во-вторых, наши-то родичи, что на заводе и фабрике, привыкли пить, а из еды только зелень. А казахи? С древнейших времен, испокон веков дышат чистым воздухом, едят конину и пьют кумыс. Ну и кто после этого должен работать хорошо? Дальше... О чём это я?.. А?.. Да и потом, вы сами прекрасно знаете, не только они, а также их низкорослые лошади намного выносливее наших орловских рысаков...

– Орловы?.. Какие Орловы?.. Да вся Россия знает, что не Орловы, а вы, ваше благородие, знаток лошадей... Чего стоит только открытый вами миром новый вид лошади, Николай Михайлович...

– Если же говорить о породе лошадей, что вывели Орловы, так предки их были приручены тысячи лет тому назад, далеко до возникновения самих графов Орловых. А тот вид, что нашёл наш генерал, это ведь настоящие дикие лошади...

Обрадовавшись, что разговор миновал опасную черту, перешёл на другую тему, Пржевальский усмехнулся про себя, огрел коня камчой, и поскакал вперёд.

Вот таким образом, то переругиваясь, то посмеиваясь друг над другом, группа конных приблизилась к приграничному пикету, что был недалеко от Пьяногорска.

Одно название – приграничный пост. Поперёк большака стоял, уткнувшись в землю один конец, выцветший от времени полосатый шлагбаум, а у края дороги торчала небольшая сторожевая будка с пограничным столбом. На двери сторожки висел большой амбарный замок.

– Они что, здесь все вымерли? Неужели у них нет щепотки соли и хлебного карава для встречи его превосходительства, которого лично приветствовали Его высочество великий князь Владимир и китайский богдыхан? – возмутился прапорщик Роборовский.

– Всех, всех на уши поставлю! Я им всем покажу! – закричал начальник таможни. При этом он сильно покраснел.

– Кого? Кого вы собрались наказывать?

– В первую очередь, начальника почты!.. Потом... потом... – Как только прошла вспышка гнева, таможенник, поняв, что начальник почты сейчас далеко, и не зная на ком бы выпустить пар, начал вертеть головой в разные стороны. – Так ведь сегодня праздник... Гуляют, наверное, сукины дети... Заедем в Пьяногорск, ваше благородие?..

Из леса, нагретого за день солнцем, между деревьев валил густой туман, обволакивая всё вокруг и делая окрестности невидимыми в десяти шагах. Вокруг не было ни души, и не слышалось ни одного звука, только щемящая сердце тишина. Да... дела... если бы и вправду был праздник, то в деревне должны быть слышны звуки гармонии и скрип саней. Сани кружились бы по деревне, как заведенные. В прежних своих путешествиях по Алтаю он не раз видел подобные деревни. Сколько их было в глубинках? Сколько бы их ни было, они были словно сестры близнецы. Тупики, да именно, тупиковые деревни. Расположенные в непроходимых местах, эти деревни зимой жили каждая своей жизнью. Самое интересное, что и люди, в особенности дети, в них были похожи друг на друга, как две капли воды.

– Как, вы сказали, называется деревня, поручик?

– Пья-но-о... Пьяно-яр... – ответил начальник таможни, растягивая слова.

– Хорошее название... Это, кажется, то самое место, где вам с прапорщиком и место...

– Вы правы, ваше благородие... В каждом доме на зиму хранятся тушки гусей и уток... Самогон бутылками... Во дворе казачата так и бегают... После баньки... свежего мясца с самогоном... тёплая печь... О чём ещё можно мечтать...

– Да вы, батенька, фантазёр... Когда заканчивается срок вашей службы? Как говорится, не желаете собираться в родные края?.. Не позабыли ещё соль и перец родных мест?.. Могу помочь...

– Да что я там позабыл, в России!.. – округлив глаза, будто в испуге произнёс начальник таможни. – Вообще, если бы была возможность, я бы не прочь переехать в сторону Беловодья или Белухи... Золотой корень... Маралий корень... Людишек разных повидать... Пойма Бухтармы тоже хороша... А вот, говорят, что Катон-Карагайский мёд поставляют к личному столу его Величества. Это правда, ваше превосходительство?

– То, что я обедал с Его величеством, это - чистая правда... Да вот только что стояло на столе, я на это почему-то не обратил внимания...

– А с его высочеством царевичем Владимиром Александровичем повстречались в тот раз?

– Да я и не помню уже, сколько пудов соли мы с Володей съели вместе.

Услышав последнюю фразу, начальник таможни почтительно покивал головой и улыбнулся. И он, обыкновенный поручик, рядом с таким человеком в одной экспедиции!..

– Я не могу понять, ваше благородие... Когда есть Беловодье, место, где столько золотой рыбы и хариуса, и разных богатств, что не то, что люди, собаки выбирают лучшие куски, какого рожна вы потеряли в далеком Тибете? – При этих словах начальник таможни почесал себе ладонь. – Даже

сам Его высочество цесаревич не бывал далее Беловодья. Я лично сопровождал его вот по этой дороге. Вот так... Прямоёхонько на север...

В стороне от будки, перед деревянным домом, на обглоданном ветрами столбе висели указатели. Один показывал на Змеиногорск, что был на северо-западе, второй – на юго-восток, в сторону центра уезда, что находился у подножья Скалистых гор.

– Вон оно что... Ну, насколько я знаю, нрав у Володи добрый, а рука щедрая... Наверное, он всех вас порадовал?..

– И не говорите, ваше благородие... Вон на том берегу реки поставили четыре армейских шатра... Сколько бочек вина было выпито, не сосчитать... От выпитого нами вина и спирта земля пропахла до такой степени, что рыба в Иртыше сама подплывала к берегу...

– Поручик, вы хвалитесь, да знайте меру!

– Ну если и хватил лишку, то прошу меня простить, ваше благородие... Однако, то, что рыба сама выбрасывалась на берег, я видел своими глазами... Готов поклясться! Правда, истинную причину этого мы поняли позже... В этих местах живёт купец первой гильдии Илларион Касаткин... Хитрован еще тот... Это его работники поймали и привязали к берегу большущих, как телята, двух осетров. Так вот, когда они вытащили их на берег, на всеобщее обозрение, никогда не видевший таких больших рыб цесаревич чуть с коня не свалился... А после такого представления чиновники, которые никак не могли угодить цесаревичу, отчего он всю дорогу был очень хмурым, недовольным. Разве пожалеют чего-нибудь – вот и расстарались.

– Потом... Что было потом?..

– А что может быть-то?.. Гулянка была... Помнится, привезённое цесаревичем вино пили семь дней кряду, пили не останавливаясь...

– Пья-но-яр... Теперь понятно...

Как только спутники генерала увидели, что он повеселел, рассмеялись и они, продолжали свой путь, то и дело похохатывая. Так со смехом и рассказчиками они не заметили, как прошли два часа, пока они добрались до убинской станции.

4

Дорога... Опять дорога... «от Пьяногорска до станции было всего два часа пути... В семи верстах на юго-востоке от села Убинка находилась построенная из белого камня добротная церковь. Недалеко от которой и была видна станция... Волостное село Убинка была в 110 верстах от уездного центра Усть-Каменогорска. Во второй половине XIX века в ней насчитывалось 725 семей с 4366 жителями».

Верховые остановились на пригорке у самого въезда на станцию. С пригорка станция была очень хорошо видна. Среди серых, словно близнецы, одинаково рубленных из сосны изб, особо выделялось одна, крыша которой была из железа.

– Во-о-он тот крайний дом принадлежит атаману, ваше благородие... Наверное, все глаза проглядел, ожидая нас... Эх, сейчас бы в баньку, да с

веничком... – сказал начальник таможни, блаженно прищуриваясь и широко улыбаясь. Он уже предчувствовал незатейливое удовольствие хорошей бани, особенно необходимой после трудной и скучной дороги.

– Так вы, милый, ещё вчера были в бане. Я думаю, будет правильно, если сегодня мы переночуем в церкви...

Не дождавшись ответа от начальника таможни, генерал спрыгнул с коня и отдал поводья в руки денщика, а сам начал разминать затекшие ноги. Позанимавшись несколькими упражнениями армейской гимнастики, генерал приступил к внимательному изучению белого здания, что стояло посреди площади.

Церковь, окрашенная белой извёсткой, высилась над другими домами, облепившими её, как цыплята наседку. Таких церквей немало понастроили переселенцы, прибывшие на новые земли великой России. Теперь и здесь, в глухих казахских горных лесах начали селиться русские казаки, строить укрепления и форпосты. Началось это движение на восток ещё при Петре первом... Сейчас же, глядя на высокий дом из белой глины, он, генерал Пржевальский, видел, что она ничем не отличается от всех остальных. А он ещё надеялся, что эта церковь будет хоть чем-то отличаться от тех, что он уже видел до этого...

В самом деле, приверженцы старой веры, кержаки, были подвергнуты гонениям на территории самой России. Спасаясь бегством, они нашли приют здесь, в далеком и таинственном Алтае... Поэтому у этой церкви была и своя тайна, и своя история... Генерал знал, что даже после царского указа одна тысяча девятьсот шестьдесят первого года, которым было отменено крепостное право, народ, не пожелавший расстаться со своей старой верой, перекочевавший на новые места, свято хранил и чтит древние устои. Вся их прежняя история записывалась и бережно хранилась именно здесь, в церковных бумагах... В одном из подобных документов было написано следующее: «Вместе со строительством Убинского форпоста началось строительство церкви... Здание не раз меняло свой облик: через шесть лет колокольня, что была поставлена из сруба, была построена заново из камня, через 24 года перекрыли крышу, ещё через год её заново перекрасили в синий цвет. В 1847 году стены были обмазаны глиной с внутренней стороны, через два года снаружи. В 1851 году силами прихожан был построен иконостас. И только десять лет назад с помощью казака Ларионова деревянная крыша была перекрыта железом».

Пока генерал вспоминал, со стороны деревни, по дороге, которая едва различалась среди белеющих сугробов, показалась группа конных и несколько саней. Впереди всех на вороном коне с ружьём на плече скакал бородач, судя по всему, он и был атаманом. Проскакав немного, атаман остановился на почтительном расстоянии и дождался саней, что ехали в конце всей процессии. Как только сани остановились, из саней с хохотом и шумом вышли одетые в кружевные юбки и приталенные жилетки статные, как говорится, с лебединой шеей, казачки.

Атаман села, не обращая внимания на девушек, пробасил:

– Прошу к нашему веселью, ваше благородие...

– Мы остановимся в церкви, – ответил ему генерал и ещё раз посмотрел в сторону здания с железной крышей.

Атаман и его разудалое сопровождение немного пошумели, и мирно удалились далее, лишь снежная пыль посыпалась от острых полозьев их саней, да ещё долго слышался звонкий девичий голос, распевавший песни про казачью любовь.

Как встретили известного путешественника в Пьянояре, не произвело на него никакого впечатления. Генерал и его люди направились под укрытие церкви. У входа в церковь их встретил сам настоятель Бисеров.

Эта церковь и изнутри была побелена белой глиной и известкой, и представляла собой помещение с девятью небольшими окнами и тремя дверьми, вверх вели три лестницы. Самое главное богатство, что было в ней, это библиотека». Основной причиной того, что они посетили Убинский форпост, была именно эта библиотека. Кроме церковной библиотеки генерал очень хотел встретиться со священником церкви – Бисеровым. Каждый раз, когда он посещал Алтай, он много слышал об этом человеке. Судя по всему, Бисеров был не только глубоко верующим, посвятившим себя религии, но и очень волевой и целеустремленной личностью. Миссионер, «который несет Слово Божье всем тем, кто живёт в низовьях Убы», как было написано в тогдашних российских газетах.

После вечерней трапезы, как только остальные ушли попариться в баньке, генерал вместе с настоятелем Бисеровым пошли знакомиться с библиотекой. Вечерние солнечные лучи падали желтой дорожкой сквозь маленькое окошко в тесном коридоре библиотеки. Когда два огромных человека вошли в это помещение, они словно поглотили весь свет, и здесь стало ещё темнее. Как только глаза привыкли к полумраку, генерал увидел книги в кожаных и картонных переплётках, которые занимали все полки вдоль стен. На нескольких столах лежали подшивки газет и журналов. На самом видном месте висел портрет, и при слабом свете свечи можно было разглядеть эполеты. Несомненно, это был портрет военного. Приблизившись, генерал узнал в портрете Великого князя Владимира Александровича...

Увидев портрет своего друга, он спросил священника, поспешно протиравшего рукавом сутаны пыль с толстых книг:

– Вы были здесь, когда Великий князь приезжал сюда?

– Уже двадцать лет минуло, как я приехал на Убу... И о приезде князя я, кажется, записывал в церковную книгу.

– А в каком году князь был в этих краях?

– Летом шестьдесят восьмого...

Пока Бисеров искал нужные записи, генерал стал перелистывать подшивки, которые лежали на столе. «Нива»... «Наблюдатель»... «Колосья»... «Север»... «Нева»... «Устой»... «Изящная литература»... «Живописная Россия»... «Живописное обозрение»... «Родина»... «Вестник садоводства, плододства и огородничества»...

Пржевальский задумался. Если собрать воедино всё то время, что он провел в городе Святого Петра, то в сумме получается не больше семи-восьми месяцев. И то, большую часть времени он проводил на светских приемах и балах. Он уже и забыл, когда в последний раз держал в руках другие издания, кроме «Ведомостей Императорского географического общества». И вот только сейчас, листая старые подшивки, он понял, насколько он отдалился от своих соратников.

В то время как генерала одолевали эти непростые думы, священник продолжал тщательно искать что-то на крайней полке среди книг. Наконец он нашёл книгу в потёртом старом переплёте и вытащил её на божий свет. Натруженными пальцами он стал бережно перелистывать книгу:

– Вот... Вот эти записи сделаны в июне шестьдесят восьмого....

Склонившись над пожелтевшими страницами бумаг, он прочитал следующее: «Его сиятельство приказал через Иртыш перебираться паромом, что расположен в четырнадцати верстах от церкви. Церковь эта расположена в выселке Пьяноярск, и относится к Убинскому приходу. После чаепития рыбаки проверили сети, что были брошены в реку. Были пойманы две огромные рыбы, которые были подарены Его сиятельству, за что тот был несказанно рад и отблагодарил рыбаков по-царски».

Чем больше читал священник, тем больше генерал Пржевальский невольно узнавал о пиршествах и чаепитиях Его превосходительства. И о том, какие почести были ему оказаны в тех или иных случаях. Хотя он не нашёл ни одного упоминания научного плана, что огорчило его, он всё же был рад, что не потратил драгоценное время на чтение подобных «хвалебных од». Здесь ему помог настоятель Бисеров, с гордостью демонстрируя свои давние записки.

В библиотеке вдвоём с Бисеровым, беседуя, они задержались надолго. Уже в полночь дверь библиотеки со скрипом открылась, и в неё вошли толмач татарин и прапорщик. Роборовский был насуплен, а в глазах татарина напротив были видны искорки смеха.

– Ваше благородие, нашли что-нибудь? – спросил прапорщик, окидывая взглядом повсюду разбросанные и раскрытые книги и журналы.

– Да нашёл... Только одного понять не могу... «Великий князь Владимир, сын Александра второго в 1868 году посетил эти места. В связи с этим был устроен торжественный прием, а так же выставка местных ремесленников. Среди выставленных экспонатов особо выделялись подношения, привезённые Нурмагамбетом Сагынаевым из акмолинского и Мейрама Жанайдарова из атбасарского уездов, а так же султана Кокчетавского округа Чингиза Валиханова. Султан Семипалатинского округа Арынгазы Хангожин привёз в дар празднично украшенные юрты, инкрустированные серебром женские сёдла, позолоченную уздечку, отделанные серебром и украшенные золотыми пластинами, сердоликом и бирюзой мужские сёдла, тонкую, словно сотканную из пуха попону, а так же разукрашенный мастерами ювелирами мужской пояс».

– А что тут непонятного, ваше высокоблагородие... Дальше, наверное, закончилось, как обычно, широкой гулянкой?

Он, конечно, понял, что в конце выставки, как и всегда всё закончилось большим пиром. Всё так и должно было быть, а если ничего подобного и не было, то всё равно нужно было написать именно так, не иначе. Генерал очень хорошо знал стиль Великого князя, который делал всё для того, чтобы превозвысить честь Империи. Разумеется, всё остальное, пьянки и гулянки – государственная тайна за семью печатями...

– Да что тут неясного, ваше благородие, – это же всё простая писанина неучёных газетчиков... это в их стиле...

– Причём тут стиль... Обратите внимание на следующее... «Экспонаты, привезённые султаном Кокчетавского округа Чингизом Валихановым, отличались своей роскошью...». Вы знакомы с сыном султана поручиком Чоканом Валихановым?

– Да кто же не знает поручика Валиханова, открывшего Кашгарию... Не имел чести быть знакомым лично, но труды его читал. А вот с младшим братом его несколько раз встречался, беседовал. Очень образованный, умный аристократ. Помню, как он скорбел о преждевременной кончине своего брата. Если я не ошибаюсь, то могила Чокана недалеко от этих мест.

– К сожалению, хотя не раз слышал лестные слова от руководителя Русского императорского географического общества Семёнова, мне не приходилось встретить Чокана Чингисовича, очень жаль. Когда он жил в Санкт-Петербурге, я находился в Уссурийске. Слышал, что как адъютант генерал-губернатора Гасфорта он часто бывал и в Иссык-куле...

– Так точно, ваше благородие. Был он, оказывается, не только адъютантом Гасфорта, но был и его советником... – Тут Роборовский почему-то перешёл на шёпот. – Есть слухи, будто научные отчеты генерала были написаны руками этого молодого аристократа...

– Хвалят его за труды об Иссык-Куле... Знакомы ли вы с ними?

– Знаком, конечно... Всего лишь написанные литературным языком этнографические очерки... По сравнению с вашими трудами об Иссык-Куле... По сравнению с вашими капитальными трудами по естествознанию, не имеют большой научной ценности... С вашими...

– Отставить! Это уж слишком! Если был бы жив Чокан Чингисович, возился бы я с такими барымтачами, как вы? К сожалению...

– К сожалению, всевышнему тоже нужен хороший человек... Если не ошибаюсь, последнее пристанище того Чокана находится недалеко от этих мест...

– Бросьте, прапорщик!.. Никто не знает, где похоронен Чокан Чингисович. И не должен знать.

– Так точно, ваше благородие. Не должен знать. Понимаю, что биографические сведения о таких людях, как вы и Чокан Чингисович, являются государственной тайной. В общем, людям, подобным нам, знать этого не полагается. Извините.

– Никто не знает, где находится могила Чокана Валиханова, – грустно повторил генерал, и продолжил, – более того, никто не знает, где он родился...

А если подумать, то всё верно. Что народу, ищущему, шумных сплетен, какой-то путешественник, пусть и положивший на алтарь науки всё, что имел, и даже собственную жизнь?.. Толпе важнее покрытое золотом и

серебром чьё-то богатство. Им ценнее настроение Великого цесаревича и преклонение перед ним султана Кокчетавского округа Чингиза Уалиханова.

Но главный-то здесь сын султана Чингиза – Чокан. В городе Великого Петра этот молодой поручик утёр носы не только псевдочётным, но и чопорным европейским всезнайкам. Если посмотреть со стороны, судьбы их, Пржевальского и Валиханова, были различны и в то же время в чём-то неуловимо схожи. Схожесть – их знания и смелость, с которыми они оба решительно и бесповоротно связали свою жизнь с исследованиями Центральной Азии. Отличие – если он двинулся в край, где оголил свой меч Ермак, в Сибирь, и в Уссурию, то поручик в свои двадцать три года открыл доселе неведомую многим Кашгарию. Отличие было, к сожалению ещё и в том, что молодой двадцатитрёхлетний коллега достиг своей цели, а он, генерал, хотя и уже в преклонном возрасте, но так и не смог до сих пор добраться до малоизвестной местности под названием Тибет.

Да и к тому же, если смотреть правде в глаза, кто по-настоящему ценит труды его и поручика Валиханова? Даже личная жизнь всех странников и путешественников – это государственная тайна. Хорошо ещё если тайна, которая при жизни хранится за семью печатями, после смерти будет обнародована.

– А вы, что-нибудь нашли? – спросил генерал своих спутников, дабы не показывать своего испорченного нерадостными мыслями настроения...

– Да они, оказывается, артисты ещё те, – ответил ему Роборовский, садясь на стул. – Если бы не начальник таможни, они не то, что еды нам дать, и капли воды бы не дали...

– Пища, которую принимаешь на таком чистом воздухе, оказывается намного полезнее, – лукаво усмехаясь, сказал толмач. – Хорошо ещё господа купцы наполнили хорджун ещё в Семипалатинске, а не то мы бы умерли с голоду.

До генерала наконец дошёл смысл сказанного, и он с недовольством отметил про себя беспомощность своего интеллигентного помощника.

– Сколько мне вам говорить, прапорщик, что нужно читать... Здесь вам не трактир на Неве. Хорошо, что вы сами всё увидели своими глазами...

– Да еды у нас у самих достаточно... Но вы бы видели, как они тряслись над своею посудой. Пока мы трапезничали, они своими ахами-вздохами весь аппетит испортили...

Судя по рассказам прапорщика, они попали к кержакам, приверженцам старой веры. Генерал порадовался про себя, что он оказался прав, и в данной ситуации на голову выше, нежели его помощник, который был атеистом до мозга костей и ни на йоту не разбирался ни в одной из религий, религиозных обрядах и традициях.

– Так в чьём же доме вы были в гостях, господа? – вмешался в разговор священник Бисеров.

– Да мы в дом-то и не вошли... Потчевали нас в саду. Хозяин старый, весь высохший старик. Если мне не изменяет память, они себя называли «старобрядцами» и, судя по одеждам этого старца, так оно и есть.

– И что самое странное, ваше благородие, это то, что они после еды мыли не руки, а ноги. А старец, судя по всему, птица непростая. Верует не

в Аллаха, нет, в какое-то божество. А когда он повернулся в сторону почитаемый мусульманами Каабы, я уж подумал, не мусульманин ли он.

– Какие ещё мусульмане?!. Какая ещё религия?! – воскликнул Пржевальский, скрестив свои огромные руки на груди, а затем приложив их ко лбу. – Случайно это не сектанты, сбежавшие из России или даже из Европы?

Поняв, что разговор становится куда более серьёзным, чем в начале, священник Бисеров, желая привлечь к себе внимание, кашлянул.

– Да нет, что вы, ваше благородие, не беглецы – гонимые они. Ведь мир наш не безгрешен. Да простит нас Всевышний. Я тут уже почитаю тридцать годков. Да всё никак не могу искоренить этих «федосеевцев», «белоногих», «еремеевцев» да «охушников». Одно отрадно, что хоть водку не пьют, как прочие. А что касается уважения к старшим и чистоплотности, так я даже их в пример ставлю безбожникам, что проживают в Семипалатинске и Усть-Каменогорске.

Тут в разговор вклинился толмач татарин:

– Чистоплотность... Да у них эта чистоплотность принимает странные обороты. В бане моются всей семьёй... Позор... Особенно с детьми да снохами. Срам...

– О, боже... Помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей, и по множеству щедрот твоих очисти беззаконие мое... – священник начал истово креститься и молиться, – Не иначе омой мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя, яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мной есть выну.

Глава вторая

В устье каменных гор

1

Привыкший к Алтайской зимней неспешной жизни, когда можно было выспаться вдоволь, а летом к птичьему сну, толмач татарин проснулся от скрипа казённого имущества – старой железной койки. Утренний холод охватил его голые ноги, пришлось закутаться в солдатское накрахмаленное одеяло. Толмач посмотрел в угол, где стояла давно уже потухшая буржуйка. Вспомнились вчерашние вечер и застолье, банкет, который был дан в их честь в народном доме комендантом крепости.

Да... В их честь. Среди высокопоставленных особ был и он, простой переводчик. И как он не без удовольствия отметил, дастархан, накрытый в уездном городишке Усть-Каменогорске, ни в чём не уступал по гостеприимству и обилию блюд застолью, которое накрывали в доме генерал-губернатора в областном Семипалатинске. По наказу своих друзей казанских купцов он старательно запомнил названия практически всех вин и прочих напитков, которые были поданы к столу, а те, которые было сложно запомнить, даже записал на бумажку.

«В Усть-Каменогорске особым спросом пользуются вина и фрукты, поставленные фирмой купца Кривошеина. А так же вина местных производителей: коньяк Шустова, ликер Бенедикта и вина Сан-Рафаэль. Вино и сыр Семипалатинска тоже имеют большой спрос. Напитки и спирт компаний «Плещёв и «К», «Торговый дом», пиво С.Никитина, В. Арефеева. Ещё... ведро сорокаградусного чистого спирта стоит от 1 р. 10 к. до 1 р. 20 к.».

Что уж тут говорить о нарядах местных красавиц, приглашённых на празднество, если они не превосходили модниц знаменитых салонов Казани и Санкт-Петербурга, то уж и не уступали им это точно. За столом: «распушив многочисленные фалды юбок, в обтягивающих кофтах... сидели женщины и девушки белошеие и тонкостанные».

То, что он тоже имел честь находиться за столом, который ломился от батареи Шустовского коньяка и марочного Токайского вина, жутко льстило его самолюбию. Даже купец первой гильдии, известный не только в Семипалатинске, но и в Казани, Нуриддин мырза лично обратил на него внимание, и потчевал его... да... А после, прощаясь, специально приглашённые купцы татары за руку... да нет, что там руки, обнимались с ним. Как только Нуриддин мырза узнал, что он является членом тайной военной экспедиции на Тибет, он «нижайше» просил посетить его лавки, что были на другой стороне Иртыша, на Меновском базаре. Вспомнив и про это, толмач татарин чуть не подпрыгнул до небес на своей койке, от чего та беспощадно заскрипела, окончательно пробуждая к реальности.

Сейчас толмач, лёжа на скрипучей кровати и глядя в маленькое окошко, млеет от счастья. Сегодня, наверное, в гудящем как муравейник городе, где все встают, едва забрезжит рассвет, а иногда и того раньше, торговля вовсю кипит. А в военном укреплении, где они остановились, тишина. Мысли толмача прервал резкий колокольный звон с церковной колокольни. Как бы догоняя эти звуки, со стороны реки раздался голос воинской трубы, который обычно будил солдат. Едва он раздался, толмач – военный переводчик, обученный всем премудростям воинской службы для его ранга, не смог больше лежать и нежиться в постели. Наспех умывшись холодной водой, он принялся одеваться. В этот раз он не стал надевать свой старый мундир, а решил приодеться в новенький с иголки военный китель.

Военное укрепление было обнесено земляным валом и укреплено брёвнами Алтайской лиственницы, и отсюда, из крепости, весь маленький городок был как на ладони. Первое, что бросилось в глаза татарину, – торчащие, словно колья, башни с куполами. Вон та колокольня с всё ещё трезвонящими колоколами, на медных боках которых играли солнечные лучи, это колокольня Троицкой церкви. Далее торчала пожарная башня... Вот башня народного дома, где вчера было веселье... А дальше были видны стены, построенные из серо-жёлтого кирпича и обнесённые частоколом – мрачная тюремная башня.

Это был не первый его визит в военное укрепление, что расположилось среди каменистых гор. За последние три года маленький уездный городок заметно разросся. На другой стороне Иртыша, которая едва освободилась от ледяного плена, виднеются крыши деревянных домов. Обычная деревня, что расположились подле военной крепости между Иртышом

и Ульбой, спрятавшейся на слиянии двух рек. Это и есть татарская слобода – Меновное, которая появилась сразу же после царского указа.

В очередной раз прозвучал армейский горн. Но в этот раз он взревел не как сигнал тревоги или пробуждения, а как сигнал, созывающий народ начинать торговлю. И вскоре, вынырнув из зарослей прибрежных деревьев, к берегу, на котором стояла крепость, направился паром.

2

Вместе с приездом его превосходительства генерала Пржевальского в далёкий военный гарнизон, что располагался в устье каменных гор, холодной весной 1879 года пришла и сама масленица, праздник, посвящённый проводам зимы.

Немногочисленные жители маленького Алтайского городка за несколько десятков лет обитания здесь уже успели поделиться на богатых и бедных, на различные социальные сословия, как и всё население России. Люди занимались животноводством, огородами, торговлей, бедные семьи едва переживали суровую зиму, и сейчас шумно праздновали долгожданный приход весны. Масленица была в самом разгаре. «Шумно проходила масленица – «провода зимы». Жители города на протяжении всей недели пекли блины, их можно было увидеть на столе в каждом доме. Угощение блинами сопровождалось выпивкой, шумным весельем, песнями и плясками. Добрые хозяйки и те, кто не считал зазорным заниматься благотворительностью, разносили испечённые блины в приюты, больницы и тюрьму. Примечательно, что этот обычай нашёл отражение в особых названиях каждого дня масляной недели: понедельник – «встреча», вторник – «заигрыши», среда – «лакомка», четверг – «разгул», пятница – «тёщины вечеринки», суббота – «золовкины посиделки», воскресенье – «провода».

В городе было весело. В тот самый ранний час на обменный рынок, что находился ближе к слободке Меновное, нагрянули несколько военных. Безмятежно сидевшие возле деревянной лавчонки люди, спешно вскочили со своих мест. Точнее сказать, вскочили Нуриддин мурза и Керей Буланбай, а лежащий на боку на головном возвышении торговой юрты коренастый казах лишь лениво перевернулся на другой бок.

Видели бы вы лицо Нуриддина мурзы, как он суетился и нервничал, не зная, куда посадить внезапно прибывшего с солдатами генерала, друга царской семьи, и вчера вечером в народном доме сидевшего рядом с ним, с иртышским купцом, за одним столом. Он то и дело заглядывал в лицо генералу, в посмеивающиеся голубые глаза, реагировал на его шевелящиеся густеющие усы. Шевельнёт генерал усом, тут же мурза исполнит его желание, желая угодить ему во всём. А генерал, сев на край деревянной лавки, кончиками пальцев дал знак своему денщику, огромному калмыку в военной форме. Тот быстрыми движениями достал из дорожной сумки белую чистую материю, которой Пржевальский начал обматывать рот.

– Здрасти, начандик... – произнес коренастый казах, устраиваясь рядом с генералом. – Боишься? Если бояться инфекций, зачем приходить на базар?

– Эти двое, видимо, знакомы... – произнёс Нуриддин мурза, оглядываясь на толмача. Но тот был спокоен. – Боже упаси, мне кажется, он понимает по-нашему.

Успокоился он лишь тогда, когда увидел, как коренастый в обнимку приветствовал генерала, от чего у того из-под тяжёлых век тепло засверкали голубоватые глаза и по-тараканьи зашевелились кончики густых усов.

Улучшив момент он прошептал переводчику:

– Я думал, что ты придёшь один. Не мог предупредить заранее, что сам генерал соизволит посетить мою бедную лавчонку? Я бы заказал французское вино.

– Уважаемый, генералу в его экспедиции до Тибета нужен проводник. Вот сейчас они договорятся, и один из вас станет его проводником. Да, вообще-то, генерал неприхотлив, и не такой строгий, как некоторые, если не считать его отношение к горькой.

– Да, ещё вчера заметив, как он пил только минеральную воду, подумал, уж не болен ли? Случайно не мусульманин он? И, кажется, понимает по-казахски.

– Конечно, мурза... Он также свободно владеет английским и французским языками. Я уже не говорю о татарском языке и арабском... В любом случае, я вас предупредил...

– Всё, всё понял, джигит. Добро пожаловать к нам в любое время дня и ночи! Добро пожаловать. Для вас всегда открыты двери моей лавки. Я просто хотел знать, чем же можно его осчастливить?

– Чтобы осчастливить его благородие, нужны верблюды. Очень много верблюдов... Нужны крупные самцы-атаны с большими-пребольшими горбами. Грузы перетаскивать. Понял?

Услышав о верблюдах, Нуриддин мурза вытаращил глаза от удивления.

– Вы же видите, какой у нас базар. Торговли практически нет. Да и караваны, что должны были придти из Бухары и Коканда, задерживаются. А тот скот, что был у казахов в Балхаше и Калбатау, давно пустили под нож. А может, раз вы пожаловали, я покажу вам весь базар?

Всё, что говорил купец, оказалось сущей правдой. Не то, что скотины, живой мышши не нашлось бы. Весь базар состоял из торговли шкурами и дровами. Да и дровами это было трудно назвать, сучковатые вязанки да полусгнившие пни, выдернутые из лесной земли. В древнюю скрипучую телегу был запряжён старый, еле волочивший ноги верблюд смятый глазами, и рядом с ним был запряжён такой же старый, свесивший понуро голову, дряхлый конь. Да и вид людей, что торговали дровами, был не многим лучше. Их обветшалые чапаны выглядели так, словно ими подметали землю.

– Дрова! Продаю дрова! Сухие дрова!

– Метёлки! Продаю метёлки! Высший сорт!

– Да зачем людям, что живут среди леса, дрова?..

– Они меняют их на мёрзлый картофель. А захудалого барана отдадут и за ведро спирта.

Стараясь показать остальным свою грамотность, толмач достал из кармана кителя бумажку и ручку, и принялся записывать свои наблюдения.

– Видать, цена на баранов достаточно высокая... – и дальше уже вслух продолжил: – Что значат два ведра спирта, мелочь, конечно... Но интересно, а что они собираются делать со спиртом?

– Не могу знать... Может быть, пить...

Что-то внутри перевернулось, едва он услышал ответ. А если подумать, то всё просто: «Ведро спирта стоит 1 рубль 10 копеек. Что составит 12,5 литров или же 25 бутылок водки. Один баран стоит 3-4 рубля. Значит, одного барана на Меновном рынке можно купить за 90 бутылок водки. 90... Это что же получается, по крайней мере, ползими можно жить припеваючи...

«Эй, милейший, да что же ты стоишь как истукан? Закинул бы вон того барашка в телегу, и на базар».

Весь рынок буквально провонял гниющими бараньими и лошадиными шкурами.

– О боже, что за вонь? – пробормотал начальник таможни, закрывая рот руками.

– Шкуры! Продаю шкуры! Высший сорт!

– Кто разрешил продавать шкуры с дохлятины? Немедленно под арест! Если нет скота, откуда берут столько шкур, мерзавцы?

– Не могу знать... Возможно, собирали и подсушивали шкуры с осени, после забоя в прошлом году...

У толмача внутри всё содрогнулось и перевернулось. Что бы ни говорили, а сегодняшний базар не был похож на Семипалатинский, ни тем более на Казанский, рынки. Не видно ни трубачей, ни гармонистов, которые обычно веселились и развлекали народ. Увидев на боковой стене лавки надпись: «продаю кумыс», подумал нехстати: «Откуда кумыс зимой-то? Или же всё же намастерились степняки и в зимнее время доить кобыл? С них станется». Как бы дополнением к его мыслям был самый вид пошатывающихся людей в островерхих ушанках и лисьих тумачах, которые бродили по всему рынку.

– Шкуры! Продаю шкуры! Высший сорт!

– Откуда берётся столько попрошаек? Пошёл отсюда! С глаз долой! Кто разрешил продавать шкуры дохлой овцы?

На шум тут перед лавкой набежало несколько людей.

– О, боже!.. Какое вонючее это место! – пробормотал начальник таможни, зажимая нос рукой в хромовых перчатках.

– Воняет... Хоть бы как положено обработали бы. Совсем непригодный к торговле народ эти казахи. Не умеют, как узбеки или татары, придавать товарный вид вещам, выставленным на продажу. Не знают, как это сделать.

Керей Буланбай, поняв смысл слов Нуриддина мырзы, резко повернулся к коренастому казаху.

– Вроде бы ты говорил, что есть у тебя обработанная лошадиная шкура? Почему жалеешь, батыр? Для чего прячешь?

– Шкура, говоришь? Ты посмотри-ка, забыл! Забыл я! Марфа, принеси-ка ту шкуру...

Тут же в лавку зашла женщина, прижав подмышкой завёрнутую в рулон лошадиную шкуру. Роборовский, осмотрев шкуру, сказал:

– Небольшая была по размерам лошадка...

– Это не лошадиная, а телячья шкура...

– Натуральный ишак...

– Пусть вытекут мои глаза, если когда-нибудь я видел такую лошадь, – сказал Роборовский, – бросая шкуру перед Пржевальским. – Сенсация!.. Это вроде новая порода...

– Помнишь о дикой лошади, встретившейся нам в Лобноре? – спросил, повернувшись к денщику, генерал. – Галые лошади, помнишь?..

– Не галые, а пегие, ваше благородие. Вообще, лошади способны еже-сезонно менять цвет кожи.

– Ты не путай лошадей с хамелеоном.

– Не верьте ему, ваше превосходительство, – горячо зашептал толмач в ухо генералу. – Мырзаш может менять цвет любой лошади...

– Что за чёрт? Может быть, он покрасил эту шкуру? Каналья...

– Его превосходительство хочет знать, каким образом меняют цвет кожи?

– Хочешь научиться? Пока я не раздумал, пусть лучше рассчитается за товар...

– Цену скажи, – буркнул генерал.

– Какая цена? Достаточно, если сможете оживить...

– Над кем издевается этот степняк? Я разве похож на колдуна, чтобы оживить мёртвую лошадь?

– Меняю на живую лошадь, начальник...

– Живую, говоришь? Нет проблем! – воскликнул Пржевальский, поворачиваясь к начальнику таможни. – Мигом приведите коня! А эту интересную шкуру с неизвестного животного надо отправить в Русское географическое общество, в Петербург, для экспертизы! Это приказ, вы поняли меня поручик?

– Так точно, ваше благородие!

– Думаю, теперь пора и назначить цену за всё показанное здесь. А также, во сколько обойдётся нам его услуги проводника по этим труднодоступным горам? Может быть, тебе деньгами заплатить?

– На что мне твои деньги, – уверенно ответил казах, – грязь, липнущая к рукам...

– Тогда, может, возьмёшь лошадью? Сейчас тебе её пригонят.

– Да видели ли бы вы, скольких коней я сварил в своём закопчённом казане!

После такого ответа ни генерал, ни толмач татарин не могли уразуметь, что же нужно этому чёрному, как закопчённый казан, казаху. И только когда он, наклонившись, прошептал на ухо толмачу, что он ищет, тот, не поверив собственным ушам, свалился на землю, зайдясь в хохоте. Тогда казах тут же сполз с коня, схватил татарина за шкуру, изрядно встряхнул его, при этом всё время повторяя: «Матрёшку! Матрёшку давай!». Толмач смеялся до тех пор, пока у него на глазах не выступили слёзы. От этого ехидного смеха будущий проводник пришёл в ещё большее бешенство.

Наконец толмач, прервав смех, едва выговорил:

– Просит, чтобы вы ему дали матрёшку...

Так и не поняв, чего же хочет этот коренастый казах и при чём тут матрёшка, генерал Пржевальский завертел головой, глядя то на белого от злости казаха, то на хохочущего, согнувшегося от смеха татарина. А когда, наконец, он понял, чего именно хочет этот казах, генерал тоже рассмеялся.

– Вот чёрт старый! Седина в бороду, бес в ребро. Да на что ему молодая жена, да ещё к тому же русская?

– Говорит, что старшая жена у него старая, поэтому молодуху хочет...

Когда приступ хохота прошёл, генерал задумался. То, что в далёкой России молодых девушек на выданье было достаточно, это правда. Однако, где же он мог найти такую девицу среди этих беглых и ссыльных, среди них женщины были все заняты, а молодых так и вовсе не было. Да и кто согласится выходить за такого старого, чёрного, непонятно какого нрава степняка? Тем не менее, опытный проводник предстоящей экспедиции был необходим. И кто лучше обитателя этих гор и лесов годится в проводники?

Обедать решили тут же, в юрте мырзы. После того как они наелись бешпармака и выпили с Харитоном несколько стаканов водки, мырза взял в руки домбру и начал напевать. «Возьмёшь в жены казашку, станешь как лунь седым... Женишься на русской, будешь есть борыш... Женившись на калмычке лежать тебе, как хану...» – пел он песню известного на всю степь Бухара-жырау, ловко подыгрывая себе на двухструнном инструменте. Внимательно слушая его, проводник и Харитон перебросились несколькими фразами.

– Мурзек, при чём тут честь? Не борыш, а борщ. Это суп такой. Да к тому же, когда они выдают девушку замуж, она приходит в дом мужа с богатым приданым.

– Ну а я про что? Да меня интересует не сама она, сколько богатства, что она принесёт с собой.

Как бы спрашивая «О чём они?», генерал вопросительно взглянул на татарина.

– Да они же родственники, по их разговорам выходит, что Харитон его шурин. Вот, он и изливает ему душу. Говорит, что жена его, калмычка, постарела.

– Не знал, что калмычки здесь котируются. А может, женить его на молодой калмычке?

– Да, у них ведь испокон веков заведено привозить жён из военных походов, – попытался объяснить традиции и обычаи казахов толмач, – поэтому у многих казахов жёны – калмычки.

Конечно же, генерал всё понимал. Глядя на этих двоих, один из которых изливал душу, а второй молча слушал, время от времени вставляя несколько фраз, генерал серьёзно задумался. Он пришёл к мысли, что они, русские интеллигенты, учреждающие свои законы и правила на этой земле, плохо знают традиции и обычаи, быт и культуру казахов, калмыков и других коренных обитателей Алтая. А надо бы знать лучше, подробнее,

чтобы им, коренным жителям этих земель была действительная польза от нововведений. В частности он сам, путешественник, российский офицер, исследователь этих мест, плохо знал историю этого края, как и не знал того, как и чем жили предки казахов, калмыков, алтайцев. К сожалению, но не знал...

Единственное, что запомнилось, это история калмыцкого полка, сформированного в Волжской Калмыкии. Да и кто же из русских историков не знает о доблести и отваге калмыцкого полка, который ещё при императрице Елизавете в составе русской армии маршем прошелся по Европе до самого Берлина. А во французскую кампанию казахские сарбазы были награждены орденами и медалями, участвовали в изгнании Наполеона и дошли до Парижа. И по сей день Его Величество с уважением относится к этому народу за его бывшие заслуги перед Российской империей. Генерал Пржевальский давно уже перестал удивляться тому, что прослуживший последние годы в Европе, в странах которые признали приоритет, силу и власть России, Харитон говорил на нескольких языках. Однако, когда он заговорил с человеком, который жил в далёкой глуши, промысля охотой на диких зверей, с иноверцем, на его же родном языке, Николай Михайлович удивился тому, что степняк, столько лет находившийся на службе в русской армии, не забыл родного языка.

В сущности, как учёный, изучающий точные науки, он всегда смотрел с иронией на тех людей, которые занимались такими вещами как философия, религия и языки, потому что хоть и звучит громко, например, филология, но это было то, чего нельзя увидеть глазами, пощупать руками. Было в этих науках, с точки зрения опытного естествоиспытателя, географа и биолога, что-то неестественное, неосязаемое, и поэтому несерьёзное и непонятное.

3

Как только они вернулись с менового базара, генерал и толмач пошли по своим делам. Генерал должен был ещё раз просмотреть дорожные бумаги и, если нужно, привести их в порядок. И, судя по всему, необходимости ему в переводчике сегодня уже не будет.

А у переводчика хватало своих дел. У него забрезжила надежда завершить порученные родственниками из Казани дела, если их перепоручить Нуриддину мурзе, они могли обрести желательный оборот. А к кому, как не Нуриддину мурзе, одному из влиятельных и состоятельных купцов алтайских, мог он обратиться.

Толмач едва дождался захода солнца, и как только стали сгущаться сумерки, он нанял тарантас и поехал к Нуриддину мурзе. Он слышал, что дом мурзы находится где-то на краю городка, и сытые лошади, разбрызгивая комья грязи по сторонам дороги, быстро помчались его к дому купца. Свет ночных фонарей достаточно освещал кривые улочки городка, при этом свете дорога была хорошо видна. На вечерних улочках городка ему встретились несколько человек: татары в цветных бориках и казахи в лисьих малахаях. Похоже, что в

прошлом пившие только кумыс, теперь казахи тоже научились пить горькую. Да и как тут не привыкнуть, в такие лютые морозы!

В доме у купца собрались почти все татары, кто жил в этом маленьком городке. Тема предстоящего разговора была следующей.

Положение в России было не в пользу татар. Особенно остро стоял вопрос о налогообложении и землепользования.

«... Не выходить за границу выделенного надела, косить в устьях рек сено запрещено, а отдавать детей для армейской службы обязаны. К тому же при всём этом срок службы мог затянуться на несколько лет. И все нуриддины и фахрутдины терпели, и терпят всё это по сей день...

... Все эти деревни, да и не только они одни, страдали из-за подобных законов. Подобные мучения, словно эстафета, передавались от старшего поколения к младшему. Однако среди притеснённых людей витала идея переселения в далёкие края, наподобие переселения на Алтай...» – записывал в свой дневник неизвестный нам современник Пржевальского, выходец из татар.

«В результате падения Казанского ханства народ, вернее всё, что осталось от всего населения бывшего ханства, сполна испил чашу горечи. Ко всему прочему в результате карательных набегов Ивана кровопийцы и без того поредевшее население потеряло больше половины своих людей. Это означало, что назрела опасность полного уничтожения нации. И не важно, что прошло один, два или три века, однако отголоски прошлого эхом отдавались нынешнему поколению. Молодёжь растёт. А старшее поколение до сих пор не может избавиться от рекрутского ярма. И мы не хотим, чтобы наши дети одевали такое же ярмо, среди всех есть и мой сын Хамидулла! Мы не хотим, чтобы они продолжили дела начатые Иваном кровопийцей. Мы должны породниться с казахами. То, что они нас примут, это бесспорно, так как у нас один язык, одна вера...».

Как понял толмач, основная головная боль татарских купцов – это не трудности, связанные с торговлей, а политическая обстановка в России, если говорить точнее, призыв молодёжи на службу в царскую армию. Крещёных татар призывали в армию наравне с русскими.

Толмач в начале собрания настороженно вглядывался в незнакомые лица, сидел молча, пытаясь получше изучить своих собеседников. И как только он понял, что его братья в курсе всего происходящего во внутренней России, в Казани, он позволил себе вставить реплику:

– А что тут плохого, что наших джигитов берут в рекруты?.. Даже наоборот, это же хорошо, молодой солдат всегда сыт, обут, да к тому же увидит новые земли, новых людей, и себя покажет.

– А что хорошего в том, что возвращаются они стариками? Возвращается он домой, а его невеста уже с внуком на руках... Что же в этом хорошего?!

– Где справедливость? Казахи уже сто пятьдесят лет в подданстве у России, а в армию их не берут..

– Да дались вам казахи!.. У них совсем другая жизнь. У них на шее другое ярмо... Так что им что воля, что неволя – всё одно... Да и к тому же, попробуй сосчитай их в этой огромной степи. Сегодня они здесь, а завтра

поминай, как звали. Сам царь не нашёл на них управы... К тому же у них договорённость с русскими, что они, степняки, не будут воевать на стороне России... Поэтому их молодёжь и не призывают в армию.

Как только разговор зашёл о царе, все встрепнулись.

– На сегодняшний день во всей Европе ни один народ, ни одно государство не может противостоять нашему царю. Поляки не в счёт. А сколько почестей было оказано калмыцким джигитам, что первыми вошли в столицу Германии?!

– Да эти калмыки не раз бегали от своих соседей китайцев. Да и от казахов немало им досталось. Так что вы, похоже, не в курсе...

– Ну, если что не понял, прошу извинить меня. А что касается службы у русских, так я вот служу... Почти удостоен офицерского чина. Если я в этот раз вернусь живым и здоровым из экспедиции, то думаю, и мне кое-что перепадёт. Повысят в звании. А что?.. Чем я хуже того же Харитона?

В разговор вмешался доселе сидевший молча, чёрный, как сама азиатская ночь, толстяк.

– Станный он какой-то. Глаза навывкат, сам сухой, как жердь, этот твой Харитон. Он же калмык? Как только я его увидел, подумал, было, а не керей ли он...

– Какой там керей? Настоящий калмык, торгоуыт. Наш генерал и шагу не ступит без меня и Харитона. Без нас он, как без рук, вы что же думаете, что зря он нас тащит за собой в этот Тибет?

Почувствовав, что он завладел вниманием, толмач решил дать волю своему языку.

– На самом деле, нашего Царя батюшку не интересуется никакой Тибет. Его больше занимают узкоглазые шуршуты. Так вот они, после того как калмыки оставили Алтай, положили глаз на эту землю. Я лично поддерживаю Нуриддина мурзу в том, что было бы правильным перевезти наших собратьев сюда.

Разговор завершился за полночь. И казалось, что решение о переселении многих татарских семей из центральной части России на Алтай было принято. Когда прощались, тот чёрный молчун отвел его в сторону и сказал:

– Если в тех краях увидишь наших земляков, передавай им большой привет. Скажи: «Привет вам от керей Буланбая». Кто его знает, как повернётся наша судьба в нынешнее зыбкое, как песок, время...

Нуриддин мурза в свою очередь сказал:

– Правду говорит Керей Буланбай... Кто его знает, как пойдут у нас дела. Поэтому не забывай о земельном вопросе в тех краях. Может, что и получится.

Пржевальский, попрощавшись со спутниками, решил перед сном кое-что записать. За долгие годы путешествий взявший за правило фиксировать на бумаге всё, что увидел, услышал или подметил, он желал остаться

один. Достав из планшета очередной, но уже начинающий желтеть от времени дневник, открыл его на чистой странице, и задумался...

Сколько времени прошло, неизвестно. Однако сосредоточиться, никак не получалось. На этот раз в мыслях появился какой-то сумбур, в голове всё крутилось, как в калейдоскопе. Станный проводник казах, его оруженосец Харитон, образы этих двух людей, как назойливые мухи, не выходили из его головы. Ему казалось странным, что абсолютно разные люди, родившиеся в отдалении друг от друга, по краям этой огромной территории, каковой являлась степная земля, разговаривали между собой, отлично понимая каждое слово собеседника, словно кибитки их стояли по соседству, на одной стоянке... Казалось бы, ничего общего между ними не было, и что, собственно, могло быть общего у калмыка, живущего в Астрахани с казахом, живущим в непроходимых дебрях Алтайских гор? Помнится, когда он заметил разницу между Рязанским говором и говором жителей Санкт-Петербурга, он был удивлён, однако сейчас он был просто сражён наповал, увидев и услышав, как свободно, понимая друг друга, разговаривали калмык и казах. А что если не только язык, но и желания и прочие помыслы были схожи у этих детей степи? Ведь как бы он, русский генерал, не хотел, его жизнь, и как следствие, результат всей экспедиции зависели от них...

Предки его оруженосца, денщика-калмыка, обитали на отрогах Алтайских гор, и, как помнит история, полторы сотни лет тому назад они сокрушили русское укрепление Ямышево. А теперь... Когда он слышал что вот эти самые степняки, не один, а целых два раза сжигали столицу великого государства – Бейджин, столицу империи, которая могла одним только взмахом веера подмять под свою пяту половину Азии... В то далёкое время дракон был сломлен... Интересно, а что было бы, если бы вот они, говорящие на одном языке, но имеющие разные веры, не жили в постоянных распрях, а действительно воссоединились в одно целое, в один народ?.. И с чего начались все эти распри?.. Возможно, что это были интриги тех недалёковидных людей, что взяла бразды правления народом в свои руки. И что было бы, если бы они «заметили» и «залатали» эти прорехи в обществе?.. В последнее время он стал замечать в себе такое качество, как подозрительность... Но сомнения и подозрительность первые, если не главные качества путешественника – разведчика новых земель... Ему, великому Пржевальскому, прежде всего, надо выжить среди этих калмыков и казахов...

У него были причины быть настороженным... Во время своего путешествия в Азию, он видел, что у людей, населяющих эти земли, были разные языки, разные вероисповедания. Эти вероисповедания, с его точки зрения, не имели того корня, который необходим народам, составляющим современное общество, для образования государства. Религии азиатских народов основывались на старых преданиях, уходили в традиции, которые были основой повседневной жизни. У степняков, например, этой традицией была любовь к лошадям и умение ухаживать за этими прекрасными животными... Но в Европе уже грохочут паровозы на железных дорогах, строятся огромные мосты через широкие

реки, бегают по улицам редкие пока автомобили... На смену лошадям идут железные механизмы. Что будет завтра с этими степняками, калмыками и казахами? Вновь вспомнился недавний конный переход вдоль берегов Иртыша, Чарский мост и погибшие в снегу... Открыв дневник, генерал написал: «... Смертельно застонала степь. Джут мёртвыми ледяными объятиями охватил её из края в край. В одни сутки погибли сотни и тысячи голов скота, захваченного снегом в степи на пастбище, закоченели от мороза десятки пастухов, пристывших к гололедице. Целые табуны лошадей и жеребят тесными группами, некоторые по одиночке, окоченели, стоя в глубоком снегу, и, обледенелые и опущённые снегом, представляли выставку уродливых изваяний, страшных в своём мёртвом безмолвии и неподвижности. Местами, рядом с лошадьми, прильнув к ним, и застывши вместе с ними, стояли, сидели и лежали человеческие статуи, как в броню, закованные в ледяную кору и подёрнутые узором из снежных кружев. И по всей степи днями и ночами шёл дикий волчий пир. Злые и тощие от долгой зимней голодовки волки набросились на трупы лошадей, насытившись, отлёживались тут же на кровавых костях, среди целых костров лошадиного мяса. Скот падал в таком количестве, что степняки не успевали снимать с него шкуры. Многие об этом даже не думали – не до того было. Зато недели через две в степь наехало много русских скупщиков сырья. Они стали покупать кожу ещё на живом скоте, давая за них баснословно низкие цены и обязывая казахов собственноручно снимать их с окоченевших трупов животных. Мучаясь над этой операцией на морозе, вдали от зимовок, казахи ходили на тех же голодных и злых волков, которые пировали рядом. Наконец, видя, что с застывших животных шкуры снимать трудно и что живых всё равно ожидает неминуемая гибель, казахи, чтобы спасти хоть кожи, стали убивать всех более слабых коров и лошадей дома, во дворах. Это была какая-то дикая вакханалия плача, злобы и жалости людей, принуждённых убивать свой скот, чтобы продать с него кожу...».

5

Когда Пржевальский узнал, каким маршрутом собирается вести их проводник, он сильно встревожился. Ему казалось, что под угрозой было всё, чего он так добился с большим трудом.

Они уже миновали места, где весна была полноправной хозяйкой. Привыкший переносить все тяготы нелегкой жизни путешественника, Пржевальский никак не умел переносить душевные муки. Перейдя Калбинский хребет, они вышли на Кокпектинскую равнину. Отсюда до озера Зайсан было рукой подать, однако, дойти до него они не смогли. Хотя была середина марта, озеро всё ещё было прочно сковано льдом. Как им объяснили на Кокпектинской станции, рыбаки вот уже три месяца не выходили на промысел. Толщина льда местами достигала полутора метров, её невозможно было пробить свёрлами. Единственное, что смогли «заработать» рыбаки, так это до крови стёртые руки... Так что местные рыбаки сидят по домам и допивают оставшийся с зимы самогон.

А вот осёдлые казаки здесь жили лучше. С помощью казахов-батраков они впрок заготовили сена для скота. Животные стояли в добротных сараях, и от них валил пар, словно от печи в баньке. В каждом доме сепаратор, в каждом доме самогонный аппарат, не жизнь, а настоящая сказка!

Очень сильно устав по весеннему снегу и льдам, за неделю пути, наконец, добрались до Зайсана. Когда-то крохотная станция, расположенная у подножья гор, теперь она превратилась в маленький городок. То тут, то там виднелись мазанки с чёрными от копоти трубами, из которых поднимался ленивый сизый дымок.

Как и договаривались, другие участники экспедиции прибыли в Зайсан в срок, однако, устав от ожидания, разбрелись, кто куда. Именно здесь им снова встретился проводник-казах, с которым судьба свела его три года назад, ещё когда была экспедиция на Лобнор.

Бывший проводник был настоящий перекасти-поле, кочующий без усталости ещё с колыбели. Генерал знал, как только в низовьях Иртыша стали строить укрепления и на плодородных прибрежных землях стали селиться переселенцы, местные казахи откочевали ближе к горам Тарбагатай и Маркаколя. Ну, а Мырзаш батыр – их проводник, откочевав с родителями на равнину Шиликти, что была на расстоянии однодневного перехода от Зайсана, провёл три года на зимовке Уйдене.

Генерал-то знал, что порою проводник-казах любил прихвастнуть. Конечно, он не поверил словам Мырзаша, когда тот напыщенно сказал: «А что мне, не отрубят же мне усы топором!».

«Ну, тогда удачи тебе... Но почему ты снова хочешь пойти с нами? Что или кто заставил тебя принять такое решение?..»

«Нужда, мать её... Если бы не она, разве я сидел бы и ждал вас в провиншем водкой Зайсане? Хлеб нужен... Что-то в последнее время от мяса желудок болеть начал...».

Пржевальский знал, что причиной, которая заставила переселиться в Зайсан казахов, были не только джут и голод, отчасти это была затея коменданта крепости. Дело было в следующем. Когда Зайсану присваивали статус города, количество жителей укрепления не достигало нужного количества. По приказу коменданта в окрестности укрепления временно были переселены несколько казахских аулов. Казахи устроились, как всегда в своих закопчённых юртах, которые, опять-таки по приказу, они выстроили в аккуратные ряды, придав этим рядам что-то схожее с улицами. Как только закончилась перепись населения, половина казахской деревни, оставив после себя пепелище костров, откочевала.

«А ты? Ты почему не ушёл с ними?» - спросил Пржевальский, глядя в глаза своего гостя.

«Хлеб... Хлеб нужен... Точнее, зерно, семена, чтобы можно было сеять на полях... На лесных полянах, как русские... Думаю, на ту сторону сходить...».

Поговорив по душам, выпив самовар чая и вспоминая прошлую экспедицию, генерал всё-таки уговорил набивавшего себе цену Мырзаша быть его проводником. Было видно, что и без того кочующий по Зайсанским просторам казах был рад. Во время их разговора проводник то и

дело бросал свой взгляд на пятизарядный винчестер-штуцер генерала. Пржевальский его понял...

– Ну уж если ты всё-таки будешь моим проводником, может быть, поохотимся вместе? Помнишь былые времена?

– Как говорится: «Если девица сама зовёт на свидание, то мы всегда рады...». Но я не думаю, что после такой суровой зимы, мы найдём дичь, разве что встретим ту, что пришла из-за кордона...

В правдоподобности слов Мырзаша генерал убедился, когда на следующий день они, надев лыжи, вышли-таки на охоту. В степи лежал нетронутый, выпавший ночью снег, который своей белизной резал глаза. Сколько бы они не бродили в поисках дичи, на снегу не было видно ни следа. Ближе к вечеру, по совету охотников, которые были с ними, свернули в сторону реки Кендирлик, в окрестностях которой была густая чаща. Если раньше в это время в лесу были слышны хоть какие-то звуки, которые означали, что здесь есть кто-то или что-то, то теперь кроме щемящей тишины не было ничего. Под одним из деревьев они увидели трупы птиц, казалось, что они дружно осыпались с веток, словно иней. А дальше... Пройдя немного вперёд, они увидели застывшие трупы исхудавших, погибших маралов. Они стояли по грудь в снегу, и лишь ветвистые рога как бы говорили: «Вот это мы, гордость Алтая...». В памяти всплыл табун лошадей, что они увидели на поляне у реки Чар. Судя по всему, животные давно перестали бороться за жизнь, они стояли, понутив головы, казалось, что они вот-вот начнут искать подножный корм. А когда Пржевальский, подойдя к одному из них, толкнул оленя рукояткой камчи, марал, словно бревно, повалился на снег.

Вернувшись в Зайсан, начали собирать провиант в дорогу. Генерал сказал Мырзашу, что нужны верблюды.

– Когда есть лошади, зачем эти брызжущие слюной горбатые?

– А куда же тогда мы денем ящики и фляги для воды?

– А хурджуны? Ведь есть хурджуны.

– А воду куда?

– Так торсыки есть. А если для вас и торсыки малы, то тогда есть саба.

– Так ведь в торсыке вода может испортиться...

– Зачем вода? Молоко и кумыс возьмём. Прокиснет – будет айран. Кумыс от взбалтывания только крепче будет. Кумыс получше будет, чем вонючая водка, и голова потом не болит, и похмелье не мучает.

Конечно, генерал понимал коренастого, который кроме лошадей ничего не признает. И хотя он понял его, но, желая не показывать этого перед другими, он всё же заступился за своих спутников.

– Не водку берём, а спирт... Уж этот змий даже немного заставит говорить.

Сказав последнюю фразу, Пржевальский, как обычно с ним бывало в подобных случаях, усмехнулся в усы. Хотя он и обратил всё в шутку, несмотря на протесты других членов экспедиции, он всё же уменьшил количество спиртного, за счёт чего было уменьшено и количество лошадей в караване.

Продолжение в следующем номере.

Александр МАТВЕЕВ

Алматинские сюжеты

Алматинские сюжеты

Мой город славен в праведных делах:
 В обыденно-житейском и великом.
 Прямые улицы со всполохами бликов —
 В сусальном золоте, в витринных зеркалах,
 В артериях струящихся арыков.

Когда весь мир светилом раскалённый
 И под ногами плавится земля,
 Вас приютят в своём шатре зелёном:
 Аллеи лип, карагачи и клёны,
 Акации, дубы и тополя.

Придёшь туда, где свежесть беспрестанна,
 С великой благодарностью не раз...
 Не оторвать замороженных глаз
 От феерически расцвеченных фонтанов,
 Особенно в предсумеречный час.

Над городом заснеженный карниз,
 Цепь древних гор с их величавой мощью.
 Но ощутишь их, повидав воочию,
 Как в перегретый город душной ночью
 Стекает с Алатау свежий бриз.

Солнцеворот

Жарит солнце — подошвы горят.
 Проседает асфальт пластелинно.
 Это знойного лета середина,
 У казахов, — шилде, говорят.

Дети, взрослые и старики
 От фонтанов часами — ни шагу:
 Поглощают ионную влагу,
 Им до южных морей — не с руки...

Разморённых кварталов картинки
 Меж деревьями видно в просвет.
 Осыпается липовый цвет,
 Будто мелкие вьются дождинки

Радуга роскошная зависла
Над фонтаном чудо-коромыслом.
Много ль детворище в жизни надо? —
Чтобы в зной ласкала их прохлада.

Эти завсегдаи фонтанов
Плещутся в них летом постоянно.
Стебли струй, взметнув свои бутоны,
Осыпаясь, хлещут по бетону.

Ребятня им подставляет спины —
Гены предков жаждут хворостины?!
Этих безмятежных дней наследство —
Будут сниться и фонтаны детства.

В Бутаковке

Душный выдался денёк..
Не махнуть ли в мир прохлады,
Где рокочут водопады —
Под шатры ветвей, в тенёк?

От жары в ушах звенит,
Будто с дикого похмелья.
Снова благостно манит
Бутаковское ущелье.

Достархан под тополями
Окропит из тучки хмарь.
Исцелит нутро стопарь —
Под огурчик и салями..

Свято-Вознесенские колокола

Какое утро свежее — нет слов! —
Ночными ливнями пылищу посмывало.
Вдруг разлился по улицам кварталов
Ядрёный перезвон колоколов.

Собор открыли, — надо полагать..
Стекают звуки, огибая крыши.
Впервые, на шестом десятке слышу —
Не в записи такую благодать.

Вновь ожили святые купола! —
Воистину, то благостная новость.
... И снова пропускаю свой автобус
Во власти упоенья и тепла..

В парке

Прохладою дышат аллеи тенистые.
Лишь шорохи в кронах... Покой, тишина.
Задумчивы клёны – хранители истины.
Во веки веков и во все времена.

Кровавый двадцатый прошёл здесь шалея,
Сметая устои, и правду поправ.
Дубы вековые стоят сожалея,
С желаньем поведать: кто прав, кто не прав...

Здесь будто б стерильно от шума и гама.
Громада собора духовно чиста.
Смиренно идут посетители храма
Душой прислониться к Заветам Христа.

Другие на смену придут поколенья
С идеей великой, прекрасной, иной.
Какие события грядут и явленья
В безбрежье галактик и в жизни земной.

Баня по-восточному

Не приверженец Асан,
Чувственной индийской йоги...
Донесли бы только ноги
До строенья – «Арасан».

Не помывки – ритуал!
Мир общения без брани.
Древний культ восточной бани
Ни на что б не променял.

Суфы нежно горячи,
В глубь нутра тепло проходит,
Потом вся хандра исходит –
Возлежишь, как на печи.

Выйдешь – будто побывал
В невесомом состоянье,
Как вериги разорвал...
... А всего-то побыл в бане.

Однажды

Вдоль раскидистых дубов
Нам со спутницей на пару, —
Стоило больших трудов
Проскочить по тротуару.

... Арыка струилась речь,
Среди скрежета и гула.
Вдруг, как будто бы картечь
По асфальту стеганула.

Тьмы тяжелых желудей
Низвергались, как из тучи
Словно бешеный халдей
Их швырял рукой могучей.

С мощных веток, свысока,
(Слава Господу — не хилы!)
При порывах ветерка —
Бил с убийственной силой.

По плечам, по голове,
(Это же, считай, прижучил)
Выше дуб — удар сильней,
Хлещет, аж до боли жгучей.

Поспешил её увлечь,
Да скользим, как по паркету,
Чтоб причёску уберечь, —
Ей презентовал газету.

На Дмитриевских дачах

Отодвинув мирские дела,
Обозначив иные задачи
Мы к Петровым, с ночёвкой, на дачу —
Прём вдвоём, закусив удила.

На природу, к воде.. В этот раз,
Отбываем на целые сутки!
В до отказа набитой маршрутке,
Под прицелом завистливых глаз.

Хлеб и водка, и прочая снедь:
Сумки, емкости с пивом и квасом.
Умудрились навьючить с запасом,
Чтоб всюю: уж гудеть, так гудеть!..

За спиною завалы рутины,
А в лицо — холодок ветерка.
Вот и дачи... Вон хлещет река
По усталому телу плотины.

За стаканами, вплоть до утра
Шлифовать будем памяти глыбу...
... Вздёрнет прошлое душу на дыбу
Под шаманское пламя костра.

Ода воробью

За окном кулачные бои...
Стырив на балконе хлеба корку,
Шумную устроили разборку,
В диком винограде воробьи.

Видно в изначальном: вора бей,
Растворилась непредвзятость к птичке...
Пусть шустрят трусливые синички,
Клюй же посмелее, — не робей.

Я, дружок, причастен к прегрешенью:
О, отродье брошенок и вдов!..
Злобный клич дурацкий — «Бей жидов!» —
Были вы всегда живой мишенью.

Голубь превозвышен Пикассо!
Не переусердствовать бы слишком:
Добрым жестом обелив ворышку, —
Не швырнёт упрёком кто в лицо?..

Ты задирист, вроде деловит,
В пестро-серой вышарканной робе.
Не прельщают алчные утробы,
Голубей нахальных пышный вид.

Поделом прослыл ты неумехой,
Не сужу про то по мелочам,
Соловей, как свищет по ночам!.. —
Ты молчишь, забившись под застрехой.

... Я водицей хлебец окроплю:
Подкрепись, порхай себе доколе...
Для души мне почирикай что ли?! —
Современных песен не терплю...

Дмитрию Снегину

Бесславность рыцарских набегов
На древнюю Святую Русь,
Не охладили пыл стратегов —
Судить об этом не берусь.

И орды Батяга бивали,
История, как ни строга...
Двадцатый век. И вновь напали
Тьмы полчищ лютого врага.

...В разводах розового снега
Дымилось поле вдоль и вширь:
Неравный бой вёл Дмитрий Снегин,
Наш казахстанский богатырь!

Скупые фронтовые сводки:
Заслон, мол, крепкий из солдат..
Он их крушил прямой наводкой,
Но был нахрапист супостат.

Друзей Панфиловское братство:
Плечом к плечу с Момышулы..
Геройски жить, а не казаться —
Достойно вечной похвалы!

Здесь захлебнулся немец кровью,
Познав морозы и пургу,
Увяз в сугробах подмосковья —
Москву не отдали врагу.

И в годы мирных лихолетий,
Был Снегин на передовой.
Его звезда нам ярко светит.
Он был всегда самим собой.

Путь жизненный перебирая
С рождения и до седин —
Певец судеб родного края,
Страны — Великий гражданин.

Земляку

В колхозе дел невпроворот,
С фронтов рои ужасных слухов..
Сентябрь, сорок первый год,
Родился мальчик — Боря Глухов.

... Шли похоронки без конца,
Судьба благоволит к немногим.
Он пацанёнком босоногим
По лужам шлёпал. Ждал отца.

И с ребятней за почтальонкой
Пытался семенить вослед.
Лишь появился он на свет,
В их дом вселилась похоронка.

А время шло — за годом год,
Рос безотцовщиной парнишка.
Мотался с кинопередвижкой,
Тащил весь груз мужских забот.

Несправедливо суждено
Такую пережить утрату..
Он каждый раз с отцом-солдатом
Ждет встречи в фронтовом кино.

Однажды дав себе обет,
Священной клятвы не нарушил:
Кино в нём будоражит душу
Уж много, много долгих лет!

Готов служить ему свой век.
Вся жизнь в кино — такое дело.
Работе предан без предела —
Большого сердца человек.

Моей музе

Признаюсь не тая —
Это просто издёвка.
Стала Муза моя,
Как капризная девка.

Может — двери с петель,
В пол четвёртого ночи, —
Залезает в постель:
Тут уж хочешь не хочешь..

Хоть не шибко мудра.
Даст надежду вначале:
Но потом до утра
Выжмет всё, измочалит.

Лишь заря зацветёт,
Она снова, как прежде,
По-английски уйдёт —
Не оставив надежды.

Я всерьёз не ропщу:
Не последний, не первый.
Вдруг вернётся — прошу..
Ведь живут и со стервой.

Тогда черёмуха цвела

Ах, как тогда черёмуха цвела!
В садах подворий всё благоухало.
В забоке за околицей села,
Нас первая любовь не миновала.

Неведомая сила увела,
От зависти и лишних пересудов.
А спутница невинна и мила —
Впервые сотворилось это чудо...

Под благостные ласки ветерка,
Восторженных взаимных откровений,
Тела слились, как будто, на века —
У изначала тех земных мгновений.

Мы пребывали будто бы в раю
Задолго до неведомой кончины
Знобило плоть безгрешную мою —
То проявлялись признаки мужчины.

Потом, — наивный клятвенный обет..
И надо же?! — Зимой, скажи на милость;
Живу себе, — (восьмой десяток лет),
А та черёмуха, из юности, приснилась.

Василий КОНОПЛЁВ

В семье Богов

Повесть

Сперхий

Среди многочисленных детей великого Океана все существующие водные места обитания уже были распределены, когда появился на свет красавец Сперхий. Морские боги и речные богини, озёрные божки, и болотные боженята мирно сосуществовали на Земле, не вмешиваясь в дела своих близких и дальних родственников. Возможно, так происходило потому, что Океан и его супруга Тефида были братом и сестрой и находили полное взаимопонимание в своей семье. Любовь и приятные отношения царили в водной стихии. И когда не хватало места всё появляющемуся потомству Океана, вселенские воды поднимались в небо и с грозowymi тучами устремлялись на сушу, заливая неосвоенные низины и впадины, изыскивая протоки для новых рек. В этот период любовных игр юные боги забывали о родственных отношениях, сливаясь в стихийной страсти. Вот именно такие мгновения открытых отношений настолько пришлись по душе любвеобильному Сперхию, что он, не претендуя на свою вотчину, был счастлив перелетать из края в край необъятных просторов, наслаждаясь безудержным соитием с нимфами и океанидами.

Юный сластолюбец настолько свыкся со своей ролью свободного существа, что ни разу не обратился к могущественным родителям с просьбой о получении своей доли причитающегося ему наследства. Он и без того по происхождению обладал божественным даром телесного перевоплощения и чудесной возможностью передвигаться в пространстве. Иногда ему было присуще чувство предвидения, правда, не такое, каким владела двоюродная сестра Немесида, и всё же... Когда тётушка Рея впервые привела в семью Океана юного Зевса, Сперхий сразу почувствовал: с этим счастливым юношей надо дружить. И сразу взял шефство над своим братом.

Знакомство

С того времени, как подросший Зевс был освобождён от постоянной опеки со стороны нянек, воспитателей и матери, у него появилось много новых друзей и знакомых. Зевсу, при условии соблюдения тайны своего происхождения, было дозволено покинуть Кипр. И молодой Бог стал появляться среди других Богов. Для Зевса начался новый этап его жизни. Закончилось вынужденное затворничество, и пришла раскрепощённая свобода. По материнскому совету, он отправился в общество тётушки Тефиды и её многочисленных дочерей и сыновей. Сколько их было, никто не мог сказать точно. Сотни ли, тысячи ли?! Запомнить их по именам было невозможно.

Особенно близко Зевс сошёлся с одним из своих двоюродных братьев, речным Богом Сперхием. Этот прекрасно сложенный юноша обладал удивительными способностями к перевоплощению. Ему были легко доступны все стихии живой и неживой природы, кроме огня. Всегда приятный в разговоре, он пленял окружающих обаянием, душевностью и искренностью. В человекообразном облике он был щепетил к своему внешнему виду. Эта незначительная слабость притягательно действовала на большинство из Богинь.

После знакомства с Зевсом Сперхий возложил на себя обязанность ввести малоопытного родственника в женское окружение. В основном это были океаниды, с которыми Сперхий вёл себя фривольно, и родные сёстры позволяли своему брату всё: жгучие поцелуи в губы, горячие объятия, нежные прикосновения к интимным местам. Зевс же, не имевший до сих пор опыта общения с девушками, смущался и краснел.

– Перестань, брат, стесняться океанид, – нравоучал улыбающийся Сперхий. – Они, может, только и ждут от тебя ласк и объятий. Правда, сестрички?

Океаниды зазывно смеялись и весело порхали вокруг.

– Это красавчик Зевс, – представлял Сперхий своим сёстрам двоюродного брата. – Будущий самый-самый, да он и сейчас ого-го!

Зевс раскланивался направо-налево и опускал глаза, не смея задерживать взгляд на зазывно полуприкрытых частях тела божественных девиц.

– Вон как прожигает тебя взглядом красотка Метида, – восхитился Сперхий. – Удивлён, брат! На меня она так никогда не смотрела. Да и к себе не подпускала.

От обилия полуобнажённых тел Зевс ещё больше тушевался.

Проплывая рядом, Метида, одна из самых обворожительных океанид, ухватила растерянного Зевса за руку и увлекла за собой. Зевс и не представлял, что чувство парения может быть таким приятным. Особую привлекательность полёту придавало ощущение близости прекрасной девы. Когда их тела сближались, огонь возбуждения охватывал Зевса, проникая в самые сокровенные тайны тела. Метида, не выпуская из своих нежных ладоней кисть юноши, по дрожанию пальцев Зевса чувствовала возбуждение молодого Бога.

– Почему ты так долго не появлялся у нас? – обратилась Метида к Зевсу, как только они, расположившись в беседке на берегу, остались наедине друг с другом.

Вопрос был задан так, будто они были давно знакомы, а неожиданное расставание излишне затянулось.

– Можешь ничего о себе не рассказывать, – не дождавшись ответа, продолжила Метида. – Твоя мать, тётя Рея, частый наш гость. Мы с ней очень дружны. Она так много с нежностью и в деталях рассказывала о тебе, что мне кажется: я знаю тебя давным-давно. Когда ты появился в компании со Сперхием, я сразу тебя узнала.

Слушая щебетание своей сестрички, Зевс всё глядел и глядел в её голубые глаза. В их бесконечной глубине он желал утонуть и остаться навсегда. В груди что-то нежно сжималось и трепетало. Это ощущение было ему незнакомо, но желанно. От прикосновения её рук по всему телу растекались одновременно холод и тепло, вызывая внутреннюю дрожь. Бороться с нахлынувшим чувством он не имел сил. Приятное, восхитительное состояние накрывало его, как морская волна. Милая Метида! Она всё осознавала, всё понимала. Она помогла ему справиться с этой сладкой мукой. Первый поцелуй был неловким. Второй – долгим и сладким. Влюблённые забыли обо всём. Ничто не могло разъединить их и оторвать друг от друга.

У дедов

Давно не виделся Зевс со своими предками: бабушкой Геей и дедом Ураном. Их приглашение побывать у них в гостях было для Зевса неожиданным и волнительным. Боги первого поколения Гея и Уран жили отшельниками и старались не вмешиваться в жизнь своих детей и внуков, хотя, конечно же, они были в курсе всех событий, происходящих на земле,

Земли и Неба, Вселенной и Преисподней. Всё пространство истосковалось по движению и порядку. И мы с бабушкой твоей сегодня пригласили тебя, чтобы благословить на это Великое Дело.

Зевс пожал плечами:

– Прости, дед, мне не всё понятно!

– Дедушка, как всегда, излишне эмоционален, – красивым грудным голосом заговорила Гея, – но он прав. Знаком ли ты с сестрой своей третьего колена дочкой Никты Немесидой? Нет? Обязательно познакомлю. Ты к ней ещё часто обращаться будешь, когда захочешь узнать свою или чью-либо судьбу, – бабушка встала и приблизилась к внуку. – Так вот, Немесида поведала нам тайны твоей судьбы. А они таковы: быть тебе Главным среди Богов, именно ты продолжишь род Богов и устроишь миропорядок как в иерархии Богов, так и среди людей, именно тебе предписано из великого разнообразия всего сущего создать прекраснейшую гармонию. Неимоверно трудная задача, но мы верим в тебя, Зевс!

От торжественности момента в небесах или просто в ушах присутствующих волнительно зазвучали арфы, им нежно вторили свирели и отбивали ритм литавры.

Зевс от всего услышанного впал в безмолвие. Как хороша, как прекрасна была его жизнь до этого момента! Никто его не беспокоил. Как объясняли ему воспитатели-куреты, отец Крон не знал и не должен был знать о существовании своего сына Зевса. Эта была общая тайна, выгодная всем. Крон, этот странный самодовольный Верховный Небожитель, никогда ни во что не вмешивался, никому не досаждал, ничем, собственно, и не интересовался, правда, очень любил гимны в свою честь. А юный Зевс и не претендовал на исключительность, и даже не мечтал когда-нибудь занять место своего отца. Казалось, всё было прекрасно. Дед с бабушкой баловали его, учили купаться в облаках, волшебным образом менять свою ипостась, превращаясь по желанию, во что пожелается. Зачем что-то менять? Всё мило и уютно. Даже мать последнее время не беспокоила его своими наставлениями, живя в семье брата Океана, где Зевс очень близко сошёлся с одной из многочисленных двоюродных сестёр-океанид...

– А мы знаем, что тебе по нраву премудрая Метида, – прервала размышления Зевса бабушка. – Не удивляйся, дружок, ты очень скоро тоже научишься читать чужие мысли и предугадывать поступки. А Метида среди своих сестёр действительно самая достойная. Тебе не просто нужно с нею подружиться, но очень внимательно прислушиваться к её советам, они тебе очень пригодятся. Не скрывай от неё даже того, о чём мы тебе сейчас поведаем.

И довольные друг другом, собеседники вновь присели к столу.

– Пора тебе, Зевс, узнать главную тайну! – голос Геи зазвучал взволнованно. – Ты не единственный из детей у своей матушки, из шестерых – младший.

– Как?! – непроизвольно вырвалось из уст молодого Бога. – И где же они?

– Вот для того мы тебя и пригласили, чтобы об этом рассказать, – подхватил Уран бабушкину интонацию. – После того, как этим ..., – дед явно подбирал более тактичные слова для выражения своей мысли, – ...титанам было передано правление миром, Крон взял в жены себе одну из незамужних сестер Рею. А на свадьбе потребовал от Немесиды предсказать ему его будущее. И Богиня Судьбы поведала, что будет править он долго и счастливо и что даже люди назовут его правление «Золотым веком», что суждено ему иметь шестерых прекрасных детей, вот от них-то и придёт к нему погибель. Отец твой рассмеялся, мол, он знает, что предпринять, чтобы этого не произошло.

– Даже мы не предполагали, что же сделает этот изверг! Новорождённых он стал глотать! – спокойная до сих пор, гневно сверкая глазами, продолжила монолог мужа Гея.

– Так значит, их больше нет? – в отчаянье вырвалось у Зевса.

– Боги бессмертны, помни об этом, внук! Но даже при необыкновенном всемогуществе, они бывают порой бессильны. Упрятанные в недрах Кроноса, два твоих могучих брата и три прекрасных сестры ждут своего освобождения.

Зевс недоумённо посмотрел на проговорившего всё это деда и перевёл взгляд на бабушку:

– А почему же ты, великая Гея, не можешь, помочь своим внукам?

Предки переглянулись, Уран привстал, подойдя к Гее, положил ладонь на её плечо, а она свою поверх, глядя мужу в глаза, кивнула в ответ на его немой вопрос. Дед молча удалился. После его ухода бабушка заговорила несколько приглушённо:

– Великий Эрос, внушая любовь и через неё обязательное продолжение жизни, свёл меня с Понтом, морским божеством, и жили мы счастливо, и было у нас шесть прекрасных детей, но вот у них-то стали появляться дети-ужасы. Кето с Форкием наплодили жутких Горгон, Тавмант отвратительных полуженщин-полуптиц. И ушла я тогда от Понта морского к Урану небесному. И появилось у нас шесть солнечных титанов и шесть сияющих титанид. От брака между ними стали пополняться небеса чудесными божественными созданиями. У Океана и Тефии появились тысячи прекрасных океанид. Среди них и возлюбленная твоя, самая мудрая из сестёр – милая Метида.

Зевс, потупив взор, улыбнулся, а бабушка, как бы не заметив смущения внука, продолжала:

– Но случился сбой в системе благополучия. Стали рождаться у меня от Урана одноглазые Циклопы. А затем один за другим появились на свет три брата Котт, Бриарей и Гиес. Видел бы ты их – ужаснулся! Хотя и дороги они мне, как и все родные, но очень уж безобразны. Сторукие и пятидесятиголовые монстры, они, в отличие от Богов, не способны к перевоплощению, но на положение Богов не претендуют. В гневе они неодолимы и несокрушимы, а в спокойствии покладисты и доброжелательны. Но после того как стали у нас с Ураном рождаться смертные жестокосердные гиганты, Крон – самый недовольный среди титанов – оскотил отца своего Урана и встал во главе Богов нового поколения. И всё бы ничего. Крон, батюшка твой, невзлюбил уродливых братьев своих и упрятал их в бездны подземные. Благо ещё дядюшка Тартар с удовольствием взялся за обучение Циклопов кузнечному ремеслу, это дело оказалось им по нраву. Мы спокойно отошли от дел и не перечим сыну. Но вот беда... Детей-то у титанов, кроме океанид, по одному-два-три от силы. А Мнемозина и Фемида вовсе бездетные. Своих же детей Крон в испуге от предсказания Немесиды глотает, не давая возможности развиваться нашим внукам, а именно вам, Кронидам, предсказано устроить мир по-новому. Текут века, а мир стоит в своём развитии.

– Да и ты, Зевс, в своём изгнании постепенно привыкаешь к спокойной и бездеятельной жизни, – подхватил разговор вошедший дед Уран.

В руках он нёс сосуд, видимо, не пустой. Зевсу подумалось: «Что ж это дедушка, не мог поручить принести напиток нимфам?»

– Этот сосуд никому нельзя доверять, – как будто подслушав мысли Зевса, проговорил Уран. – В нём особый эликсир, ничего общего с другими напитками не имеющий, хотя он по вкусу и напоминает нектар. Вместе с Метидой вы договоритесь, как его доставить к столу Крона. Отравить этим эликсиром Богов нельзя, но прополощет так, что вывернет наизнанку.

Дед не поставил сосуд на стол, а вручил его Зевсу.

На краю Океана

Отдых с Метидой заменял Зевсу общение со всеми, кто окружал его здесь, в гостях у Океана.

Удивительной красоты и неотразимого обаяния девушка неодолимо притягивала к себе молодого Бога. Их встречи давно не напоминали дружеские беседы брата и сестры. Зевс впервые осознал, что он может скучать в долгой разлуке без милой сестры своей, что страстно желает близости с этой девушкой и готов на всё, чтобы находиться с нею рядом. Вот и нынче он в мгновение ока добрался от дедов до пределов земли и, лишь на ходу поприветствовав матушку с тётей, сразу же направился к уютному, давно обжитому месту встречи с Метидой, на живописном океаническом берегу. Горячий поцелуй без слов объяснил чувства молодых людей.

– Мне казалось, что века прошли, как мы расстались! – переводя дыхание после долгого поцелуя, призналась Метида.

– И я скучал без тебя!

Позже, после жарких объятий и безудержной страсти, влюблённые отдыхали, не выпуская друг друга из нежных рук.

– Я так хочу, чтобы мы никогда не разлучались с тобой, любимый!

– Я тоже, милая! Ты мне так нужна! Я так люблю твои откровения! Ты что-нибудь приберегла к нашей встрече?

– Конечно! Сегодня их будет три! Вставай! Побежали к воде!

После того, как Боги освежились в океанской лазури, Метида попросила Зевса взять камень и подбросить его вверх. Камень взлетел и упал на пляж.

– Ещё! Ещё раз!

– Ну, и что? – недоумевая, спросил Зевс.

– А вот сколько бы ты их не подкидывал, они будут падать назад. Почему?

– Никогда об этом не думал. И почему же?

– Камни – часть матери земли. И сколько бы они не отрывались от неё, всегда будут притягиваться ею и возвращаться назад.

– Здорово! – Зевс обнял и поцеловал свою подругу. – Не случайно твоё имя Мудрая. А второе откровение какое?

– Теперь я буду кидать камушки, но в воду. И заметь, как метко. Каждый раз я обязательно попаду в самый центр круга расходящихся волн.

Метида сделала несколько бросков и действительно каждый раз попадала в самый центр круга.

– Ты тоже можешь попробовать и увидишь: у тебя получится.

Зевс и так знал, что каждый раз, круги на воде начинают расходиться точно из того места, куда падает камень. Но причины такого поведения волн ему были неведомы.

– Объясни же скорей, любимая, почему это происходит?

– Так ведут себя все воды на земле: морские, речные, озёрные и даже в дождевых лужах. Им повелел это делать мой батюшка – Великий Океан, чтобы отличать живую воду от мёртвой. Камни, брошенные в подземную реку Тартара, не оставляют после себя кругов и беззвучно уходят в забвение.

– Интересно! А откуда всё это знаешь ты?

– Мудростью меня наделили старшие Боги, я всего лишь исполняю их волю, порой мне самой интересно, почему я делаю именно те выводы, которые всеми признаются, как самые верные.

– Ну, а какое же третье откровение ты приготовила сегодня для меня?

– Удивительное. У нас будет ребёнок!

– Как? Почему?

– Какой ты смешной! Как будто не знаешь, что от того, чем нам так нравится заниматься, получаются дети.

– Извини, я просто оказался не готов к такому откровению. И потому задаю глупые вопросы. Я же не такой мудрый, как ты. А кто у нас родится?

– А дара предвидения у меня нет. Пока я просто счастлива, что у нас с тобой будет ребёнок. А если ты такой уж любопытный, то можешь об этом узнать у Немесиды.

– Я уже второй раз слышу это имя. Видно, действительно пора с ней познакомиться.

В гостях у судьбы

Бездетная Немесида жила в своём сумеречном мире где-то на краю неба и земли, на стыке света и тьмы.

Во владения Немесиды Зевса привела беспокойная Гея. Познакомила и удалась, чтобы не мешать откровенному разговору двум заинтересованным друг в друге Богам.

Немесида представляла иную ветвь Божественного происхождения, нежели Зевс. Она была дочерью Эреба («Мрака») и Никты («Ночи»). Демонические Керы, злоязыкий Мом, беспощадный Тонатос, безбидный Гипнос и обидчивая Эрида – все эти братья и сёстры Немесиды были сущим наказанием Богам и людям. Но в отличие от своих мрачных родственников, напускающих на людей несчастья, раздоры и смерть, неподкупная Немесида, отвечала за тайну судеб. И если смертные не могли обратиться к Немесиде, то Боги иногда пользовались услугами Великой Предсказательницы. За этим прибыл к ней и Зевс.

– Не вздумай называть меня своей тёткой, ты мне брат, – предвидя сомнения Зевса, как же к ней обращаться, начала беседу Немесида. – Мало кому известно, что и Крон, твой отец, и Уран, твой дед, – оба сыновья Геи. Да, милый братик, она тебе одновременно и бабушка и прабабушка. В своё время она взяла себе в мужья собственного сына Урана. В те далекие времена выбора-то у неё и не было. После рождения могучих титанов что-то нарушилось в их браке, и стали появляться на свет ужасающие наследники: то одноглазые, то сторукие, то змеиноногие гиганты. А знаешь ли ты, что от крови и семени Урана, когда Крон оскопил его алмазным серпом, в Земле зародились безжалостные Эринии? Тартар, брат Геи, оставил их у себя в Подземелии, потому что вид трех сестер: Аллекто («Непрощающей»), Мегеры («Завистницы»), Тисифоны («Мстящей») – был ужасен. Зачем я тебе о них рассказываю? Вот они-то и есть твои настоящие родные тётки.

– Иронию твою, сестрёнка, оценил. Я искренне рад знакомству с такой симпатичной, доброжелательной и приятной во всех отношениях родственницей. А тетушка ли ты мне, или сестра – какое имеет значение? Но обещаю не называть тебя «милрой тётушкой моей».

– Спасибо, братик.

– Рад оказать услугу сестрёнке.

Немесида и Зевс одновременно рассмеялись от непринуждённой и доброжелательной пикировки в беседе. Это сгладило некоторое неудобство в начале знакомства.

– Кстати, об Эриниях. Вместе с ними я вершу судьбы людские. Придёт время, и ты, Зевс, тоже будешь вершить судьбами Богов и людей.

– Это тоже предписано мне Судьбой?

– А ты расстроен по этому поводу?

– Я думаю, размышляю на эту тему. Знаешь, сестричка, когда тебе за короткое время предлагается изменить свой ритм и образ жизни, привычки и сложившиеся отношения с близкими, трудно не расстраиваться.

– Сочувствую. Я привыкла после предсказания видеть порой не радостные лица собеседников.

– Ну что ж, я готов изобразить на своей физиономии очередное расстройство.

– А что желает узнать любопытный Бог?

– Судьбу свою, что ж ещё-то!

– Ты же бессмертен! А перипетии судьбы порой непредсказуемы, но вполне переживаемы. О чём конкретно ты хотел бы узнать?

– Бабушка, – Зевс, ухмыльнувшись, сделал паузу, – или, по твоей версии, прабабушка рассказала мне о моих родных, безвинно осуждённых на неволю сёстрах и братьях. Я должен помочь им высвободиться из чрева отца. А что потом будет?

– Крон этого не сможет простить тебе.

– Это я могу предположить и сам.

– Великое противостояние поколений вижу я впереди, – закрыв глаза, Немесида простёрла перед собой руки. – Жестокая война предстоит, и будет войн несколько, пока ты не успокоишь всех и не возьмёшь всю власть над Богами в свои руки.

– Уран с Геей мне уже говорили про это. А что будет со мной, с моим ребёнком, с Метидой? – вырвалась из уст Зевса затаённая мысль.

– Крон проклянёт вас. И, следуя проклятию, твой сын, рождённый от Метиды, должен будет сместить тебя в своё время. Так поступил со своим отцом сам Крон. Но после подобного предсказания он плохо поступил со своими детьми. Ты должен найти иное решение, более мудрое и более достойное Великого Бога.

– Спасибо, дорогая Немесида, за искренность, спасибо, что веришь в меня.

И брат с сестрой, ещё недавно незнакомые друг с другом, нежно обнялись, как старые друзья.

Заговор

Сидя на берегу, под шелест волн и ласковый хор цикад, Метида и Зевс долго обсуждали предсказания Немесиды.

– Мой дорогой, давай отложим решение проблемы *нашей* судьбы на потом. Сейчас важнее освободить твоих братьев и сестёр. И если всё у нас получится, будет ясно, как нам поступать дальше.

– Согласен, милая. Но как мы заставим всемогущего Крона выпить содержимое сосуда?

– У меня созрел такой план. Он, конечно, основан на обмане, но иным путём нам не добиться успеха. Ты слышал про кентавра Хирона?

– Существо с телом коня и человека одновременно?

– Да. Тебе предстоит встреча с ним. Он – твой сводный брат по отцу.

– Вот это откровение! Мир чуден и непредсказуем! И много ещё у меня родственников, мне пока неизвестных?

– Достаточно, а будет в будущем ещё больше! Так вот слушай! Крон, как и многие Боги-мужчины, находил утешение в общении с другими женщинами. Не устояла перед его чарами и моя сестра океанида Филира. А было это так.

И Метида поведала Зевсу историю появления первого кентавра. Во время соития Филеры и Крона, неожиданно рядом оказалась его супруга Рея, и, чтобы не быть застуканным, Крон превратил свою тайную возлюбленную в кобылицу,

а себя в жеребца. Сокоупление, начавшееся в людском облике, закончилось – в лошадином. А позже на свет появился ребёнок-жеребёнок. Часть туловища до пояса у него была как у человека, а ниже – как у коня о четырёх копытах. Дитя любви Хирон был единственным наследником Филеры, она в нём души не чаяла. Пришёлся по нраву внучок-кентаврик и дедушке Океану. Воспитанный среди богов, Хирон был всё-таки смертен, но отличался многими талантами и пользовался уважением среди божественного племени. Но жить он всё же, как смертный, должен был среди людей. Крон знал о своём необычном ребёнке и приглашал его иногда к себе в гости. Вот этим обстоятельством и предложила воспользоваться Метида.

Зевс был очарован благообщительностью своего необыкновенного брата. Мудрый Хирон знал о том, что его отец глотает своих детей, хотя кентавром он побрезговал, да ведь смертный обитатель земли и не в силах был как-то повлиять на небожителя. Узнав о том, что при помощи обмана лишь один Зевс не был проглочен, кентавр обрадовался и, обняв своего брата, согласился принять участие в рискованном предприятии. Они быстро поняли друг друга, и план вызволения их братьев и сестёр стал обрывать деталями.

Так повелось, что Хирон периодически отправлял к столу Крона изготовленные по собственным рецептам напитки. Содержимое сосуда, которое принес с собой Зевс, по запаху соответствовало тому, что Хирон передавал на небеса. Вызвать подозрение эта посылка не должна. Но вот беда! Хирон буквально накануне, погостив у Крона, вернулся на землю.

– Ну и что! Разве ты не можешь сразу по прибытии домой отправить папочке посылку? – предложил Зевс.

– Вполне! А с кем? Ты, я так понимаю, не проглочен потому, что не попался ему на глаза в младенчестве, и он о твоём существовании не подозревает, значит, ты не можешь передать от меня напиток.

– Да, это так! А ты слышал про Метиду?

– Это одна из прекрасных Океанид? Конечно! Я с ней знаком. И кстати, познакомил нас Крон, пригласив меня как-то в гости к титану Океану. Очень, я тебе скажу, симпатичная богиня. А что это ты, Зевс, покраснел? Догадываюсь: ты ей не просто брат!

– Да ладно тебе!

Кентавр улыбнулся и признался:

– Трудно устоять перед чарами океанид! Знаю! Сам очарован одной из них. Гордись, Зевс, что мудрейшая из наследниц Океана, красавица Метида, оказала тебе честь быть твоей возлюбленной.

– Ну, если ты не против, она и передаст Крону от твоего имени под видом вина специальное зелье.

– Будем надеяться, что это правое дело, и Крону это не повредит.

– Что с ним будет, он же бессмертен. Зато мы с тобой увидим братьев наших и сестёр. Ты ещё будешь наших детей и внуков пестовать.

– Скажешь тоже! Я уже не молод! А у вас и детей-то нет! Внуков я, пожалуй, и не дождусь!

– Ты – мой брат! И отныне я дарю тебе бессмертие!

– Как это?

– Пройдут года, десятилетия, века, а ты, Хирон, будешь неизменен.

– Спасибо тебе, великий Зевс! Достоин ли я такой чести?!

– Тебе ещё многое предстоит свершить!

Хирон преклонил колени, опустил голову и, помолчав, произнёс:

– Позволь обратиться к тебе с просьбой?

– Слушаю.

– За твоё внимание ко мне и великий подарок, вечно буду твоим слугой, но обещаю тебе, если невмоготу станет мне жить, ты не оставишь меня в муках.

– Жизнь долга, проживём – увидим!

Возвращение Богов

Метида пригласила в беседку на краю крутого берега гостившего у них Крона, который, ничего не подозревая, сразу согласился пообщаться с симпатичной океанидой, сестричкой его возлюбленной Филиры. В непринуждённом разговоре со своим могущественным дядей Метида вдруг вспомнила:

– Совсем недавно я общалась с удивительным, ни на кого не похожим Хироном, и тот просил передать тебе какой-то напиток, напоминающий нектар.

– Да, он регулярно передаёт мне свои необыкновенные напитки. Этот смертный достиг непостижимого мастерства во врачевании. Люди высоко ценят его искусство. Отведаем же дар кентавра.

Нимфы уже поднесли кубки, наполненные зельем. Крон залпом выпил содержимое. По его вздернутым вверх бровям было понятно, что он удивлён. Затем брови медленно поползли навстречу друг другу и почти срослись. Крон, вдохом вобрав побольше воздуха и прикрыв рот рукой, перегнулся через край беседки и с шумом начал изрыгать из себя нечто. В волны океана полетел огромный камень с пеленками, а затем тела проглоченных когда-то Богов. Крон не мог остановить рвотные судороги до тех пор, пока не опустошился. Вид у него был жалкий.

– Извини, дядюшка Крон. Кентавр Хирон, конечно, здесь ни при чём. Всё это придумали мы с Зевсом, младшим твоим сыном, которого сохранила тётушка Рея после рождения, а подсунула тебе запеленатый камень, который ты и заглотишь, – свои откровения Метида произносила, глядя в наполненные тоской глаза обманутого Крона. – Теперь все дети-Боги на свободе и под прикрытием твоего брата Океана.

– Но почему ты?.. – держась за горло, прохрипел Крон.

– Я люблю Зевса.

– Так не видать тебе от него детей, – выдавил из себя униженный Бог. На что Метида улыбнулась и растворилась в брызгах набегающей волны.

На дне океана всё было в движении. Рея, мать освобождённых детей, в слезах, смешанных с солёной водой океана, обнимала по очереди то рослых своих сыновей Аида и Посейдона, то хрупких, но прекрасных Богинь Гестию, Деметру и Геру. Чуть в стороне среди радостных океанид стоял Зевс, с восторгом наблюдая сцену объятий матери с детьми. Увидев Метиду, он бросился целовать ей руки, повторяя:

– Спасибо! Я счастлив! Спасибо! Я счастлив!

Рея подошла к ним в окружении вновь обрётённых детей.

– Вот, дорогие мои, это ваши спасители! Храбрая Метида – дочь Океана. И ваш необыкновенный брат Зевс.

Глаза родственников светились счастьем и благодарностью. Старшие братья уважительно приобняли младшего. Сёстры одна за другой расцеловали смущённых Зевса и Метиду, героев только что свершившихся событий.

– Вам надо будет много что друг другу рассказать, – обратилась к детям счастливая Рея, – а ещё вам надо подготовиться испытать на себе гнев отца.

Были или нет услышаны молодыми Богами эти последние слова? Потому что общий праздник воссоединения семьи шумел и пенился восторгом.

Заговор против заговора

Крон, оправившись после происшествия, помчался подальше от негостеприимного места. Его братья, владеющие на суше горами, Кой и Крий, были с Кроном в большей дружбе, нежели могучий Океан. К ним на Офрейскую гору и прибыл обиженный Крон. Рассказав о случившемся, он сделал неожиданный вывод:

– Это, дорогие мои братья, начало нашего краха. Я-то ведь и вас спасал, пока хранил в себе своих детей.

– Зачем ты вообще их нарожал? – с раздражением бросил в адрес брата Крий, хотя у самого от двоюродной сестры было трое сыновей.

– Да будет тебе! Не об этом речь надо вести! – не поддержал Крия брат Кой, у него были только дочери, Лето и Астерия, и он с женой-сестрой, лучезарной Фебой, жил в своё удовольствие. – Думаю, нам нужно объединиться и решать, что же будем делать дальше?

– Ветер перемен уже задул со всей силы, и нас он обязательно коснётся своим неласковым крылом, нельзя нам прозябать в бездействии, если хотим сохранить своё могущество и право на владение миром, – тираду эту Крон произнёс с пафосом, но тем самым только подлил масла в огонь эмоций раздражительного Крия.

– Ты бы подумал об этом, когда выплёвывал своих недоносков, – всё больше распалялся Крий.

– Не ищи причину только во мне, братик! Сбывается предсказание Немесиды и проклятие Урана. Отец-то наш, когда мы его смещали, напороочил, чтобы и меня мой сын низверг.

– Эту бесплодную бабку Немесиду давно надо было отправить в Тартар, – не успокаивался Крий. – А батюшку Урана оскоплять я и тогда был против, если помните.

– Ну, иди, иди! Покайся! Прощения попроси! На колени встань! Это вполне в духе титанов! – саркастически выплеснул эмоции и Крон.

– Вам-то что, а мой тесть Понт, когда узнает, что мы против Океана выступаем, проклянёт меня, – нудил Крий.

– Ладно тебе ныть! – опять вступил в спор Кой. – Уран нас тоже проклинал когда-то, а как счастливо и радостно мы жили всё это время!

– Против Океана мы не будем выступать, – уже спокойнее стал говорить Крон, – мне кажется, и сам Океан не станет против нас бороться. Он всегда жил сам по себе и был нейтрален к нашим проблемам.

И тут появился ещё один брат титанов Иапет. Он, как всегда, был в сопровождении старшего из своих сыновей – Атланта. Этот могучий Бог был на удивление скромен и предупредителен в обращении с окружающими. Вот и сейчас он, оставаясь в стороне, ни разу не вмешался в разговор старших титанов. Зато Иапет сразу заговорил о последних событиях:

– Новости у меня, я вам скажу, не радостные. Судя по вашему настроению, вы готовы их выслушать. Жenuшка моя, океанида Климена, была приглашена сестрой Метидой на девичник, посвященный чудесному освобождению двоюродных сестер Гестии, Деметры и Геры. А ещё Метиды объявила на девичнике, что ждёт ребёнка от Зевса.

– Не может быть! – воскликнул Крон.

– Почему не может? Дело молодое! – продолжил Иапет.

– Проклял я её!

– Ну, братец, может, опоздал ты с проклятием! Хотя слово у тебя тяжёлое, и всё может случиться. Так вот, – Иапет не терял нити рассказа, – вернулась моя Климена с девичника и сразу к сыновьям. Живописно описала им, как Зевс с

Метидой, прикрывшись именем Хирона, опоили Крона и освободили спрятанных Кронидов.

– Не прощу! – взревел Крон.

– Ага! Как будто они тебе простят, что ты их глотал младенцами, – не преминул ехидно прокомментировать Крий.

– Ну, будет вам ссориться! – осудительно покачал головой Иапет. – Я ведь до главного-то ещё и не дошёл.

– Говори, брат, – заинтересованно попросил не вступавший в перепалку Кой.

– Слушайте же! А ты знаешь, Крон, откуда у Метиды взялось зелье для твоего отравления?

– Кентавр вонючий сварганил!

– Не знаешь, значит! Эта версия – прикрытие! А передал Зевсу сосуд с гадостью, которую ты выжрал с таким удовольствием, самолично батюшка наш Уран!

Поражённые братья замерли в молчании, Иапет и не спешил продолжать, оценивая реакцию на услышанное. Первым заговорил несдержанный Крий:

– Я ведь ещё тогда говорил: не стоит оскоплять Урана.

– Да, отомстил папочка, дождался момента, когда все мы уже привыкли к своей вечной непогрешимости и постоянному согласию с нами со стороны других Богов, – сделал вывод Крон, затем обратился к Иапету: – Судя по твоему довольному взгляду, ты ещё не всё нам поведал?

– Не всё, братец, не всё, хотя удовольствия, поверь, я от этого вовсе не испытываю. Климена, благоверная моя, запретила младшим сыновьям вмешиваться в назревающий конфликт. Особенно занимать сторону отца, то есть мою.

– Вот те раз! Это почему? – не сдержался молчун Кой.

– Мстит мне! Не может простить мою связь с её сестрой Асией. Главное, к ней относится по-прежнему, как к сестре, ещё и жалеет её, а меня теперь к себе не подпускает и вообще делает вид, что не замечает меня.

– А может всё не так уж и плохо? – как-то даже спокойно стал рассуждать Крий. – Пусть Крон разбирается потихоньку со своими отпрысками, а мы как жили, так и будем жить, не замечая проблем семейства Кронова.

– Не выйдет! – жёстко осадил его Крон. – Или мы, поколение старших титанов, или они, новые Боги, со своими новыми идеями и прогрессивными делами, в которых нам места не найдётся.

– А раз так, – снова стал распаляться Крий, – загнать их в Тартар, куда мы закинули Гекатохейров, этих уродов сторуких.

– Как бы нас самих туда не отправили! – не поддержал брата Кой.

– Ладно тебе, накаркаешь! – попытался остановить спор братьев Иапет. – Что предлагаешь делать, Крон?

– Предлагаю пойти за советом к Гипериону.

– Здесь я! Не надо куда идти! – сияющий Гиперион вышел из тени.

– Ну вот, все в сборе! Ты, надеюсь, в курсе последних событий? – обратился к Гипериону Иапет.

– Да уж! – ответил с огорчением тот. – Проблема! Где все мы были, когда Крон сначала оскопил отца, а потом заглывал одного за другим свои детей-титанидов? Никто не остановил его, не предложил иных путей решения вопроса. Теперь же нам предстоит бороться с собственными детьми или племянниками, в общем, со следующим поколением. Мы порождаем уже традицию, уважаемые. Конфликт отцов и детей.

– Оставь свои мудрствования для философов, – прервал размышления брата беспокойный Крий.

– Если хочешь коротко, всё очень плохо! – Гиперион перевёл взгляд на окружающих. – Был я только что у Немеседы, хотел разузнать у неё о дальнейшей

нашей судьбе, но не приняла она меня. Нехорошая примета! А вот ещё одна! Все наши с вами сыновья и дочери приглашены на праздник по случаю чудесного освобождения Кронидов из небытия. Приглашены и жёны наши, тётки спасенных. В общем, приглашены все, кроме нас. Вот и думайте, о чём там пойдёт речь. Начнут объединяться и планировать, как нас сместить.

– Может попытаться пойти на переговоры, разделить с ними сферы влияния, уступить молодёжи часть мира какую-нибудь, – стал вслух размышлять Иапет.

– Но держаться нам надо всё-таки вместе, поврозь они нас быстро сомнут, – высказался молчун Кой.

– Если сыновья найдут общий язык с дедами, нам конец! – слезливо взвизгнул Крий.

– Ну, что ты, действительно, раскаркался? – раздражённо остановил его Гиперион. – Кой прав: держаться нам надо друг друга, выстоим, мы всё-таки Титаны. А насчёт переговоров, стоит попробовать. Время надо потянуть, может быть, что-нибудь придумаем.

– Ну что ж, пойду знакомиться со своими детками, – поддержал его Крон. – Может быть, ещё и договоримся до чего-нибудь хорошего.

– В крайнем случае, замани их к нам в горы, под скалу, – высказал пожелание хозяин гор Кой, – а мы-то уж там их и укроем!

Встреча поколений

В обширных океанских гостиных собрался многочисленный сонм Богов. До сих пор не было повода встречаться многочисленным потомкам Геи. И вот впервые с сотворения мира оказались вместе представители первообразного пантеона. Прекрасные нимфы, морские и океанские, речные и озерные, были главным украшением встречи. Чаруя своими прелестями, проплывали божественные наяды, nereиды, океаниды. Как бабочка с цветка на цветок, порхал среди отдельных групп девиц обольстительный Сперхий.

Главными виновниками торжества были, конечно же, Зевс и Метида, к ним с поздравлениями подходили по одному, группами, семьями. Обнимали, целовали, говорили дежурные фразы и уж затем знакомились с новообращёнными Богами, братьями и сёстрами Кронидами.

– Восхищён находчивостью и смелостью вашей, Зевс и Метида! Поздравляю тётку Рею с возвращением детей в лоно семьи! Рад приветствовать вас в сонме Богов, новообращённые братья и сёстры! – голос очередного приветствующего Бога-красавца звучал как гимн подвигу.

– Знакомься, Зевс, это великий титанид Прометей, – представил его Сперхий, мгновенно оказавшийся рядом с другом Зевсом.

– О, рад знакомству с великим создателем людского племени! – обменялся с ним лёгким поклоном Зевс.

За спиной могучего Прометея расположились трое внешне очень похожих между собой Богов. Прометей представил их:

– Это мои младшие братья: Атлант, Эпиметей и Менойтий.

– А это мои старшие братья, Посейдон и Аид, – Зевс поддержал приветственную интонацию, но получилось несколько принуждённо.

– А я Сперхий, средненький между вами! Кто меня не знает? – развеял напряженность ситуации находчивый речной Бог. Все развеселились и расслабились.

Нимфы-девы беззаботно кружились в хороводах. Солидные тётки взирали на них, благоговейно.

Неразлучно друг за другом следовали Метида и Деметра. Им периодически составляла компанию счастливая Рея, переходя от одной дочери к другой.

Как-то незаметно образовалось сближение Фетиды и Геры. Взяв над вновь обретенной родственницей наставничество, старшая Фетида нашла в юной Гере отзывчивого и благодарного подопечного. Вместе они обходили широкий круг родственников и знакомились с окружающими.

Крон не мог появиться незамеченным. Этого он, собственно, и не желал. Кто уважительно, кто со скрытой усмешкой раскланивался перед великим Богом. Сам собой организовался между отцом и сыном живой коридор. Гордый, могучий Крон с одной стороны этого коридора, и крепкий, непоколебимый Зевс – с другой. Отец сосредоточенным прищуром глаз внимательно изучал внешность своего сына. «Да, им бы можно было гордиться! Это лучшее произведение Реи! Настоящий Бог! Красавец! – рассматривая соперника, Крон мысленно досадовал, что Судьба противопоставила их друг другу. – Даже жаль будет портить такую красоту!» Однако от Зевса исходила некая волна, внушающая уважение перед его силой и могуществом. Вокруг молодого Бога, словно ореол, сияли засыпанные молнии. Только теперь Крон обратил внимание на них, хотя эти кривые стрелы, возможно, только теперь и засветились ярким сиянием за спиной Зевса.

– Это мой подарок внуку! – услышал Крон за спиной знакомый голос Геи. – Молнии выковали чудесные умельцы, твои братья Циклопы.

– Спасибо, матушка, за заботу о моём сыне...

– Всегда рада помочь!

– Особая благодарность батюшке Урану за необыкновенный напиток...

– Обязательно передам! Да ты полюбуйся, какие детки-то у вас с Реей получились!

– Любуюсь, мама, любуюсь!

Крон взгляделся и в других своих сыновей. Слева от Зевса стоял широкоплечий Посейдон со сверкающим трезубцем в руках, явно того же происхождения, что и стрелы-молнии у младшего брата, а справа в тёмной накидке и со странным чёрным шлемом в руках возвышался мрачный Аид. Его тяжёлый взгляд из-под сдвинутых бровей ничего хорошего не предвещал. Эта троица представляла собой единый могучий треугольник, наполненный необычайной силой.

Среди богинь незнакомы Крону были только три. По-видимому, это и были его дочери. Рядом с Реей, его супругой, стояла очень похожая на мать дородная Деметра. Нереида Фетида приобняла за плечи красавицу Геру. Океанида Метида прижимала к себе хрупкую и бледненькую Гестию.

– Ну, здравствуйте, дети мои! – Крон и сам удивился неуместности обращения. Те же, кому оно было предназначено, в ответ ни слова не произнесли.

После затянувшегося молчания Рея попыталась сгладить неловкость ситуации и представила Крона:

– Не трудно догадаться, милые, это тот, кто прятал вас всё это время в себе.

– Почему прятал, дорогая? – придавая беседе непринуждённость, пытался иронизировать Крон. – Берёг! Вон каких милых красавиц и чудных богатырей в целостности и сохранности...

– И долго ты надеялся нас так хранить? – жёстко перебил его своим вопросом Аид. – Вечно?

– Нет, конечно...

– Позволь усомниться в твоей искренности, – теперь перебил его Зевс.

– Ещё и не познакомившись, уже начинаем ссориться. Зачем? Я ведь, собственно, вреда вам, дорогие мои, никакого не нанёс!

– Может быть, ты ещё скажешь, что всё это делал ради нашего же блага? – не отмолчался в разговоре с отцом и Посейдон.

– Я-то думал, что найду с сыновьями общий язык. Вот видишь, дорогая, – обратился он теперь к Рее, – они даже и почтения старшим не способны оказать.

И тут спокойно и рассудительно заговорила Метида:

– Почему же ты, Крон, отождествляешь себя со всем старшим поколением? Мы с уважением относимся и к бабушке с дедушкой, и ко всем нашим добрым тётушкам, и...

– Замолкни, потаскуха! – озлобленно прервал её Крон.

– Не смей оскорблять мою жену! – в ответ ему выплеснул злобу Зевс. – Она ждёт от меня ребёнка, уважай мать твоего будущего внука!

– Да от тебя ли он, Зевс? Океаниды известны своей похотливостью...

Реплика Крона вызвала волнение не только среди многочисленных океанид, но и задела всех родственников.

Дальнейшее произошло мгновенно. Зевс одним движением выхватил из колчана молнию и, как дротик, метнул её под ноги Крону. От удара грома всё покачнулось, поднялся вихрь, подхвативший Крона и его сыновей, и в следующий миг все четверо исчезли.

Углубление конфликта

Океанская волна вынесла всех четверых на берег и бережно поставила у высокой скалы, не изменив им даже позы.

– Так, сынок, спасибо, за проявленное уважение! – продолжал иронизировать Крон.

Не поддерживая его настрой, Зевс был категоричен:

– Пусть ты и великий Бог, но права оскорблять других Богов у тебя нет! Не считаю нужным, чтобы Богини слушали твои гнусности! Можешь их высказать нам! Проявляя, тем не менее, осторожность!

– Это что же угроза?!

– Предупреждение!

– Не рановато ли ты берёшь на себя такую ответственность? – слова Крона стали приобретать тяжесть. – Учти, малыш, я слов на ветер не бросаю и обратно их не беру. Проклял я твою возлюбленную, потому и не будет у неё детей. Если пойдёшь против моей воли, родится у тебя от неё твой похоронщик. Я сказал – так и будет! И ручонками своими не дёргай, молний твоих я не боюсь. Чувствую, не найти нам общего языка. Жаль! Прощай! И вы прощайте, глупые сыновья, дважды появившиеся на свет!

С этими словами Крон как бы растворился в скале, которая стала рушиться, огромными глыбами накрывая братьев. Всё было бы кончено, не надень Аид в последний момент свой необыкновенный шлем и не накрой братьев широкими полами плаща.

Чудесным образом спасённые от погребения, молодые Боги оказались во владениях Тартара.

Подземное царство – неотъемлемая часть мироздания, но очень ограниченная для посещения Богов, а для смертных и вовсе закрытая часть света. Для попавших сюда людей – это путешествие в безвозвратное. Ошибочно человек называет преисподню царством мрака. Нет, здесь не вечная тьма, наоборот, здесь вечный свет, заливающий всё, но не отображающий теней.

Здесь было всегда тихо, правильнее сказать, беззвучно. После шума океана и грохота обвала скалы тишина Подземья оглушила молодых Богов. Они не успели толком оглядеться, когда на них снизошёл глухой голос из ниоткуда:

– Рад видеть вас, внуков Геи, сестры моей любимой! Предполагаю: не по своей воле оказались вы здесь. Редко заглядывают ко мне верхние небожители, пренебрегая моим гостеприимством. Что ж, побывав у меня, поведайте там, наверху, что не надо думать, будто угрюмый дядюшка Тартар неприветлив и

неласков. Просто, в отличие от суетной и шумной жизни под солнцем, у меня всё тихо и умиротворённо.

– Простите, уважаемый Тартар, за непрошеное вторжение!

– Мы счастливы приветствовать всемогущего первооснователя нижнего неба!

– Вы правы, это отец наш «любимый», Крон, спровадил нас сюда, – после поочерёдных приветствий братьев признался Аид. – Но мы, тем не менее, рады оказаться у Вас. Мне по душе Подземный мир с его недвижимым течением рек и спокойным, размеренным ритмом бытия.

– Спасибо, Аид! Уважил старика! Мне бы вот такого помощника! Многое предстоит упорядочить здесь. И смертными всё больше заселяется наше царство, среди этой братии тоже порядка нет. Один я не успеваю! От того и мрачен.

– А я не против! Лишь уладим с братьями дела земные, и я в Вашем распоряжении, – даже несколько обрадованно пообещал Аид.

– Вот и договорились. А я чем смогу – подсоблю. По правде говоря, давно уж Крон всем надоел своей однообразной праздной жизнью. И братья его, самонадеянные и успокоенные бездельники, поддерживают тунеядство Верховного Бога. Может, потому и согласились они передать Крону главенство над собой, что осознавали бездарность брата: сам он ничего путного свершить не сможет, но и к ним не будет приставать с претензиями. Среди титанов один Океан – великий труженик. Пора бы остальным найти замену.

Видя в молодых Богах благодарных слушателей, Тартар неожиданно перевёл тему разговора в иное направление:

– Пойдем-ка, молодёжь, представлю вас вашим же родственникам, коих не многие воочию знают.

Тартар никогда не принимал человеческий облик, спокойно существуя в подземном пространстве видением или становясь то предметом, то явлением, то просто голосом. Вот и теперь он легким движением скал указал направление, куда следует передвигаться братьям. Путешествие не было долгим. За поворотом открылась необычная кузня. Вместо печи с горнами из жерла вулкана брызгало раскаленное пламя, и, видимо, для охлаждения металла от мёртвой реки был отведён небольшой рукав. В центре стояла огромная наковальня, а вокруг всё было уставлено разнообразными кузнечными приспособлениями. Из входа в пещеру навстречу Богам выступили три могучих кузнеца. Всё в их облики было человекообразно, кроме лица. Вместо двух глазниц по обе стороны переносицы у каждого во лбу моргал огромный круглый единственный глаз.

– Принимайте гостей, – голос Тартара был явно обращён к хозяевам кузницы. – Это ваши племянники, титаниды Зевс, Аид, Посейдон.

– Их нетрудно узнать, – выступил вперед, почёсывая волосатую щёку, один из циклопов, – по нашим дарам. Матушка Гея так и просила: надо, мол, выковать для Зевса громовые молнии, для Посейдона – сияющий трезубец, а для Аида – неуязвимый шлем-невидимку.

– Спасибо Вам за ваши бесценные дары, – поклонился циклопам Зевс. – Они нам оченьгодились. Спасли от гнева отца нашего Крона.

– Ну, вот! А братья-кузнецы расстраивались, что их искусство никому не впрок, – невидимый Тартар поддержал похвалу Зевса.

– Коли так, – продолжал самый разговорчивый из циклопов, – за признание трудов наших, дорогой племянник, будем до скончания веков обеспечивать тебя сверкающими перунами, пользуйся ими во славу Богов. Нам постоянное заделье, а у тебя никогда не опустеет колчан. Шлему износа нет. А трезубец всегда будет возвращаться к единственному владельцу.

– Не знаю, как и отблагодарить вас за такую честь?

– А вот как услышим здесь громы наземные, обрадуется сердце наше, что пригодились нами выкованные молнии, тем счастливы и будем. И вы вспомните нас. Я – дядюшка Бронт. Это мои братья – Арг и Стероп.

– Вот и ладненько! – вмешался в беседу Тартар. – Вот и познакомились!

Когда, распрощавшись с циклопами, Зевс и братья уже были на выходе из Подземного царства, Тартар обратился к ним на прощание:

– Был рад встрече с вами, верю, что с вашим восшествием упорядочится жизнь. А то видите, с поверхности земли нет ни ворот, ни стен в Тартар, ни охраны, ни проводников. Может быть, вместе с вами и организуем всё это. А в вашем противостоянии титанам можете на меня положиться. Давно пора навести порядок в том, что мы с Геюшкой сотворили. Прощаться не будем, а тебя, Аид, жду.

Голос Тартара стих, как будто его и не было. Братья стояли на краю земли и океана при входе в Подземье.

Из волны появились нимфы и сообщили, что братьев ожидают у себя Гея и Уран.

Деды и внуки

– Ну, здравствуйте, детушки дорогие, – с распростёртыми объятиями Уран выступил навстречу прибывшим внукам. – Дайте-ка обниму вас, милые мои. Ну, вот и славненько! Вот и хорошо! Геюшка, смотри, какие могучие красавцы нам на смену пришли!

– Радуюсь я, на них гляючи! – поддержала восторг мужа Гея. – Присаживайтесь, с дальней дороги нектару испейте, амброзией закусите. Вам отныне много сил понадобится. Мы с дедушкой в курсе, что вы неожиданно оказались у Тартара. Это и к лучшему! Вы поблагодарили циклопов за подарки? Ну, и хорошо! Если с ними по-доброму, они тоже добрые, хорошие и верные товарищи. Ну, вы, старшенькие, пока с дедушкой пообщайтесь, а я посекретничаю с Зевсом. Пойдем, дорогой, увидимся ненадолго.

Когда Гея и Зевс удалились, Уран обратился к внукам:

– Секреты у них не от вас, они будут думать, как обойти проклятие Крона. Метида ведь ждет ребёнка от Зевса. Вот наградила судьба меня сыном, я Крона имею в виду! Да и другие титаны не лучше. Это ж Кой и Крий, дядюшки ваши родные, обрушили скалы вам на головы.

– Хорошо, что Аид вовремя сообразил укрыть нас плащом и спасительным шлемом, – поддержал беседу Посейдон.

– Молодец! – похвалил Уран. – И как вам кстати оказался этот подарок от циклопов! А всё бабушка. Это ж она надоумила круглоглазов придумать особенное, до селе не виданное оружие. Оно вас ещё не раз выручит и поможет вам.

– Да, дядюшка Бронт уверил нас в непобедимости выкованных доспехов и оружия, – вступил в разговор и Аид.

– А вы, дорогие мои Кронида, не расслабляйтесь, будьте на чеку, титаны, конечно, не успокоятся. Но я верю, внуки отомстят за дедушкины муки.

А в это время Гея и Зевс, расположившись на одном из облаков, вели свою беседу.

– Проклятие Крона никто снять не в силах. Это, Зевс, ты должен осознавать.

– Я это понимаю, бабушка, но что делать?

– Повторять ошибок своего отца ты не должен. Родится сын от Метиды – сместит тебя.

– Так что же у нас с ней детей не может быть? Нет, ну как же? Она беременна!

– Об этом ты должен серьёзно поговорить с женой, может быть, она и придумает что-нибудь. Метида – мудрая.

– Что же я ей скажу? Не рожай! Как же это возможно?

– Но если Крон напророчил, что Метида не родит, или как он там пообещал?

– Не увидит своих детей, – подсказал Зевс.

– Вот, значит, так оно и будет. Я не могу дать дельного совета, но вы должны найти достойный выход. Возможно, это решение будет жертвенным.

– Ты о чём это?

– Вам вдвоём думать, вам двоим решать, ошибиться нельзя.

– Как было всё спокойно и понятно ещё недавно, – Зевс глубоко вздохнул.

– Тебе начертано вершить миропорядком.

– А в своей судьбе я не хозяин!

– Ты не прав, дорогой! Именно теперь ты и становишься хозяином судьбы. Вместе с Метидой ты научишься принимать правильные решения.

Выход из положения

История с обрушением скалы бурно обсуждалась среди океанид. Волнение сменилось радостью, когда разнеслась весть о чудесном спасении братьев. Метида, уже с заметно определившимся животиком, постоянно находилась в обществе своих сестёр, не оставаясь наедине со своими переживаниями.

Гера гостила у нимфы Фетиды, своей двоюродной тётки: они очень сдружились за последнее время. Гестию не отпускала от себя матушка Рея. А Деметра отводила душу в беседах с Метидой, которая после исчезновения Зевса и его братьев поначалу ушла в себя, была молчалива, а затем отдалась воспоминаниям и без смущения пересказывала новообретённой подруге Деметре откровенные разговоры с Зевсом, признаваясь, как она самозабвенно влюблена в брата. Деметра, не имея подобного опыта общения с Богами-мужчинами, была благодарной слушательницей, как заворожённая, внимала каждому слову сестры. Ей казалось, что она сама влюблена в Зевса, своего героя-спасителя, и что это с ней, а не с Метидой происходили любовные игры на берегу океана.

– Как я тебе завидую! – искренне и без смущения призналась Деметра сестре. – Счастливая ты, Метида. Вот и ребёночек у вас будет.

– Всё не так просто. Крон, не только на вас эксперименты ставил. Он ведь со злости предрёк, что я не смогу родить.

– Как? Разве такое возможно? Вон у тебя уже и животик виден.

– Слова, сказанные Кроном, никто отменить не может.

– И что же будет?

– Я предполагаю... Вот встретимся с Зевсом, обсудим, – грустно и со вздохом произнесла Метида.

Зевс не вошёл – ворвался:

– Сестрёнки мои дорогие, как я соскучился, – он подхватил смущённую Деметру, закружил её, затем бросился в объятия Метиды, но, уловив предупредительный жест Богини в направлении её живота, кружить не стал. Поцелуй же был долгим.

Деметра незаметно ретировалась, оставив мужа и жену наедине.

– Я за тебя так волновалась, дорогой!

– А стоило ли? У меня прекрасные, смелые и преданные братья. И вместе мы сила! А у дедушки Тартара я познакомился с удивительными Циклопами.

– Что будет дальше?

– Немесида предсказывала войну! Отец и дядья, как я понял, так просто не захотят с нами сосуществовать. А как с ними совладать, я, если честно, и не знаю.

– Я верю, милый, ты найдёшь решение.

– А я вот прибыл от бабушки, и она мне сказала, что это ты подскажешь мне, как быть.

– Ну, в ваших мужских делах я не советчица. А вот о судьбе нашего ребёнка давай поговорим.

– Я вот подумал: ну и пусть вырастит у нас сын, и я спокойно передам ему свои права, которых у меня и так-то пока немного.

– Вот тут ты не прав! Тебе предназначено изменить мир к лучшему, ты и должен исполнить возложенное на тебя. А то, что это не просто?!.. Если бы было просто, тогда и ты не нужен был. Возможно, и наша встреча, и наш ребёнок, и проклятие твоего отца – всё это испытание на нашу прочность. А мы ведь дети титанов!

– Ты это говоришь с таким упоением! Я восхищаюсь тобой!

– Я люблю тебя и готова на всё! Когда твоему отцу предсказали, что его гибель в его детях, он ведь нашел выход, временный, но нашел.

– Даже не уговаривай меня, любимая, я не буду глотать своих детей!

Метида улыбнулась на его слова:

– А я рада, что ты этого и не желаешь. Поцелуй меня! Я хочу всегда быть с тобой! Мне хорошо с тобой! Я знаю, как мы поступим! Целуй меня, не останавливайся! Когда мы с тобой любим друг друга, я готова раствориться в тебе. Я вся твоя – ты весь мой. Раскройся мне на встречу. Не ты войдёшь в меня, а я в тебя. В самый сладкий миг я растворюсь в тебе навсегда.

– Но если это произойдёт, и ты растворись во мне, то никогда уже не сможешь вернуться назад.

– И хорошо, значит, я всегда буду с тобой, всегда буду в тебе. Только ты не останавливайся. Так мы обойдём проклятие Крона. Это мы вместе родим, а не я одна.

– Я люблю тебя!

– Люби меня всегда! Даже когда ты будешь с другими женщинами! Будет хорошо тебе – и мне будет хорошо! Прими меня! Я твоя! Навсегда!

И Метида растворилась в нём. У теряющего рассудок Зевса потемнело в глазах. Он закрыл их от боли и удовольствия, одновременно понижаящих его тело.

Как долго длилось затмение? Не важно.

Когда к нему вернулось сознание, Метиды рядом не было. Всё, что произошло с ними, не укладывалось в голове молодого Бога. Счастье от свершившегося переполняло его, как и досада, что это произошло под нажимом обстоятельств. Спасая друг друга, беспокоясь за своего ребёнка, они вынуждены были поступить так. «Этого я Крону никогда не прощу!» Мысли не успевали обрабатывать всех переживаний. В отчаянии, что он никогда больше не увидит Метиды, Зевс с такой силой ударил кулаком по песку, что волны покатались в противоположную от берега сторону.

Первая атака

Зевс искал успокоения в уединении. Спокойнее всего ему бывало на горе Олимп. Вот и теперь его одиночество скрашивали только облака. Они, образуясь над заливом, медленно проплывали над Олимпом и растворяясь у горизонта. «Вот так же и Метида, возникла из недр Океана и растворилась...» – размышлял лёжа на взгорье Зевс.

Со стороны материка, куда был устремлен взгляд Зевса, возникло, разрастаясь при приближении, чёрное пятно. Зевс расслабленно наблюдал за ним, недоумевая, зачем оно летит навстречу облакам и, разгоняя их, нарушает небесную идиллию.

Нечто подобное молнии сверкнуло над головой Зевса и, ударившись в чёрное пятно, взорвалось. Пылью закрыло полнеба.

– Хорошо я подоспел вовремя, – это Посейдон, только что разбивший своим трезубцем скальную глыбу, нарушил созерцательность Зевса. – Мать Рея сказала, что Олимп – твоё любимое место. Хватит предаваться унынию. Сейчас нам скучать не придётся.

– Что случилось? – Зевс никак не мог отрешиться от мечтательного тумана.

– Титаны, разузнав о твоём уединении, решили захоронить тебя здесь. Берегись!..

Из пыли надвигалась новая глыба, её опять метким броском трезубца сумел раскрошить Посейдон.

– Ну, уж нет! – весь напружинившись, вскочил на ноги Зевс и, выхватив из колчана пучок молний, одну за другой с остервенением стал метать их в направлении пыльной завесы. Сопровождаемые жутким гулом, понеслись сверкающие стрелы, ярким лучом просверливая просвет в каменном крошеве.

Было видно, как одни из молний с грохотом взрывались, встретившись над долиной с горными обломками, другие же, долетая до горизонта, ярко вспыхнув, поднимали там тучи пыли.

Напряжённо вглядываясь в даль, братья ожидали развития событий.

– Я только что оттуда, – снимая шлем-невидимку, из-за плеча Посейдона неожиданно проговорил Аид. – Метать скальные обломки они прекратили после неожиданной ответной атаки Зевса, у них там сейчас переполох.

– А как это все узнали, что я здесь? – задумался Зевс.

– Я был у Геи... в гостях, – как бы извиняясь и смущаясь, поспешил первым признаться Посейдон. – Бабушка всегда знает, где ты, она и отправила меня к тебе на помощь.

– А меня матушка, предупредила, что Крон с братьями титанами задумал что-то неладное, – как всегда спокойно и рассудительно произнёс Аид. – Я тайком и проник в их месторасположение. Кстати, в компании титанов имеются не просто сочувствующие, но и помощники.

– И я могу предположить кто! – неожиданно проговорила одинокая чайка, в то же мгновение приняв знакомый облик Сперхия. – Если ты помнишь, Аид, тетушка Рея сказала тебе про Олимп в присутствии океаниды Климены. Она, сочувствуя Зевсу, поделилась переживаниями со своими сыновьями. А вот кто из четверых братьев сообщил об Олимпе своему отцу, грозному Иапету, я пока не знаю, но будьте уверены – скоро выведу.

– Предстоит борьба и не только с титанами. Спасибо, Посейдон, спасибо, Аид, за поддержку. Спасибо, Сперхий, что помогаешь нам. Мне просто необходимо было побыть одному, но, я понял, следует проявлять осторожность. Это – война.

– Не отчаивайся, дорогой брат! – Посейдону захотелось поддержать Зевса. – Мы с тобой! Бабушка посоветовала тебе развеяться и побывать у Немесиды.

– Что ж, мне будет полезен совет предсказательницы. Отправлюсь к ней. А ты сам куда?

– Мы не всё договорили с бабушкой, – опять слегка взволнованно ответил Посейдон.

– А я с тобой, – опередил вопрос Зевса Аид. – Брат Немесиды Танатос приглашал посетить его. Так что, нам по пути.

– Сперхий, ты с нами? – пригласил Зевс друга.
– Нет, знаете ли. Мне по душе общество Океанид. Они меня, пожалуй, заждались.

Заблуждение

Зевс, уткнувшись в плечо Немесиды, не мог вымолвить ни слова. Говорила сестра:

– Не надо так отчаиваться! Ты был любим, любил – и это прекрасно! Метида пожертвовала собой ради твоего будущего. Она поделилась с тобой своей мудростью. Наступит срок, и ты явишь миру новую Богиню, преданную тебе дочь.

– Как? Значит, и Метида могла родить её, дочь, а не сына, и проклятие Крона было бы бессильно. Зачем же эта жертва? – отстранившись от сочувствующей Немесиды, возмутился Зевс.

– Будь сосредоточен! И выслушай меня внимательно! В том, что у тебя не будет от Метиды сына, который, по словам Крона должен лишить тебя власти, заслуга только Метиды. Она сейчас властительница ситуации. Это она объединила два плода. У вас должна была родиться двойня: мальчик и девочка. Появится же лишь одна юная Богиня, характером и силой, повадками и мужественностью превосходящая многих Богов-мужчин. Она будет тебе верной и постоянной помощницей, мудрой в мать, могучей в отца. Вот только никогда она не найдёт себе надёжного и любимого спутника, быть ей вечной и прекрасной девой. Вспомни: после Кроновой обиды из-за участия в вызволении твоих братьев-сестёр, после его проклятия сама Метида никогда не смогла бы родить.

– Я ненавижу Крона! Если есть на то моё право, я проклинаю отца, и не видеть ему света вечно, как и моей прекрасной Метиде! Ты не представляешь, как я обижен и зол на него!

– По этому поводу с тобой хотела пообщаться моя сестра Эрида. Она ждёт тебя.

– Подожди! Ты сказала, что у меня скоро появится ребёнок. Но как?

– Ну, конечно же, не так, как у Богинь. Ты к этому не приспособлен. Измени перед родами ипостась. И помни, дочь, как и мать, должна быть Богиней мудрости. Не забудь заглянуть к Эриде, сестре моей... и твоей. Я исчезаю.

И исчезла.

«Вот ведь предсказательница! Вечно говорит загадками, нет, чтобы сказать ясно и понятно», – мысленно проворчал Зевс, глядя на то место, где только что стояла Немесида.

Идти к Эриде не пришлось. За спиной из полутьмы раздался приятный голос:

– Я тебя ждала-ждала...

Милая, приятная, с большими голубыми глазами Богиня держала в руках два кубка с нектаром.

– Мне так много рассказывала о тебе Немесида, – шелест легкого, почти прозрачного хитона Эриды завораживал, как и её нежный голос. – Я знаю: у тебя большое будущее. И мы нужны друг другу.

– В каком смысле? – искренне удивился Зевс.

– В прямом и непосредственном.

Зевс, приняв из рук Богини напиток, быстро, жадными глотками осушил содержимое.

– Они там, – она указала вниз на землю, – заждались нашего вмешательства. Скоро смертные будут жить счастливее Богов. Они не ведают ни голода, ни боли, не знают лжи, раздора, наказания. Всё это смогут передать им Боги – наши дети. Я так долго ждала тебя!

Он физически ощущал исходящие от Эриды токи желания и попытался остановить их движение:

– Ты, должно быть, в курсе, что я недавно потерял Метиду?

– О, да! Но это вовсе не значит, что ты должен быть разочарован в жизни и в любви. Это заблуждение, которое должно быть присуще только смертным, – томный голос Эриды постепенно затухал, переходя на шёпот. – Тебе нельзя не любить, и ты не должен отказываться в любви жаждущим её. И не спорь, пожалуйста, со мной. У нас будут прекрасные дети, они будут жить среди людей и обучать их различным отношениям и чувствам. У нас будет много детей! Вот этим мы с тобой сейчас и займемся!

Обронённые кубки со звоном покатались в разные стороны. Наверное, Зевс увлёкся. Ему было хорошо. Значит, как и просила Метиды, ей тоже должно было быть приятно.

Через положенный срок у Эриды родилась первая дочь Ата – Заблуждение.

Явление

Сперхий с нетерпением ждал Зевса во владениях Океана. Здесь было всё спокойно, по крайней мере, внешне. Незамужние Океаниды предавались неге. Их мать, Тефида, жалела свободных дочерей, подавая детям пример счастливого брака со своим братом Океаном. Их взаимность регулярно завершалась появлением на свет нового морского или речного Бога. Поэтому связь сестёр с братьями всячески поощрялась и поддерживалась в большом океанском семействе. А если удавалось выйти замуж за дальнего родственника, все были счастливы.

– Ну, знаешь, брат, я тебя заждался, – кинулся навстречу Зевсу обрадованный Сперхий. – Тебя тут сестры заискались! Меня б кто так искал! Быстро ты овладел умами сестёр! Молодец! Я, имей в виду, не жалею масла для костра их любопытства. Как я расписывал им твоё столкновение с титанами на Олимпе!!! Ты бы видел глаза девиц! Восторг и умиление!

– Не перестарайся! – пытался поумерить активность брата Зевс. – У некоторых из родственников специально наострённые уши и излишне болтливые языки!

– Я об этом помню, – Сперхий перешёл на полужёпот. – У меня есть точные сведения, откуда знают титаны о твоих передвижениях.

– Ну и?..

– Титан Иапет хвалился перед Кроном, что среди его сыновей есть преданные ему мальчики и что теперь всё происходящее на краю океана будет ему известно.

– Это Прометей и его братья?! Интересно! – Зевс задумался. – А сестрица Климена уверяла, что уж на её-то сыновей я могу положиться!

Сперхий заметил, что брат побледнел и как-то внутренне напрягся.

– Что-то не так? – обратился он к Зевсу.

– Ты знаешь, я и сам не пойму, что со мной происходит. То головокружение, то тошнота, то слабость, а расслабляться нам нельзя. Надо бы поговорить с Прометеем и его братьями.

Сперхий радостно всплеснулся:

– А я уже всё организовал! Я попросил свою матушку пригласить замужних дочерей с детьми на смотрины девиц-океанид. Она даже обрадовалась. А я-то знаю: никто не посмеет отказаться от предложения Тефиды и Океана, поэтому и Климена обязательно будет, а с нею и все её сыновья. Вот мы и организуем встречу.

– Молодец!

– Я же сказал, что обязательно выведаю, кто из братьев лазутчик Титанов, – похвалялся Сперхий.

– Молодец! Когда организуешь мне встречу с сыновьями Клемены? – Зевс проявлял нетерпение.

– Да хоть прямо сейчас. Я потому тебя и ждал с нетерпением, что всё гнездо Клеменов в сборе и угощается теперь у Тефиды свежей амброзией, – всё это Сперхий щebetал, сопровождая друга к месту встречи с Клеменидами.

После холодного приветствия Зевс сразу обратился к братьям:

– Рассказывать о том, что старшие титаны уже дважды пытались похоронить меня, нет необходимости. Вы, верно, знаете об этом?

– А мы тут причём? – взвизгнул Менетий. – Разбирайся со своими проблемами сам. Жил бы на своём Кипре, и всё бы было по-прежнему. А теперь все только и обсуждают: чем закончится конфликт между Кроном и Зевсом?

Зевс напрягся, и это не осталось незамеченным окружающими. Менетий отступил за спины старших. Заговорил Прометей:

– Извини его, брат, – обратился он к Зевсу. – Это реакция на наши внутренние семейные проблемы.

– Ага, до Зевса их почему-то не было, – из-за спины Атланта продолжал повизгивать Менетий.

– Успокойся! Были! Ты их просто старался не замечать, – спокойно продолжал рассуждать Прометей. – А сейчас как-то неожиданно все встали перед выбором: пойти налево или направо.

Зевс, глядя прямо в глаза Прометея, остановил его вопросом:

– Ты этот выбор сделал?

– Да!

Все заметили, что Зевс побледнел, но, прямо глядя Прометею в глаза, он вдруг неожиданно не предложил, а потребовал:

– Ты пойдёшь со мной! – и двинулся прочь от собравшихся.

Прометей последовал за ним. На все попытки окружающих, что-либо спросить или сопроводить их, Зевс, повернувшись к родственникам лицом, грозно поднял руку, и его холодный, обжигающий взгляд остановил всех.

– Где мы найдём с тобой тихое место? – спросил Зевс Прометея, когда они остались вдвоём.

Недолго подумав, Прометей предложил:

– У озера Тритон. Это за морем.

– Хорошо, веди!

Когда братья расположились у озера, Прометей, замечая нервозность Зевса, спросил его о самочувствии.

– Об этом позже, – не стал развивать тему Зевс. – Вернёмся к нашей проблеме. Ответь, какой же путь выбрал ты?

– Знаешь, всё не так просто! Если пойти за тобой – значит выступить против отца. Ты своего и не видел-то толком, а мы с нашим долго были вместе, многому научились у него. Пойти против тебя – остановиться в развитии. Я осознаю, что Титаны уже иссякли, как Боги, не желают ничего менять, и это плохо. Но бороться с ними выше моих сил.

– И всё же, ты с кем, Прометей! – с трудом выговаривая слова, настаивал на точном ответе Зевс.

– Я верю в тебя, Зевс, поэтому я с тобой. Не требуй только с меня большего: быть похоронщиком отца и его братьев я не смогу. Но тебя не предам!

– А твои братья?

– За них, прости, я не ответчик. Мы – разные! Каждый сам за себя!

– Я знаю, Прометей, что ты многое делаешь для людей. Смертные чтят тебя. Я верю тебе, брат!

Следующее предложение Зевса привело Прометея в замешательство:

– Возьми каменную глыбу и разбей мне голову!

– Зачем? Нет, я не смогу этого сделать! – возмутился Прометей.

– Я уверен, что ты не желаешь мне вреда. Я не прошу меня уничтожать, я прошу мне помочь. Мне плохо! У нас с Метидой должен был родиться ребёнок. Метиды нет, а ребёнок во мне! Помоги ему появиться на свет! Расколи мне голову! Быстре-е-е!

Глаза Зевса выпирали из глазниц. Последние слова он уже не говорил – кричал:

– Я превращусь в одну сплошную голову, и ты её должен расколоть напополам! Пожалуйста, брат, поторопись!

Зевс повернулся к Прометею спиной, и пока тот поднимал огромный валун, превратился в огромный затылок. Точно по темени и приложился Прометей. В то же мгновение раздался боевой клич, послышалось бряцанье меча о щит, и из пролома в голове появилось нечто в полном боевом одеянии, в сверкающем шлеме и, выскочив наружу, с диким воплем бросилось в озёрные волны. Прометей поспешил, было, на помощь, но Тритонская влага, видимо, освежив и успокоив воина, остановила его. Сняв шлем и зачерпнув им свежую водицу, вылив содержимое себе на голову, незнакомец вдруг повернулся лицом к берегу, и оказалось, что это – прекрасная Богиня в воинском обличи. Она призывно протянула руки вперёд. Прометей недоумённо оглянулся. За его спиной, уже вновь приняв свой привычный облик, стоял Зевс с простёртыми к озеру руками.

– Афина! Как ты прекрасна!

Отец и дочь обнялись. Прометей стал свидетелем их сокровенного разговора, из которого он узнал, что Афина, наставляемая своей матерью, приготовилась встать на сторону отца и помочь ему в борьбе с Титанами. И оттого, что мысли Зевса, пока он вынашивал свою дочь, были постоянно о войне, Афина была готова к боевым действиям с момента появления на свет. Потому и первым криком её был боевой клич. Зевс не желал, чтобы юная Богиня, ещё не окрепшая и не освоившаяся в новой среде обитания, принимала участие в конфликте отцов и дедов, поэтому он попросил Прометея сопроводить Афины к пределам бабушки Геи. Сам же он отправился к братьям, Аиду и Посейдону.

Неопределённость

Верный брат и надёжный друг, Сперхий вновь с волнением ожидал Зевса. Им было о чём поговорить. Пока главный Кронид отсутствовал, произошли значительные изменения в обстановке. Титаны перешли к активным действиям и напали на Аида и Посейдона, причём сделали это очень хитро и подло. Разузнав, что братья не вместе, поодиночке подкараулили их и завалили скалами. И до сих пор о братьях ничего не известно.

Зевс был взбешён:

– Как? Братья должны были проявить осторожность! Кто-то опять выдал их!

– Теперь-то я уж знаю точно кто! – со злым прищуром процедил Сперхий.

– И кто же?

– Не успел ты с Прометеем исчезнуть, как появилась твоя матушка в сопровождении Деметры. Они очень расстроились, что разминулись с тобой. Никто ведь и не знал, куда вы направились. Рея попросила сыновей обязательно предупредить её о том, где они находятся. Аид и Посейдон

для материнского успокоения сказали, куда каждый из них держит путь. Дальше события развивались так. Аид и Посейдон простились и отбыли. И тут же засуетился Менетий. Мол, ему срочно нужно домой, раскланялся и ретировался. Я же тайно проследовал за Менетием. А направился он не домой, а напрямик к Титанам.

– Почему же ты, Сперхий – самый быстрый из Богов, не предупредил братьев об опасности?

– Я вернулся сюда, чтобы рассказать тебе о предательстве. И уж никак не предполагал, что Крон так быстро предпримет новую атаку на своих сыновей, – пытался оправдаться Сперхий.

– Я не желал зла отцу, но чаша моего терпения переполнилась, – поразмыслив, проговорил Зевс. – Тебя, друг Сперхий, я не зову с собой. Мой разговор с Титанами может закончиться непредсказуемо.

Зевс, не прощаясь, удалился.

– Ну, вот, опять не сообщил, где его искать, – подумал Сперхий, оставшись один. – Достанется мне от тётки Реи или от Деметры. Исчезну-ка и я!

Помощь

Гея, как и положено проматери Богов, была в курсе всех событий, случившихся с её наследниками. Жуткая бойня, которая произошла после горячего разговора Зевса с отцом, не стала исключением. Она знала, что Крон с братьями потребовали от Зевса отказаться от претензий на переделку устоявшихся соотношений в существующем мире. Беседа протекала напряжённо, но никто не переступал границ принятого этикета общения до тех пор, пока Менетий, по недалёкости своей или неосторожности, брякнул, мол, в противном случае они готовы на крайнюю меру – уничтожение, как это произошло с Аидом и Посейдоном. Молнии, казалось, засверкали не только из-за спины Зевса, но и из его глаз.

Титаны в ответ стали метать огромные глыбы, укрывшись в расщелинах, они беспрестанно в несколько рук швыряли бесформенные скальные обломки в Зевса. Он, успевая разбить их пламенными стрелами, отвечал огнём и громом, но силы были не равными. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы Зевс не успел подняться высоко в небо, над горами. И тогда камни, не долетая до него, возвращались назад, и кидавшие были вынуждены уклоняться от своих же снарядов. Над округой поднялась завеса из дыма и пыли. Не дожидаясь, пока она развется, Зевс удалился в направлении владений Урана.

Когда Зевс предстал пред бабушкиными очами, выглядел он не важно, хотя глаза ещё пылали яростью, но в них была и растерянность. Бабушка принялась успокаивать внука:

– Что же ты думал, дорогой, справиться с ними просто? Тогда бы они не были Титанами.

– Зачем я согласился на ваши с дедом уговоры? И к чему всё привело? Где теперь Аид, где Посейдон? Все ждут от меня каких-то обязательных категорических решений и поступков, которые всем нужны! А мне они нужны? Я не знаю!!!

– Не расстраивайся так, милый! Да, многое в жизни Богов предопределено, многое, но не всё! – Гея приобняла внука за плечи.

– Я уже потерял Метиду!

– Но у тебя появилась дочь – Афина!

– Как она тебе?

– Чудесная Богиня. В ней сочетаются мудрость матери и мужественность отца. Скоро она станет твоей незаменимой помощницей.

– Помощницей в чём?

– В борьбе за новое устройство мира.

– Какое... новое устройство?! Ведь Титаны бессмертны! И это наше противостояние будет длиться вечно! Я уже потерял братьев и не хочу терять дочь! Я тебя умоляю: не отпускай её от себя, – попросил Зевс Первобогиню.

Отчаяние, с которым он всё это произнёс, произвели на Гею сильное впечатление. Растроганная, она не могла не помочь своему любимому внуку:

– Ты прав – Титаны бессмертны, как и все боги. Потому и Аид с Посейдоном не могут погибнуть.

– Где же они? – с трепетом и надеждой Зевс устремил взгляд на Гею.

– Посейдон тайно гостит у бабушки Понта. Им давно необходимо было встретиться и обсудить, как же преобразовать водную стихию больших и малых водоёмов, кем заселить вечно текущие и стоячие воды.

– Ты этой вестью вернула мне спокойствие и уверенность в нашу с братьями силу. И я догадываюсь, что Аид, беседует сейчас в подземных глубинах с Тартаром. Не так ли?

– Именно так, дорогой!

– Бабушка, научи, как одолеть Титанов! Помогите мне в деле, на которое ты с Ураном благословила меня. И я, как вы и желали, займусь созданием гармонии в жизни Богов и людей.

– Хорошо! Слушай внимательно! Титаны, а Крон особенно, очень боялись своих сторуких братьев, боялись, что ужасные великаны могут захватить верховную власть Богов, потому и заточили их в жуткие бездны Тартара. Я благословляю тебя на освобождение Гекатонхейров, они помогут тебе. Смело отправляйся в подземное царство, и да свершится неизбежное.

– Спасибо, Великая Гея! – преклонив колена, поблагодарил её признательный Зевс и, встав, собрался уже исчезнуть.

– Не спеши! – попыталась удержать его бабушка. – Я хочу с тобой поговорить еще на одну важную тему.

– Внимательно слушаю.

– Была у меня Деметра – плакала бедная девочка.

– Почему?

– Из-за тебя!

– Я не мог её обидеть. У меня для этого просто не было времени.

– Вот поэтому она и плакала. У тебя нет времени с ней пообщаться, а она ведь любит тебя, красавца этакого! Я понимаю, многие тебя любят. Не любить тебя не хватит сил ни у одной из Богинь! Но сестру-то не обижай своим невниманием!

– Ба-бу-шка! Дорогая моя! Вот решим проблему с Титанами, и я буду весь во власти чувств и участия.

– Я знаю и верю тебе! Но помни: война – это всего лишь страсть. Одна из многих, но не единственная. А страсти не стоят в очереди друг за другом, а существуют одновременно.

Зевс на какое-то время задумался, но, взглянув в лукавый прищур Геи, улыбнулся, обнял её и исчез.

Взаимопонимание

При встрече в Подземье Зевс и Аид сдержанно, без слов обнялись.

– Я рад вновь видеть вас вместе, – голос невидимого Тартара звучал негромко и задушевно, как будто он тоже обнимал молодых Богов. – Сестра Гея мне уже пересказала свою идею. Нам надо взять с собой Циклопов, чтобы они расковали Гекатонхейров. Ну что ж, вперед, в раскалённое жерло земли!

Путь был не столь долог, сколько непривычно неудобен. Зевсу до сих пор многократно приходилось подниматься ввысь, в небеса, и это его нисколько не утомляло. А вот опускаться вниз, падать в неширокую пылающую бездну было для него необычно.

«Далековато спрятали Титаны пятидесятиголовых монстров», – подумал Зевс, когда Циклопы и Кронида оказались на дне пропасти. Циклопы Арг и Стерроп, прилагая усилия, отомкнули и растворили огромные ворота, и взору присутствующих открылась жуткая картина. Из темноты за вошедшими наблюдали сотни глаз. Казалось, темница заполнена множеством тварей, но это были всего лишь три могучих монстра. Огромные чудовища с телами, нагромождающимися друг на друга, и с руками, кишащими, как змеи, возвышались над Зевсом и Аидом, как скалы. Они то исчезали в тени пещеры, то выплывали в отблесках огнедышащей лавы. Зрелище жуткое.

– Знакомьтесь, – прозвучал голос Тартара. – Это несчастные Котт, Пис и Бриарей, низвергнутые Кроном.

Гекатонхейры в напряженном ожидании молчали, лишь слышалось их тяжелое дыхание.

– А это ваши племянники, – продолжал представлять Тартар, – сыновья Крона – Зевс, и Аид.

При имени Крона гиганты зашевелились. Напряжение нарастало. Тартар предупредил их возмущение:

– Выслушайте Зевса. Прежде чем встретиться с вами, он побывал у Геи и Урана.

Зевс выступил вперед:

– Приветствую вас, могучие Ураниды. Мы пришли к вам с низжайшим поклонением и великой просьбой – помочь нам в борьбе с титанами. Настала пора менять мироуклад, установленный Кроном. Титаны решили пойти на уничтожение Богов, лишь бы сохранить своё положение. Мы же с братьями против разрушений и гибели. Нам бы усмирить Крона и его сподвижников. Мы пришли к вам, чтобы расковать вас и ожидать вашей поддержки.

Гул одобрения вырвался из уст Гекатонхейров.

– Они готовы тебе помочь, – перевёл этот гул Тартар, – в обмен на свою просьбу, которую назовут позже.

– Я рад, что мы находим взаимопонимание, – обрадовался Зевс и подал Циклопам знак расковать трех могучих братьев.

Первым был освобожден Бриарей. Он подошел к Зевсу и Аиду, обнял их почти всей сотней рук и что-то восторженно прогудел.

– Он благодарит тебя, Зевс, – опять перевел этот восторг Тартар, – и говорит, что ты можешь им доверять.

Окончание в следующем номере.

Мадина МУЗАФАРОВА

“Тёплый ветер ласкает меня...”

Дверь

Стук в дверь.
Стучат воспоминанья.
Да не тихонечко — ломясь,
И словно к истине стремясь,
Сорвать с петель хотят желанья.

Дверь заперта.
Крепки засовы.
Не стоит сильно волноваться,
Но, может, надобно признаться,
Что держат прошлого оковы?

Сильнее стук.
Они не прекращают,
Пытаются сломать стальной замок,
Войти победным шагом на порог
И радость поражения предвкушают.

Дверь дребезжит.
Напор становится сильней.
И дверь как будто поддалась напору,
Но по неписанному уговору
Она не сдвинется с петель.

**Мадина
МУЗАФАРОВА**

родилась 20 августа 1980 года в Ташкенте. Там же окончила государственный юридический институт. Автор поэтических книг «Что хочет женщина» (2005); «Скрипка» (2007). Печаталась в коллективных поэтических сборниках стихов, газетах и журналах Узбекистана, а также публиковалась в зарубежных изданиях: журналах «Поэтов» (Россия, Москва, 2011), «РуЛит» (международная версия) (Россия, Уфа, 2010), в сетевом литературном журнале «Камертон» (Россия, Москва, 2010, 2011), литературно-художественном ежегоднике «Побережье» (США, Филадельфия, 2010), литературном журнале «Южная звезда» (Россия, Ставрополь, 2010), литературном сборнике «Отражение» (Россия, Санкт-Петербург, 2009), альманахе «Новый Енисейский литератор» (Россия, Красноярск, 2009, 2010, 2011), литературно-художественном журнале «Ренессанс» (Украина, Киев, 2009), литературно-философском интернет-журнале «Свиток» (Россия, 2009), русском литературном интернет-журнале «Молоко» (Москва, Россия, 2009), литературно-обозревательном интернет-журнале «Избушка» (Россия, 2009) и т.д.

В «Ниве» выступает впервые.

Стук смолк.
Устали в дверь ломиться.
Противника неверного избрали
И мощь свою в той битве потеряли,
Но натиска дверь больше не боится.

Вороны

Чёрных и чёрненьких воронов стая,
Мясом желудки свои набивая,
Грозно над городом кружит и кружит,
Воронов стая лишь ворону служит.

Чёрных и чёрненьких воронов стая,
Воронов белых к себе не пуская,
Кланом живёт, на чужих озираясь,
Воронов белых, как смерти пугаясь.

Воронов белых — раз, два и обчёлся.
Счёт чернокрылых — к тысячам свёлся.
Что же тогда чернокрылая стая
Белой боится, к себе не пуская?

Кобылка

Поводья кобылки своей отпустила,
Пускай погуляет по сочным полям,
Она, смехотворная, что учудила,
Свернула нарочно к осенним лесам.

Галопом несла меня через канавы,
Шурша под копытом опавшей листвой,
Ей рощи осенние, ветер, дубравы
Вослед наставляли вернуться домой.

Она, несмышлёная, мчалась всё глубже,
А я удержаться старалась в седле.
И вот уж не осень, а зимняя стужа,
Морозы лесные. Не быть бы беде.

Но, право, с кобылкой случилось ли чудо:
Притормозила стремительный бег,
Иль от усталости стало ей худо,
И подле деревьев разбила ночлег.

Костёр развела я из тоненьких прутьев,
С кобылкою чтобы не мёрзнуть в ночи,
И грелись вдвоём на лесном перепутье,
А где-то далёко кричали грачи.

Уверенным шагом утром спокойным
Кобылка моя повернула к полям,
Где сочные травы. Мы были довольны,
Что к тёплым своим возвращались краям.

Не зови меня, мама

Не зови меня, мама, домой,
Я сегодня в веселье и в горе
Окунуться хочу с головой.
Проиграла я в жизненном споре
И себя, и его, и весну,
Не усну до утра, не усну.

Не зови меня, мама. Одна
Я гуляю по тихому парку,
Мне отсюда звезда не видна
И не вижу лавровую арку.
На скамейке присяду пустой,
Не вернусь до утра я домой.

Не зови меня, мама, в тиши
Мне спокойно и так безопасно,
В той глуши бесприютной души
Кто-то любит и нежно, и страстно...
Тёплый ветер ласкает меня,
За собою неслышно маня.

Не зови меня, мама, домой,
Я сегодня безумно свободна:
Не ропщу и не спорю с судьбой,
Пусть всё будет как Богу угодно.
Я вернусь с видом новой зари,
Без вопросов мне дверь отвори.

Я встречу вас нежданно, нежданно,
Вдали от снов и снежной суеты.
Но станет вдруг и грустно, и забавно,
Что трудно обратиться к вам на *ты*.

А вы, сказав о главном, помолчите,
Забьётся сердце нежное сильней...
К нему меня вы молча отпустите,
Как я когда-то, отпустила к ней.

Альфа – омега

Альфа – омега, начало – конец,
Гимн разлучения близких сердец,
Мнимый заслон, чтоб пойти под венец,
Место, где прячется пули свинец.

Альфа – омега, начало – конец,
Строен, безлюден холодный дворец,
Окна и крыша, полы и торец,
Как ни старался ведомый борец.

Альфа – омега, начало – конец,
Славы искатель, тщеславный гордец,
С книгами жизни безмолвный гонец,
В поле морозном покоен боец.

Альфа – омега, начало – конец,
Тайны, сокрытые в светлый ларец,
Игры, где прячется ловкий делец:
Всё сопоставил разумный Творец.

Как обыденно, мелочно, глухо
Пробиваться сквозь тоненький лёд,
Как всё гладко, сверкающе сухо,
Как всё липко, как липовый мёд.

Как же чёрство чело человека
После льдинок летящих со льда.
Так уж было до этого века,
Так и чрез годы будет всегда.

Как рука, уносящая младость,
Подо льдом протекает вода.
Она вкусом как стылая радость,
А на запах свежа как беда.

Хоть и прорубь прорубит упорство,
Не отыщется в проруби вод,
Что несут за собою потворство,
Продлевая просящему год.

Продолжает уставшая радость
Пробиваться сквозь тоненький лёд,
Но уносится вечная младость
По течению старческих вод.

Орёл

На гору поднялся бескрылый орёл,
На тихой вершине среди облаков
Не слышал, как плачет уставший осёл,
Не видел и чёрных больших пауков.

Мечтал он летать вопреки, вопреки
Дразнящим словам и ленивым глазам.
Не шум полноводной бурлящей реки
Его подзывал к плодородным полям.

На гору поднялся и вниз не смотрел,
И словно бы крылья свои распустил,
Он так над землёю красиво парил!
С каким он бесстрашьем на камни летел...

Губы тихие, губы алые,
Мысли новые, мысли вялые,
Руки чистые, руки гладкие,
Чувства горькие, чувства сладкие.

Дни короткие, дни далёкие,
Очи сонные, очи робкие,
Ночи длинные, ночи хладные,
Мысли старые, мысли складные.

Губы алые, дни далёкие,
Ночи длинные, очи робкие,
Мысли старые, руки гладкие,
Мысли складные, чувства сладкие.

Неверность тех, кто славит верность,
Безверье тех, кто веру чтит.
Кому нужна святая ревность,
Когда не слышен стук копыт?

О, нрав, горячий и свободный –
Летящий ветер наугад.
А конь безродный и голодный
Вперёд несётся, как назад.

г. Ташкент.

Толен АБДИК

Таласбай

Рассказ

Когда времена меняются, злодеяния, совершённые при прежней системе власти, подвергаются критическому анализу. В смутные периоды истории сколько безвинных людей было осуждено, расстреляно, сколько имущества, скота было насильно изъято – масштабы материальных потерь ещё возможно посчитать. Не подлежат подсчёту лишь духовные потери. В мире не существует мерила или прибора, которым можно было бы соизмерить внутренние страдания человека. И твоя духовная сущность таится в тебе самом и как бы не является особо важной для окружающих. Впрочем, во все времена находились люди, жертвовавшие собой ради своих убеждений и веры.

В старинных поэмах и легендах о любви судьба героев, принесших себя в жертву, тесно связана со свободой непреклонного духа. Их безграничная вера в истинную любовь была растоптана. И только своей смертью они могли противостоять чудовищному злу и насилию.

Вероисповедание подобно любви. Невозможно посчитать, сколько людей испытывало духовные страдания во времена тоталитарной системы, когда тысячи мечетей было разгромлено и тысячи духовных лиц убито или сослано в Сибирь.

Хотя моя матушка Разия не знала наизусть сур из Корана, но она всю жизнь преклонялась одному Аллаху. Каждый день она просила Бога: «О Всевышний! Только Ты один надежда и опора моему единственному сыну!».

Наше детство совпало с расцветом атеизма. Учителя вторили нам, что вера в Бога – это удел невежества. Сама жизнь, даже сам воздух был пропитан идеологией атеизма. Мне было интересно наблюдать, как мать начинала пугаться, когда я прибежал к ней и внезапно выпаливал: «Матушка! А Бога-то нет!». Она вела себя так, будто ничего и не слышала и старалась выйти из дому. А я догонял её и кричал: «Матушка, а Бог ведь не существует!». Моя бедная мама менялась в лице, сердилась, но не смея ругать единственное чадо, с мольбой просила меня: «Дорогуша, скажи что-нибудь хорошее, доброе!». А другое говорить мне было не интересно. Мне, глупому мальчугану, было важно моё превосходство перед старшими, когда они не могли перечить или возразить мне по поводу существования Бога. Мы были несмышлёными сорванцами идеологической системы того времени. Нам внушили, что религия – это опиум для народа, правоверных людей мы считали неудобными. Но жизнь не всегда соответствовала нашим понятиям.

В нашем ауле жил почитаемый всеми мулла по имени Таласбай. Его длинная белая борода серебрилась и от него исходил лучезарный свет. Когда он читал молитву, нас поражал его пронзительный, завораживающий голос. Кстати, в нашем ауле был ещё один мулла по имени Мейрам. У него тоже был чудесный голос. По характеру он был эмоциональным и

активным человеком и не мог сидеть спокойно на одном месте. При чтении молитвы он покачивал головой из стороны в сторону, словно исповедовал Всевышнему свою неизлечимую душевную боль и печаль.

А звуки молитвы из уст Таласбая несли в себе торжество вечных ценностей, душевное умиротворение и благодать. Закрыв глаза, он погружался в прекрасный, неведомый нам мир, из которого не хотел выходить. Закончив суру, он безмолвно продолжал сидеть с закрытыми глазами. Для него чтение Корана являлось не просто религиозным обрядом, а смыслом всей его жизни. Сельчане считали, в голосе Таласбая есть волшебный, завораживающий звук. Не помню от кого, но позже я услышал о Таласбае вот такую интересную историю.

В смутные времена известный на всю округу мулла Таласбай попал под волну репрессии. Говорят, что в начале он отбывал срок в лагерях Казахстана, затем его депортировали на Колыму. Сколько лет он пробыл в ссылке, но в те годы сроки получали не малые – по 20-25 лет. Сам народ переживал тяжелые времена, а положение ссыльных было и того хуже. Днем осужденные работали в забое, расположенном в десяти километрах от лагеря, а с закатом солнца возвращались в лагерь. Надзиратель – жестокий тип, неугодных ему осужденных ставил на самые опасные участки забоя. Работящий, дисциплинированный Таласбай, благодаря силе и стойкости, особому гневу начальства не подвергался.

Как-то в забое произошла авария, и ссыльные возвращались раньше времени. В этот день они проходили мимо кладбища, где хоронили покойного. Несмотря на тяжелое, голодное время, народ не хотел забывать свои обычаи. Высокий мужчина в красной шапке, с проседью в бороде, распорядился процессом похорон: «Кто будет читать Коран, тому приготовьте садака!» Сердце Таласбая защемило, когда он услышал слова «читать Коран». Сколько лет он не слышал чтения молитв. Глубоко вздохнув, он осмелился подойти к надзирателю и с умоляюще попросил его:

– Дорогой, здесь провожают в последний путь покойного. Разрешите присутствовать на похоронах. Чуть погодя я догоню остальных...

Надзиратель был поглощён своими мыслями и даже не посмотрев на него, сказал:

– Ладно, не опаздывай.

Таласбай отделился от группы осуждённых и отправился на кладбище. Он расположился в сторонке от сидящих. Худощавый старик, вполголоса прочитав «Кулхуалла», взял положенный ему сверток. Это, видимо, был садака.

Вслед за ним молча читал другой старик. Слов молитвы не было слышно, шевелились только его губы, и никто не мог определить, что он читает. Ему тоже вручили свёрток. По окончании ритуала чтения молитвы мужчина в красной шапке обратился ко всем: «Кто ещё желает прочитать?», – и не дожидаясь ответа, отвернулся и поднял с земли верхнюю одежду. В это мгновенье Таласбай понял, что наступил момент исполнить свою давнюю мечту. Если он не использует эту возможность, то вряд ли такая удача улыбнется ему ещё раз. Почувствовав это, он рискнул и начал во весь голос читать суру «Иасин». Эту долгую, сложную по своему напеву и словам суру

сами муллы читали редко. Таласбай настолько соскучился по этой суре, что при первых же её строках у него потекли слёзы.

Закрыв глаза, он с таким воодушевлением и упоением читал аяты, что все встrepенулись. Его завораживающий голос становился всё сильнее и величественнее. Из его уст лились таинственные, особенные, будоражающие душу звуки. В эти чудодейственные звуки слились все человеческие страдания, потери, пожелания и мечты. Сквозь эти аяты каждый прочувствовал свою судьбу. Все смотрели на незнакомца с умиротворением и надеждой. Таласбай по привычке сидел с закрытыми глазами. Он пытался на миг забыть свои страдания, это мучительное существование. Ему не хотелось заканчивать суру.

Молитва теребила души родных покойного, которые молча проглатывали слезы. Так как по традиции мусульман, во время молитвы нельзя плакать в голос, чтобы не беречь душу покойного.

Каждому, кто был тогда рядом, вдруг открылась простая истина, что человек по божьей воле познает смысл жизни и служение Всевышнему является главным его предназначением.

Когда Таласбай закончил «Субыхан», все подняли вверх ладони. Таласбай, внезапно замочав, и обратился к старцу напротив:

– Как звали покойного?

– Исмайыл, – ответил тот неуверенным голосом. А как звали его отца?

– Иманбай, – ответил кто-то.

Таласбай раскрыв ладони, громко произнёс: «Эту молитву читаем за упокой души Исмаила, сына Иманбая. Пусть она найдет покой и смирение! И пусть Аллах дарует его потомкам мирную и праведную жизнь. А также эти суры посвящаем Пророку (мир ему и благословение) и сподвижникам, всем святым и мученикам, павшим на пути Господнем. О Всевышний Создатель, прости покойных за грехи их в мирской жизни, спаси души их от мучений и страданий! О Всевышний Аллах! Убереги ныне живущих от злодеяний и рабства, от тщеславия и лицемерия, от зависти и мести, от земных катастроф, от тысяч бед и невзгод!

Завершив молитву, Таласбай ладонями обвел лицо. Все, кто слушал его, притихли – они были глубоко потрясены.

– Светоч мой! Откуда ты родом? В нашем округе нет человека, который так проникновенно читает молитву, – с нескрываемым удивлением спросил его старец.

– Мы оказались здесь по воле судьбы, – ответил Таласбай, опустив глаза. – Пятый год пошёл как находжусь вдали от дома, от родной земли.

– Ты находишься в ссылке? – настороженно спросил старик.

Таласбай, не зная, что сказать, умолк. Немного погодя, прервал тишину:

– Да, старейшина. Мои прадеды были правоверными. Я тоже был муллой в мечети. Но с нами расправились таким образом, что мы оказались неугодными. Честно признаться, даже не знаю, где сейчас находится моя семья. По распоряжению власти оказался в столь отдаленных местах. Человек со многим смиряется. Но сердцу не дает покоя другое. Запрет на вероисповедание – вот что убивает душу. Иногда мне снится, как я сижу за

чтением Корана. А сегодня мне выпала такая возможность исполнить своё желание.

– И голос твой, и слова твои особенные. Видно, хороший ты человек. Слава Аллаху, что ниспослал тебя нам. А как тебя зовут, сынок?

– Таласбай.

Старик встал и, указав рукой, сказал:

– Вот наш аул. Мы просим тебя почтить наши поминки. Не можем тебя вот так просто отпустить. Обрато тебя проводят джигиты.

– Да, да. Наш аул совсем рядом, – поддержали старика другие.

– Для нас большая честь, что вы пришли на похороны, мы благодарны вам, что вы с нами почтили покойника. Вас пригласил Абекен, уважаемый старейшина нашего рода. Мы тоже будем признательны вам, если вы проедете с нами в наш аул и отведаете наши скромные приготовления! – сказал человек в красной шапке.

Как бы не торопился Таласбай, но не мог отказать и вместе со всеми отправился в аул. Хозяева дома с пониманием отнеслись к положению Таласбая и скоро накрыли дастархан. После трапезы все взоры вновь повернулись к гостю. Таласбай на этот раз читал суры из Корана более спокойно и сосредоточенно. Присутствующие с упоением слушали милые сердцу забытые интонации. Доселе аульчанам не доводилось слышать такого чудесного трепетного пения и испытывать такое блаженство души. Люди стали делиться охватившими их чувствами, бурно обсуждать между собой свои впечатления. Человек в шапке утихомирил их:

– Уважаемые сородичи, всем нам хорошо известен нрав этих надзирателей. Как бы не попасть под их гнев. Пусть наш Абекен благословит почтенного гостя, и мы с Богом проводим его.

Старец Абекен поднял свои худые и жилистые ладони:

– Дорогой мой! Ты находишься на истинном пути. Ты мне годишься в сыновья, поэтому даю тебе отцовское благословение! Пусть Всевышний примет твои молитвы, поддержит твои деяния и помыслы, да осветит твою праведную жизнь! Пусть Господь убережёт тебя от непредвиденных невзгод и потерь! Крепкого тебе здоровья и скорейшей встречи с родными и близкими. Аминь!

– Аминь! – вторили ему остальные.

Таласбая решил проводить человек в красной шапке. «Я поеду в сторону Тайсойгана, а вас оставлю по дороге», – сказал он Таласбаю. Они сели на лошадей и тронулись в путь. На краю аула их ждал мальчуган с привязанной козой. Сопровождающий Таласбая прихватил животное с собой. За беседой они и не заметили, как добрались до лагеря. Сопутник спешился и обратился к Таласбаю:

– Меня зовут Бейсенбай. Я тоже очень рад тому, что с вами познакомился. Желая вам быстрейшего возвращения домой. А это примите как милость божью, – и протянул ему веревку от связанной козы.

– О Боже, что мне с ней делать? Да нам в лагере и не положено... – отказывался Таласбай.

– Ничего. Таке, рядом с вами столько народу, пусть отведают мяса, заодно и помянут покойного, – сказав это, Бейсенбай сел на лошадь и

повёл за собой на поводу другую. – Прощайте уважаемые! – крикнул он, повернувшись напоследок.

Таласбай, оставшийся наедине с животным, почувствовал волнение и неловкость, но успокоив себя, повёл козу за верёвку в барак. Привязав козлёнка у входа, он зашёл внутрь и увидел, как начальник лагеря отдавал поручения дежурному. Таласбай подошёл к начальнику, но тот выразил недовольство:

– Ты обещал вернуться вовремя.

– Прошу прощения, гражданин начальник. Если разрешите, хочу вам показать кое-что...

Начальник посмотрел на него с подозрением.

– Не сердчайте, гражданин начальник, – стал успокаивать его Таласбай. – С вашего позволения я отправился на кладбище и присутствовал на похоронах. По просьбе местных жителей я прочитал молитву за упокой души. По традиции, тому, кто это сделает, определяют долю, которая называется «садака». Это животное и есть сакада. Доставил, чтобы разделить с вами этот дар.

– А нам что-то нужно делать? – с непониманием возмутился начальник, далёкий от народных традиций.

– Требуется только зарезать эту козу, – ответил Таласбай, сдерживая улыбку.

– Да что ты говоришь? – заулыбался подобревший начальник. – Это же трофей! Тебя и впредь стоит тебя отпускать в такие места.

Одному Богу ведомо, сколько времени не пробовали вкус мяса не только осужденные, но даже и надзиратели. Животное зарезали, и мясо отправили начальнику. Тот смягчился и передал часть в общую кухню. В тот вечер в бараке был настоящий праздник. Правверный Таласбай приобрёл уважение в лагере.

После окончания Великой Отечественной войны Таласбая реабилитировали. Он возвратился из ссылки и приступил к своему заветному делу, продолжал служить в мечети. Мы, неоперившиеся сорванцы того периода, не понимали, почему простой народ уважал и почитал муллу Таласбая, хотя нам всё время внушали, что религия – это опиум для народа...

Повзрослев, я уехал из аула и не часто получал известий из родного края. Позже слышал, что Таласбай умер от аппендицита. Говорят, что отказался от операции. «На всё воля божья. Наша судьба, все наши деяния, болезни и излечения по воле одного Всевышнего. Одному Создателю ведома моя жизнь!» – успокаивал он своих родных.

И со временем образ Таласбая сохранился в моей памяти как образ стойкого и честолобивого человека, правверного мусульманина, покорного раба божьего. Его возвышенный дух, убежденность и глубокая вера помогли ему выстоять в трагические годы геноцида и перегибов в политике. До конца своих дней он сохранил чистое сердце и трезвый ум, на которых лежала печать провидения.

Перевод Майры АЙЖАРЫКОВОЙ.

Новое имя

Динара ДЮСЕНБЕКОВА

Розовые тени

Мама

Большие окна старенькой больницы,
В них иногда поглядывает мать,
Её красивые и тонкие ресницы
От ожидания детей дрожат... Как знать,

Она одна осталась этим летом,
Он попрощался и ушёл совсем,
Оставив в памяти, как лучшее на свете
Свой гордый взгляд, не побеждён ничем.

И не болезнь, что мучит болью тело,
Ни взгляд насмешливый неумных снох,
Её не победят, и ей осталось дело —
В окно глядеть с обидой, видит бог...

Она жива теплом вчерашних дней,
А в новый день вбегут в палату дети!..
Ознобом по спине средь розовых теней
Его душа приходит на рассвете...

Перед 2001 годом

Зима...
Как же ты прекрасна!
Серебряную шкатулку
Открыла природа ясная.
Выходим мы на прогулку.

Вчера выли ветры, метели,
Налетели, всех одолели,
Пугая снегом и холодом
Теплее одеться велели.

**Динара
Султановна
ДЮСЕНБЕКОВА**

родилась 9 марта 1977 года в с. Зеренда Акмолинской области. Окончила Кокшетауский гуманитарно-экономический университет и юридический факультет Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва. Живёт в г. Есиль. Стихи начала писать в детские годы.

Публикуется впервые.

А завтра придёт Новый год,
Войдёт Новый год в новый дом,
И нет приятней забот,
В век следующий — идём!

Лист белой бумаги пред глазами твоими,
Словно в снежную степь окно.
Пытаюсь понять, что делает ныне
Тот, кому уже всё равно.

В окно погляжу — бело, словно лист,
Я в нём увижу родной силуэт?
А нужно ли это — глупая мысль,
Все отошло, ничего уже нет.

Как странно, нет боли, обиды и слёз,
И все мои чувства обычны,
Не стоит думать о жизни всерьёз,
Проблемы просты и привычны.

Разговор двоих не сложен,
Если нет в нём лишних слов,
То, что в жизни невозможно,
Станет явью в сонме снов.

Только пепел остаётся
От прожитых ранних лет,
Небо, звёзды, небо-солнце,
Это всё — мой белый свет.

Я живу вполне уверенно,
Внешне твёрд и точен шаг,
Есть лишь то, что сокровенно,
То, что чувствует душа.

Отцу

Ты учил меня жить всем невзгодам назло,
Так живу я сейчас и поныне,
Ты учил не сдаваться — пусть тяжело,
Расстаёмся навеки отныне.

Твоих рук тепло мне никак не забыть,
Твоих глаз красота незабвенна..
Остаюсь на земле просто жить и быть,
Продолженьем твоим наверно,
Как же это больно и тленно.

Осень

День, осенний день...
И солнце рыжее в осеннем небе.
Вчерашних встреч угмонившаяся тень
Мне вдруг напомнит о насущном хлебе...

И этот день пройдёт, как все прошли,
Запомнившись лишь ранним лёгким утром.
Как ожидание несбывшейся мечты —
О randevу на старом переулке...

А к вечеру под звёзды и луну,
Под серенады падающих листьев,
Укутавшись в осенний плед, усну,
И сон приснится мне о встрече с истиной.

Полномочный Художник

*... Наверное, всё-таки не зря мы большого мастера –
будь он поэтом, композитором, танцором –
называем Художником с большой буквы.
Для меня человек, ищущий Красоту,
жаждущий её, преданный ей и восхищающийся ею –
Художник, кто бы он ни был по профессии.*

Б. Каирбеков

Жизнь человека во многом определяется и структурируется благодаря личностям, которые встречаются на земном пути. Особое место в ряду моих соплеменников, которыми горжусь, занимает герой этой статьи.

Первая живая встреча с Бахытом Каирбековым – поэтом и писателем, режиссёром и переводчиком с казахского языка на русский – произошла в 2002 года в Риддере Восточно-Казахстанской области на Первом молодёжном информационном форуме «Кольцо Евразии».

Нельзя сказать, что Бахыт – человек закрытый и некоммуникабельный. Загадочность, задумчивость, предельная сдержанность и немногословность этого человека остаётся привлекательной для многих знающих его людей. Добрых десять лет нашего знакомства и проведённых вместе с ним творческих встреч с учёными, преподавателями, студенческой молодёжью и общественностью Москвы расширили границы моего мировидения, студентов РУДН и других московских вузов. Но до сих пор этот человек ассоциируется в моём сознании с «задумавшимся скифом», видимо, потому что целостность личности Бахыта и его творчество невозможно разделить, разложить и вложить в папочки и полочки.

В отдельных проявлениях современной казахстанской культуры¹ неординарный российский учёный с ризоматическим мышлением Мадина Тлостанова отмечает созидательный момент ре-экзистенции (re-existence)² – «воссоздание позитивных жизненных моделей, миров и самоощущения, преодолевающего несовершенство и несправедливость мира. Это импульс не отрицания, не разрушения, а именно созидания чего-то иного, идущего своим путём, снимающего противоречия мира и его восприятия человеком».

Со всей определённой сказанное относится к многогранному творчеству незападного и немейнстримовского (пост-)советского интеллектуала, свободного от культурных стереотипов, мимикрирующих моделей, медиа-образов, от ощущений колониальной ментальности и пребывания на обочине мировой культуры – поэта, переводчика, исследователя-учёного, режиссёра Бахыта Каирбекова. Его поэзия, проза и кино – это размышления о своей субъектности, роли, призвании, обязательствах. Его переводы – это точность, максимальное следование заложенному смыслу в оригинале; отсюда их ценность. Его научные работы (в т.ч. в научных журналах ВАК РФ) – образцы для молодых исследователей и учёных. Но не только для молодых. «К чему лукавить?». И некоторым «мститым учёным» со всеми званиями и степенями эти статьи следовало бы почтить. Хотя бы для того, чтобы при «ваянии» своей ясно ставить проблему, выявить нерешённые аспекты, предложить своё видение и решение проблемы в прозрачных формулировках. Невольно вспоминаются слова Олжаса Сулейменова о

¹ «Дневники» Мурата Ауэзова, творчество художника Сауле Сулейменовой.

² Ре-экзистенция (re-existence) – по терминологии колумбийского художника и культуролога Адольфо Альбана-Акинте.

том, что наукообразие не заменяет собой науку: «Платон и Аристотель писали ясно. Иные диссертации, посвящённые их трудам, прочесть возможно, но уразуметь их смысл так же трудно, как содержание этрусской «Книги мёртвых» на полотне, обмотанном вокруг мумии.

По природе своей общественные науки должны быть хотя бы понятны обществу, иначе они не выполняют своего назначения. Самые глубокие и тщательные исследования дисциплин, которые принято называть также мировоззренческими, обязаны быть научно-популярными. Популярность, то есть народность изложения, должна стать одним из главных критериев оценки значимости произведения гуманитарной науки».

Не могу сказать, как часто Бахыт задумывается о том, что он своим негромким и спокойным голосом со сцены или кафедры учит говорить в той форме, которой недостаёт в аудиториях современных вузов и шире – в современном социуме.

«В отличие от многих своих поэтических сверстников он (Бахыт) никогда не занимался стихотворной иллюстрацией эпохи, злобы дня. Ему с самого начала была чужда литературная конъюнктура, которой в прежние времена не только требовали от поэта, но на которую призывали равняться как на образец гражданственности.

Бахыт не такой поэт. Он дорожит чистотой своего призвания, душевным доверием читателя. Для него творчество – акт нравственного анализа и самовоспитания. Здесь поэт становится своеобразным бахсы – музыкантом, прорицателем, врачом и учителем. Потому что, если он не лжёт себе и другим, то буквы у него становятся семенами, творческие силы – дождём, сами стихи – как бы живыми людьми, а слово несёт «пророческую весть», – пишет Виктор Бадиков

Один из важных вопросов, обсуждаемых Мадиной Тлостановой и американским политологом Дженифер Сухланд, перефразировавшей вопрос живого классика постколониализма Гаятри Спивак³, звучит так: «Могут ли постсоциалистические субъекты говорить?».

Ответ Мадины: «Нет, к сожалению, всё ещё не можем, хотя ситуация быстро меняется. Во всяком случае, художники (словесные, визуальные) уже могут, хотя теоретики пока и отстают!».

Без воинствующего противостояния, без приевшегося и исчерпывающего свои возможности «академического жаргона», осознанно и достойно Бахыт говорит. (Не умеет петь с чужого голоса). Своим особым почерком поэта и режиссера он переключает нас с узкой этнической установки: «Вот какие мы!» на осмысление категории «Кто мы?». Такая «перезагрузка» способствует правильному восприятию установки представителей Европы и Мирового Севера на казахов: «Вот какие они!». Талант и способность говорить своим голосом, по всей видимости, только и может преодолеть ту эпистемологическую асимметрию, которая навязана миру европейской эстетикой XVIII-XX веков.

Вот слова Бахыта Каирбекова: «Пассионарная сила народов Казахстана пробуждается, и кто знает, как аукнутся в мировом океане подводные толчки этой неизвестной ещё нации?»

... Мир не знает ещё лица современного казаха, как не знает и лика его древней земли.

... Когда-то девственная земля номадов – страна Великих Трав – ты, моя родина, пережила насилие Целинного плуга, ядерное зачатие Семипалатинского полигона, жаркие смерчи Байконура и в этом, увы, не отстала от судеб Мира.

³ Гаятри Спивак – литературовед родом из Индии, профессор Колумбийского университета, Нью-Йорк, США. Вопрос: «Могут ли субалтерны говорить?».

... Мы в начале нового витка истории. Мы – это не только казахи и казахстанцы, мы – всё человечество. Здесь наши судьбы – едины в начале нового тысячелетия. А значит, лёгкое движение одного этноса может вызвать сотрясение во всей толще человечества. ...Нет малых народов и великих политиков... Казахский этнос, существующий в пространстве и времени, поневоле и всё же щедро и гостеприимно вобравший в себя многие культуры и народы, становится действующим лицом в театре Истории.

Перед нами страна нераскрытых возможностей, здоровых девственных сил.

... Эль – древнетюркское понятие, включающее в себя два неразрывных понятия – родина и народ.

Перед вами моё настоящее, а значит – будущее – Елимай – моя родина и мой народ.

Найдите её – она всегда была белым пятном на картах Европы.

В век компьютеризации и Интернета она обретает реальные очертания на карте Мира, но как много ещё воздастся ей великими учёными, поэтами и путешественниками и, конечно же, финансовыми гениями – по мере проникновения в её глубины – в тайны её земли и культуры.

Перед вами раскрытая ладонь казахской Степи, но надо уметь читать линии её Судьбы, прежде чем пророчить ей суровое будущее.

Читайте – она перед вами!».

«Я хочу обогреться у очага своей культуры», – пишет Бахыт. Создавая собственные принципы, вырастающие из соответствующей локальной истории, гео- и телесной политики знания, Бахыт созидает процесс чувственного (визуального, слухового) восприятия (эстетизис). Его понимание прекрасного и безобразного, добра и зла, правды и лжи связано с собственным пониманием природы эстетизиса, целей искусства и творчества, его онтологического, этического, экзистенциального и политического статуса. Этот процесс обогащает наш собственный опыт постижения окружающей действительности, примиряет сознание и душу, освобождает от комплексов неполноценности. Очевидно, поэтому современное молодое поколение, свободное от советской риторики, внутренне качественно свободнее старшего поколения и очень не однородное, легко говорит с Бахытом.

К сожалению, это далеко не всегда способны понять и принять идеологи и политиканы, пытающиеся формировать современную национальную эстетику, а затем подсовывать её в качестве нормативной. И, видимо, рано пока говорить о воплощении творческой мечты Бахыта-режиссёра создать свой фильм «Борат-2», который бы стал определённой бифуркационной точкой в визуально-слуховом восприятии казахов в мире.

Собственное переосмысление и переработка прочитанных и увиденных канонических (и не-) текстов – книг и фильмов позволяет Бахыту генерировать знание, а не транслировать и пассивно его передавать. Производя новые смыслы и новое знание, он способствует трансформации сознания внимающей ему аудитории. Бахыт – не «половецкий хан», расширявший свой территориальный императив посредством захвата чужих земель и народов. Художник Бахыт Каирбеков, влияя на сознание читателей, слушателей, зрителей, наращивает интеллектуальный императив. В этом он сходен с Народным поэтом Казахстана и признанным мастером художественного перевода, лауреатом Государственной премии имени Абая Гафу Каирбековым – отцом, но у Бахыта своя твёрдая поступь.

Свою книгу «Части целого» (Алматы, 1998) он начинает со слова «Отец», затем следует несколько ёмких и сдержанных предложений-зарисовок: «Я шёл к нему через его книги...».

Ниже: «Я был с ним на «вы».

Затем: «Мы шли друг к другу необычным, нелёгким путём. Не скажу, что лучшим, но, может быть, самым глубоким – через творчество. Потому как творчество есть духовное познание мира... Мы шли друг к другу не окольным путём – через стихи... Долгое время для многих я оставался по-прежнему «сыном Гафу». Люди воспринимали меня через призму отца, любовь к нему автоматически переносилась на меня. Многие увидят в этом лишь счастливое детство избалованного ребёнка. Я же из всех сил рвался из этой золотой клетки.

Сегодня в титрах своих фильмов я пишу – Бахыт Гафу. И я горжусь этим. Это было задолго до нынешних переименований на тюркский лад. И это совсем другое.

Отец ушёл из жизни, успев увидеть своё имя в новом качестве. И я знаю, что он был счастлив в ту минуту... Мне всегда было трудно отвечать на его жизнерадостный вопрос поутру:

– А что ты сделал сегодня?

Имелось в виду, конечно же, творчество – как дань своему времени... А я? Что я отвечу ему сегодня утром?».

У Бахыта Каирбекова есть что ответить Отцу, что сказать уходящему в историю и будущим поколениям, и современникам. Свидетельством тому является и книга «Мир Кочевья (домусульманские верования и обычаи казахов)». Думал ли автор в процессе создания этой книги о том, что за последние четверть тысячелетия одним из факторов казахского филогенеза являлся казахско-русский билингвизм, который существенно повлиял на трансформацию сознания этноса (во всяком случае, большей его части)? Но ценность книги (первой части) заключается в том, что, по крайней мере, для почти миллиона этнических российских казахов появилась возможность восстановить разорванную нить времён: посредством доминирующего языка узнать традиции и обычаи своего народа. «Почему нельзя проливать молоко на землю, нельзя наступать на порог дома, нельзя спрашивать: «Куда идёшь?». Ведь, произведение коренного ханта Еремея Айпина «Я слушаю землю» проникают в сознание и душу не только этнического ханта. Маленькому герою любопытно: почему нельзя шуметь вечером? Что означает хохот речной чайки? Кому на голову могут сесть птицы?»

«Когда мама случайно топором задела Землю, она быстро ровняла порез, закрывая его щепками и хвоей. Я вспомнил, что так же делал и отец, если его топор нечаянно соскальзывал на землю. И я спросил маму, что всё это значит. «Это рана на теле земли, – сказала мама. – Ни в коем случае нельзя оставлять раны. Больно Ей», – пишет Еремей Айпин.

Бахыт осуществляет связь между эпохами и разными поколениями, создавая задуманный 100-серийный цикл фильмов «9 территория мира». Правда, это известно по большей части в Москве. Грустной улыбкой сопровождается каждый раз мой «риторический ответ» на вопрос казахстанских студентов, приезжающих в московские вузы на стажировку: «А почему в наших вузах такого учебного киноматериала нет?». Возможно, причины кроются не только в чинушах от культуры и образования, но и в актуальном пушкинском: «Мы ленивы и не любопытны»? Но всё же склоняюсь больше к первой причине.

Все серии, а их 31, созданы с большой любовью к Девятой территории мира. Эта часть планеты перестаёт быть голой степью, неинтересной взгляду иностранцев. Для кропотливого исследователя и грамотного туриста «terra incognita»: подземная школа Учителя, исчезающий святой Султан-эпе, каменные шары Торыша, знойный период великого Кобзаря, родина казахского кюя, монастыри, ускользящие в лету, Кыры-Оба и многое другое становятся осязаемыми,

живыми объектами. С желанием воссоздать законоположения Ясы (Билик⁴), которыми руководствовались татаро-монголы в отношении православных церквей идёт режиссёр на развенчание стереотипов о «дикарях» и «варварах» в фильме «Андрей Рублёв» признанного классика кино Тарковского, на привлечение внимания к последствиям семипалатинского полигона, на раскрытие образов героев – наших современников...

Список историко-культурных открытий можно продолжать долго, так же долго можно обсуждать нравственную проблему: «свой – неправ», которая мощно обозначилась с появлением «Аз и Я».

В России на государственном уровне идут острые дискуссии о том, какие фильмы нужно показывать в школьном учебном процессе. А мы четыре года восполняем лагуну в школьном образовании фильмами Бахыта Каирбекова не только на вузовских занятиях по межкультурной коммуникации, но и факультативах, и творческих вечерах. Подумываем и о переводе на английский язык.

«Девятая территория мира», осмысленная с позиции сегодняшнего дня суверенного Казахстана, – это глубокое понимание невозможности адаптации страны к современным создающим процессам без скрупулёзного изучения и познания прошлого и настоящего своей родины, без позитивного наполнения национальной культуры.

Новые социумы, отмеченные вековой зависимостью, интеллектуальной несамостоятельностью, колониальностью мышления, могут освободиться от всего через саморефлексию, критическое переосмысление, деконструкцию национальных и имперских мифов. Фильмы Бахыта (в т.ч. последние, например, «Узелки памяти» и др.) – это, прежде всего, желание оставить последующему поколению реальную историю, какой горькой, а порой и постыдной она не была. И, безусловно, в этих фильмах происходит само-рефлексия и самокритика Бахыта, его собственный опыт критики европейских, и вторичных европейских, и «своих» «цивилизаторов».

Культура 9-й территории мира может оставаться в стороне от мировых социальных дебатов... Последующие поколения могут удивляться и справедливо винить предыдущие за упущенные возможности, коих в истории народа, проживающего на 9-ой территории мира, было немало... А Художник не может остановиться... Он продолжит путь с рассветом. И снова раньше всех, завернувшись в белые или ярко-разноцветно-калмыковские одежды, двинется в путь, но на мгновение-вечность раньше, чем мы...

– Куда?

– В настоящее-будущее – Елимай, чтобы Родина из белого пятна на картах «цивилизаторов» всех мастей превращалась в живую, пульсирующую многоцветьем красок и всевозможных полутонов.

Улданай БАХТИКИРЕЕВА,
доктор филологических наук

г. Москва.

⁴ Г.В. Вернадский в своей работе «О составе Великой Ясы Чингисхана» пишет о законоположениях Ясы: «Эти последние (изречения и законы Чингисхана) известны были под названием Билик (мудрость). См. книгу: Г.В. Вернадский. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. – М., 2005.

Владислав ВЛАДИМИРОВ

ОГЛЯНИСЬ НЕ В ДОСАДЕ

Ещё раз о том, что такое Целина

Из прошлого – близкого и далёкого

(Окончание. Начало в № № 1-6 за 2013 г.)

Спешите делать добрые дела

Каждый новый Казахстанский Миллиард крепко поднимал настроение Кунаеву. Понимая, что всё проходит, лишь книги остаются, Д.А. заболел и о книжной летописи Целины.

«Вот что, дорогие мои, индусы верно говорят: самый тупой карандаш лучше любой остро заточенной памяти», – неспроста напоминал он Имашеву, Абдрашитову и мне всякий раз, как только докладывал Брежневу о том, что Миллиард ЕСТЬ.

Мне говорил, не улыбаясь, но с добром: «Хороша у вас жизнь в Пис-с-Доме, – эта полуаббревиатура, обозначавшая Союз писателей, иными словами Пис(ательский) Дом ему ужасно нравилась и он произносил её с лёгким нажимом на звук «с», превращая его в шмелино-гудящее «з». – У вас не жизнь, а малина! Сплошные празднества да юбилеи!».

«Нет, почему? – возражал я. – Случаются и похороны. Точь-в-точь, как в партийно-советской жизни».

Он подтверждал странновато: «Да, конечно. Не живём, а – юбилеим да хороним. На то и жизнь».

Мне это надо было понимать так: где жизнь, там и смерть.

«А как же, дорогой мой, иначе? Жизнь и смерть – две неразлучные подружки. Они всегда рядом, в обнимку. И никуда тут не денешься. Ещё никому их не удавалось обмануть, – печально подтверждал он мою догадку, но тут же сбрасывал озабоченность прочь. – Вот разве вашему брату ничего не стоит. Послушать вас, так кругом, оказывается, сплошь одни Шекспирсы да Львы Толстые. Вот ты с Имашевым и Хакимом продумай, кого из этих Шекспиров в новый наш сборник включить. Запрягайте посмелее. Кто у нас в прошлый раз там фигурировал?».

Речь шла об очередной книге под названием «Казахстанский Миллиард» с соответствующим календарным индексом: «Казахстанский Миллиард – 76», «Казахстанский Миллиард – 1978» и так далее. Когда в 1981 году до Миллиарда не дотянули около 40 миллионов пудов, решили не отступать от сложившейся традиции, но сборник был назван несколько иначе – «Казахстанским караваем». А самый первый том из этого хлебного цикла вышел ещё в 1974 году.

Эти солидные по виду и по содержанию книги ныне стали раритетами. Они составлялись Абдрашитовым и мною с участием лучших художников-оформителей – графиков Альберта Гурьева и Геннадия Горелова,

мастеров документальной светописи (так в старину называли искусство фотографии) Юрия Яневского, Иосифа Будневича, Кайрата Мустафина, Энгельса Чиковани...

Находилась работа и ретушёрам. Они по указаниям цензуры умело переделывали на снимках, запечатлевших военных водителей, пилотки в лихие чубы и начисто выскабливали номера армейских и флотских грузовиков, занятых на перевозке зерна с токов на элеваторы. По мнению хранителей наших государственных и военных тайн, никому из зарубежных оппонентов не следовало было знать лишнего о могучем транспортном потенциале Советской Армии и Военно-Морского Флота и разного рода конкретностях, с этим связанных.

Вместе с кабинетными пахарями в сборниках выступали известные первоцелинники. В создании книжных «Миллиардов», считая это большой честью для себя (первая статья всегда была под именем Кунаева), охотно участвовали живые классики и видные писатели Габиден Мустафин, Дмитрий Снегин, Габит Мусрепов, Джубан Мулдагалиев, Сырбай Мауленов, Абдизамил Нурпеисов, Олжас Сулейменов, Азильхан Нуршаихов, Сейдахмет Бердикулов, Марфуга Айтхожина, Надежда Гарифуллина...

Сразу же после разговора с генсеком к Д.А. поступал срочный заказ из Москвы на большую статью в «Правде» о Миллиарде – подписанная им и переданная непосредственно в редакцию по телетайпу, она без какой-либо правки, от первого до последнего знака, немедленно ставилась в номер.

Собственные корреспонденты «Правды» тоже получали экземпляр машинописи, так сказать, на всякий пожарный случай. Но наша прямая связь с редакцией их очень устраивала: никакой согласовательской мороки и тем более ответственности.

А прямой эта связь стала после весьма курьёза с одним из собственных корреспондентов «Правды» по Казахстану, в недавнем прошлом работником аппарата ЦК.

Получив от меня полный машинописный текст статьи, завизированной Кунаевым, достопочтенный мой приятель вернулся к себе домой (корреспондентский пункт размещался у него на квартире) и не сразу стал передавать в Москву экстренный материал по своему телетайпу. А когда приступил уже и к этому, то родная редакция получила от него только несколько нормальных абзацев с первой страницы статьи. А дальше текст обрывался на полупhrазе и, как из рога изобилия, сыпались пыльные рассуждения самого журналиста, связанные с его коллегами по редакции, обильно перемежаемые лексикой самой убойной силы. Стало яснее ясно, что он здорово перебрал самого крепкого народного напитка.

Из Москвы срочно позвонил мне заведующий корреспондентской сетью «Правды» и, дабы не допустить опоздания или даже срыва публикации, я немедленно продублировал всю статью по телетайпу нашего ЦК.

На следующий день Кунаеву по моей убедительной просьбе пришлось отстаивать моего давнего знакомца перед главным редактором «Правды», который сам был далеко не безгрешен в активных общениях с Зелёным Змием. Но, к его чести, на ногах почти всегда стоял твёрдо. Однако бывая

в Алма-Ате и с перепою не учитывая тогдашнюю трёхчасовую разницу времени между Алма-Атой и Москвой, он обычно опаздывал на утренний авиарейс и улетал следующим, дневным, а то и вечерним, разумеется, не забыв на дорожку подкрепиться в особом депутатском буфетике аэропорта фужером-другим её родимой.

А сам жанр *миллиардной* статьи был совершенно особым.

Всякий раз следовало сказать примерно об одном и том же, но (вот задача-то!) никоим образом не повториться. Ни в одном абзаце, ни в одной фразе. Крайне важно было не обойти Брежнева и весь партийный ареопаг уважительно-благодарственным поклоном, а казахстанских целинников, каждый из наших хлебных регионов – похвальной конкретикой, не забыв и про нерешённые проблемы. И тут надо было с достоинством и чувством меры сделать так, чтобы в первом случае не впасть в какую-либо лесть, а во втором – причинить даже самую малую обиду казахстанским не-целинникам и не-хлебным областям.

Д.А. не был суеверным человеком, но любую заготовку статьи о Миллиарде, сотворённую заранее, считал дурной приметой и скверным предзнаменованиём.

Был убеждён: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь!».

Поэтому статья готовилась у него на глазах. Сначала составлялся общий план, выстраивалась композиция и уже далее шли по отдельным пунктам панорамы уборки, затем выкатывались постановочные вопросы и т.д. Короче, всякий раз работалось над материалом с предельным напряжением.

Но зато и статья получалась нетрафаретной.

Д.А. хорошо знал: её, подписанную им, будут читать с карандашом в руках не сотни и не десятки тысяч людей, причём не только казахстанцев.

Это знание не было абстрактным, поскольку после каждой публикации в «Правде» автора накрывал шквал массовых откликов со всевозможнейшими мыслями и предложениями, нередко самого фантастического характера, но, как правило, позитивного настроения. Чтo ни говори, а советский патриотизм никогда не был из разряда иллюзий и миражей.

После того как статья выходила, Д.А. выжидал интервал – нет ли проколов и ляпов?

Их не было.

Тогда он от всего сердца благодарил всех причастных к сотворению публикации, а заодно при этом вплотную интересовался – как подвигается составление и выход в свет нового сборника о Миллиарде.

Его сотворение тоже велось по принципу статьи для «Правды» – никаких предварительных заготовок. Всё делалось сразу, по свежим следам уборочной страды, и, честное слово, от этого книга никак не становилась хуже.

Имашев почтительно, однако вполне твёрдо заверял, правда, несколько опережая процесс сотворения и не посвящая Кунаева в излишние подробности: «Книга, Димаш Ахмедович, на выходе».

Д.А. принимал это как должное, благодарил нас за оперативность и уже до появления книги больше к этой теме не возвращался, зная, что тут его никто и ничто не подведёт.

Для нас же с Абдрашитовым настоящая работа только начиналась. Нельзя сказать, что была она адова, но и санаторной тоже не была, если учесть, что и других самых разных дел всегда находилось по горло и выше.

Всё, что шло к Кунаеву, неизбежно должно было не миновать кабинета Абдрашитова. Эта большая по всем своим параметрам комната, строго украшенная по стенам застеклёнными портретами классиков марксизма-ленинизма, всем своим антуражем напоминала кабинет секретаря ЦК, тем самым выдавая тайное желание её хозяина стать таковым.

Действительно, Хаким Шакирович, будь на одной должности, пришёл бы ей впору и даже более того. Его громадный комсомольско-партийный, профсоюзный, журналистский опыт плюс опыт фронтовых лет был никак не сравним ни с чьим, разве что только с опытом самого Димаша Ахмедовича. К тому же Абдрашитов (по крайней мере для меня, Снегина, Ларина и многих других) всегда оставался обаятельным человеком. Но только преклонные годы Х.Ш. не позволяли ему возвыситься на секретарский пост, к чему сам Абдрашитов, если накатывала на него полная, как он говаривал, *фронтальная откровенность*, относился вполне философски. Его обаятельность, впрочем, активно сосуществовала с его же строгостью. И это сразу же чувствовали все, кто приглашался к нему на главное совещание по предстоящей книге о Миллиарде. Великих дискуссий не возникало, но деловые споры были. В основе их лежали не шибко острые конфликты хорошего с лучшим. Тираж сборников о нашем Миллиарде, по тогдашним меркам, да ещё в сравнении с многомиллионными творениями Брежнева, был скромнен – по 20 тысяч экземпляров на каждый сборник. Но оформленные с блеском и посылаемые в дар кремлёвским богам, а также небожителям рангом поменее, они, на мой взгляд, делали своё дело: напоминали им о нуждах Целины и целинников, размягчали жёсткие и скупые номенклатурные сердца.

Само собой – обычно дар этот осенью подкреплялся прекрасно оформленной коробкой с краснощёким и ароматным семиреченским апортом, а по зиме – столь же заботливо упакованным набором из пары бутылок – чудесного казахстанского бальзама и марочного вина (иссыкского или капланбекского), но ничем более.

«Дёшево и сердито», – говаривал постпред Казахстана в Первопрестольной Сабит Хаирович Жаданов.

Три кило яблок обходилось резервному фонду Совмина республики в шесть рублей, а пара бутылок медалированного вина тогда стоила и того меньше.

У Жаданова лучше всех получалась эта деликатная миссия.

Правда, доводилось её выполнять и мне.

Трижды.

Это было, когда у Кунаева в союзном Политиздате выходили книги «Избранные речи и выступления» (1978), «Ленинская национальная политика КПСС – в действии» (1981) и «Советский Казахстан» (1982)».

Директор Политиздата Николай Васильевич Тропкин, симпатичный седой и кражистый старикан, выпускавший в своё время книги Бухарина и Троцкого, пришёл в восторг от казахстанских яблок.

Воскликнул, просяив от радости: «Вот это да! Громаднейшее спасибо! А то ведь Щербицкий-Украинский ничего лучшего не придумал, как прислать мне пять килограммов солёного свиного сала».

«Ну и ящик горилки 3-3-3 перцем в придачу?» – спросил я.

«Нет, горилки не было», – как показалось мне, несколько разочарованно молвил Тропкин.

Впрочем, самого Жаданова в ближайшем окружении Димаша Ахмедовича вовсе не называли постпредом (постоянным представителем), а всегда только – *послом*.

И сам Д.А. вкладывал в этот высокий титул своё неизменное уважение и обоснованную уверенность в том, что *посол* Казахстана в Москве, представляющий при Правительстве Союза ССР многообразные интересы громадной республики, выполнит её любое поручение компетентно и безо всяких осечек.

Так оно и было за все два десятилетия напряжённой работы Жаданова в Первопрестольной. Там он (по воле Кунаева) являлся одним из самых дипломатически одарённых посредников между Первым лицом Казахстана и советскими премьерами – сначала выдающимся государственным деятелем Алексеем Николаевичем Косыгиным, затем его сменщиками.

И прежде всего остального – буквально во всех больших и малых делах, связанных с Казахстанской Целиной.

Насколько знаю и помню, и Косыгин, и Кунаев любили Жаданова. Ещё юношей Сабит Хаирович весьма успешно окончил (в год ухода Сталина – 1953-й) престижный Московский государственный экономический институт. Затем по распределению добросовестно и увлечённо трудился в российской глубинке. Ни от каких дел, больших или малых, не отказывался. «Береги обнову снову, а честь смолоду», – эта поговорка стала девизом всей его жизни.

Вернувшись в родные края, был (с благословения Кунаева) определён по основной специальности старшим инженером-экономистом в отдел энергетики (электрификации и автоматизации народного хозяйства) республиканского Госплана. В преддверии ответственной комсомольской работы это стало тоже неплохой школой экономики и жизни.

Косыгин был прост, человечен, доступен, заботлив в семье. Любил спорт – лыжи и коньки зимой, летом – байдарка. Однажды (был без охраны) его лёгкая лодчонка перевернулась. Он долго пробыл под водой и в воде, что привело к обширному инфаркту. После выздоровления вышел на работу, но через полтора года снова слёг. 18 декабря 1980 года его не стало. Однако вовсе не увлечение байдаркой стоило Косыгину жизни, а незримый, но постоянный психологический барьер между ним и «рулевыми партии».

Отдав братской России самую значительную (календарную) часть своей жизни, Сабит Хаирович, как и все мы, с болью души и сердца воспринял сход СССР с исторической арены. При костоломном ставленнике

Горбачёва в Казахстане приснопамятном Колбине Сабит Хаирович оказался не нужен. Он мог бы вполне остаться в Первопрестольной, как это сделали многие из наших номенклатурных соотечественников, но предпочёл теперь уже навсегда возвратиться в родной Казахстан с единственным намерением – быть нужным именно здесь. Это вовсе не означает какой-либо перемены его чувств к России и её народам. Напротив, справедливо считает он, именно здесь, в Казахстане, он сможет и впредь принести немалую пользу нашей республике, её Целине и целинникам.

И это действительно так, что убедительно подтверждают его же недавно изданные книги «Зигзаги судьбы» и «Жизнь по второму кругу», написанные им собственноручно, без какой-либо благодетельной помощи т.н. литзаписчиков. Из этих книг, лишённых даже самой малой толики саморекламы, видно, что Сабит Хаирович всегда был одним из тех деятельных людей, которые не давали ржаветь безостановочному конвейеру добрых дел Кунаева.

А в любой год Казахстанского Миллиарда он, этот конвейер, вообще не знал устали.

Сразу же после успешного завершения хлебоуборки становилась намного интенсивней включённость Казахстана в международные дела. Все более или менее важные мероприятия внутренней жизни республики и страны с непосредственным участием Кунаева и его выступлениями на них тоже проводились в то время, когда эта уборка заканчивалась или же ещё не начиналась.

Все партийные пленумы, конференции, съезды проводились, как правило, в феврале или марте, всесоюзные кинофестивали и слёты, декады культуры и искусства братских республик, их юбилеи, наезды партийно-государственных делегаций зарубежных партий и стран, выезды самого Д.А. за границу, писательские съезды и конференции и т.д. и т.п. – весной, в начале лета или же осенью.

20 мая 1966 года состоялся Пятый съезд писателей Казахстана, на котором Кунаев выступил с речью, опубликованной потом под заголовком «Создавать произведения, достойные великой советской эпохи».

Там он говорил, а слушали его не только писатели Казахстана, но и гости съезда – литераторы из Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Киргизии, Молдавии, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Якутии, Армении, Азербайджана, Калмыкии, Татарии, Башкирии, Чечено-Ингушетии, Каракалпакии: «Благодарный труд целинников никогда не будет забыт нашим народом. Освоение Целины продолжается. Однако до сего времени у нас пока ещё нет произведений, глубоко и правдиво отображающих период освоения новых земель, героический труд дружной семьи целинников.

Мы далеки от мысли ставить вопрос утилитарно, отбрасывая специфику художественного творчества... Сущность социального заказа надо понимать, конечно, не прямолинейно, не примитивно... Но наша литература всегда была сильна тем, что на каждом этапе развития советского общества умела в лучших произведениях воссоздавать образы современников».

1 октября 1969 года в Алма-Ате состоялся представительный Международный симпозиум на тему «Ленин и национально-освободительное движение».

17 апреля 1970 года в честь 100-летия Ленина прошло торжественное заседание ЦК Компартии Казахстана и Верховного Совета Казахской ССР.

1 октября 1970 года Кунаев выступал с речью в Баку на 50-летию Азербайджанской ССР и Компартии Азербайджана.

29 ноября того же года его слушали в Ереване, тоже на торжественном заседании по сходному поводу.

А 13 декабря он был уже в Уругвае – выступал в Монтевидео на XX-м съезде тамошних коммунистов.

После 24 января 1971 его выступление в Риме опубликовала газета итальянских коммунистов «Унита».

А уже 24 февраля Д.А. зачитывал громадный отчётный доклад ЦК XIII-му съезду Компартии Казахстана.

14 мая 1971 года Кунаев вылетел в Грузию, чтобы успеть прилететь оттуда на комсомольский пленум в Алма-Ату, а после хлебоуборки по просьбе Брежнева держать путь в далёкий индийский город Кочин, где 4 октября 1971 года открылся IX-й съезд Компартии Индии...

Да, безостановочен был и этот конвейер.

Но опять-таки вот что было главным.

В каждом из своих выступлений, где и когда бы они ни были, Д.А. особый раздел всегда отводил для Целины, для её нужд и проблем. Целинники это хорошо знали и загодя по самым разным каналам связывались с нами, откровенно делились всем, что было хорошего и скверного, поэтому общение Кунаева с Целиной никогда не было односторонним, игрой в одни ворота.

О Целине он постоянно вспоминал и в беседах с нередко навещавшими его в Алма-Ате видными партийно-государственными деятелями стран *ближнего и дальнего зарубежья* (впрочем, тогда такого термина и в помине не было), целыми делегациями политиков, писателей, артистов, художников и т.д.

Как-то по очередной урожайной осени в беседе с группой посетивших его японских магнатов-журналистов Д.А. сказал, что теперь уже вполне можно считать Казахстанский Миллиард не удачным эпизодом, счастливой лотерейной случайностью и не даром небес, а плановой закономерностью.

Этих магнатов Кунаева по ВЧ-связи попросил принять Косыгин.

Я слышал, как обратился к нему Д.А.: «Алексей Николаевич, дорогой! Очень прошу тебя, сделай так, чтобы эти гости, чёрт бы их побрал, не задавали мне вопросов по Китаю!».

Косыгин обещал.

Когда магнаты расположились перед Кунаевым за длинным столом, на котором было выставлено угощение из свежих соков, богатырски крупных яблок и винограда, чаю и минеральной воды, местных шоколадных конфет-ассорти, сдобных печенюшек, главный магнат, после взаимных

приветствий и персонального представления каждого визитёра, с удовольствием отведал всего понемногу и задал первый вопрос: «А что может сказать уважаемый господин Кунаев об отношениях между Советским Союзом и Китаем, а также о нынешней ситуации на вашей границе с Китаем? Возможны ли новые кровавые столкновения, как это было на Даманском и у вас в Казахстане – в Жаланашколе?».

Д.А., моментально сделав вид, будто давным-давно, ещё с позапрошлого года и даже раньше, ожидал именно этот вопрос, ответил на него спокойно и обстоятельно, в литых формулировках МИДа СССР. Но про пограничные бои с китайцами на Даманском и Жаланашколе не сказал ни слова.

Беседовали долго.

На прощанье гости оставили в подарок Кунаеву дорогой (по нашим тогдашним понятиям) транзистор и попросили сначала показать на огромном глобусе в юго-западном углу просторного кабинета Кунаева, где эта самая чудодейственная Казахстанская Целина, а потом и остановили его возле этого глобуса, чтобы сфотографировать на его фоне.

Снимок, надо сказать, получился отменно-впечатляющим.

И появился он – понятно, с какими комментариями – в крупнейшего тиража газете, которой владел самый главный японский визитёр. Но не особенно-то они, эти, скажем так, надуманные комментарии (Кунаев, мол, чуть ли не о мировом господстве мечтает) удручили Д.А., когда увидел он себя в этом издании. Однако заметил, что в следующий раз будет поосмотрительней: «Этим каскырам (волкам) палец в рот не клади – всю пятерню отхватят».

В любую урожайную осень (после уборки) Д.А. подолгу принимал у себя театрального режиссёра Мамбетова, писателя Есенберлина, часто встречался со Снегиным. Интересовался творчеством литераторов Сулейменова, Муратбекова, Лемберга, виолончелиста Гусева, дирижёра Абдрашева, художников Мамбеева, Тельжанова, Исмаиловой, Квачко, композиторов Рахмадиева, Жубановой, Молодова...

С моей подачи охотно помог с квартирой просторовцу Петрову, журналисту Усачёву, редактору молодёжного издательства «Жалын» («Пламя») Есиркемисовой, корреспонденту союзной газеты «Сельская жизнь» Крилицкому... С моей же подачи сказал, чтобы на могиле писателя Шухова установили приличное надгробие. Обещал «ГАЗ-24» для «Молодого балета Алма-Аты», не забыв спросить: «Как люди покупают машины при месячной зарплате в сто рублей?». Распорядился, чтобы не ставили палки в колёса изданию в Алма-Ате книги бывшего корреспондента ТАСС в Афинах Гусева о национальном герое греческого народа Белояннисе. В Грузии, откуда Гусев родом, автору намекали на взятку, а в Москве написавшим заключение коротко и ясно: «Несвоевременно!» – был Суслов.

Дуйсетай Бекежанов едва успевал докладывать Д.А. о страстных соискателях депутатских чинов и новых должностей. Эта нахальная и пробивная публика никогда не знала ни меры, ни усталости. Из каждых десяти обращений девять были шкурные просьбы.

Хлопотным, но для международного веса Казахстана не лишним Кунаев считал проведение всякого рода международных форумов, в том числе Конференции ВОЗ – Всемирной организации здравоохранения с участием 140 стран. Для всех делегатов и гостей в ресторане высотной гостиницы «Казахстан» был устроен небывало-роскошный банкет, который запомнился всем, наверное, больше, чем сама конференция с выступлениями на ней североамериканского сенатора Эдварда Кеннеди и министра здравоохранения СССР Петровского.

По связи с этим форумом Димаш Ахмедович дал указание: «Добавлять в эти дни в магазины никаких продуктов не надо, а то скажут – Кунаев занимается очковтирательством».

Информацию в Политбюро ЦК КПСС об успешном проведении этой конференции подписывал с удовольствием: «А ведь не зря мы вовремя построили Дворец имени Ленина! Есть теперь где людей даже со всего мира собрать. Так что напрасно на меня кое-кто строчил докладные в Москву. Начёты начётами, безгрешных, наверное, нет, а дворец стоит и стоять будет».

И подписав бумагу, отдал мне на память ещё одну авторучку. – на этот раз перьевой «Parker».

Была у него, как я уже говорил, и такая манера поощрения.

В конце первой декады октября 1978 года второй секретарь ЦК (тогда – Коркин) провёл совещание по открытию бронзового бюста Кунаева в Алма-Ате. Скульптор Толик Досмагамбетов (с ним когда-то в юности по молодёжным вечерам иногда хаживали) тут хорошо потрудился. Бюст решили открыть 11 числа в 4 часа дня. Неподалёку от домов, в которых проживали Кунаев и Снегин, в симпатичном сквере возле пересечения улиц Тулебаева и Кирова (ныне Толе-би).

Так что, выходя поутру на службу, Д.А. мог бы вполне, обернувшись направо (к востоку), видеть своё бронзовое «эго» («я»). А такое обыкновение (ходить пешком на работу) он практиковал, особенно летом, когда жил на прежней квартире в самом обычном доме на углу той же улицы Кирова и Коммунистического проспекта (в верненские времена называемого Старокладбищенской улицей, переименованной потом в проспект Сталина). Шёл в сопровождении Петра Павловича Кравчука, позже – Алексея Павловича Краевского. Анатолий Иванович Горяйнов в той квартире Кунаева так и не побывал, поскольку Димаш Ахмедович уступил её старейшему казахскому писателю (в прошлом шахтёру) Альжаппару Абишеву, не прощая, однако, что тот с прибытием в Казахстан Колбина опозорит свои седины своим пресмыкательством перед этим партолигофреном, за что его (Абишева) дружно осудят его же коллеги из Союза писателей.

Задания по торжественному открытию бюста получили Саттар Нурмашевич Имашев, секретари Алма-Атинских обкома и горкома Кенес Мустаханович Аухадиев и Пётр Иванович Ерпилов. Имашев настоял, чтобы по телевидению передачи не было. Ни по республиканскому, ни по союзному. Таким образом, хронический доглядчик со Старой площади за нашим Первым Константин Устинович Черненко был начисто лишён возможности уличить Д.А. в нескромности или ещё в чём-то подобном.

Д.А. открытия дожидаться не стал – улетел в отпуск с Зухрой Шариповой к морю, взяв курс на Пицунду.

Помню, как перед отлётом Кунаева крепко разругал это прежде райское место отдыха: «Раньше Чёрное море там действительно было самым синим в мире, а сейчас глянешь за борт, а там в воде презервативы вместо медуз плавают».

Не забыл надавать мне заданий разной степени сложности, но в общем-то не шибко обременительных, и вдруг заботливо поинтересовался, не желаю ли и я разделить с ним досуг в Пицунде.

Такого желания у меня не было, о чём я и сказал откровенно.

Да и всяческих неотложных дел, как всегда, набиралось изрядно.

В Алма-Ате открывалось новое республиканское издательство «Онер» («Искусство»). А посему известный наш писатель Морис Давидович Симашко (Шамис) сразу же передал для руководства своё письмо с пожеланием издать там книгу своих избранных произведений.

Надобно было уладить и это.

А ещё немало удивил Морис Давидович своим строго конфиденциальным письменным предложением отправить его в длительную командировку (за госсчёт) в Израиль с тем, чтобы он там активно поспособствовал изнутри подорвать тамошний и международный сионизм.

Надобно было загасить новые атаки на писателя Щеголихина, некогда по курсантской нелепости загремевшего в края не столь отдалённые. Уже давным-давно Щеголихин отмылся от этого греха, но безустальные блюстители нравственности продолжали его третировать.

«Почему они от него не отстают? Говорят даже, что он в плену был. Добровольно сдался. Чушь собачья», – недоумевал Кунаев.

«Со слов Шманова, плен Щеголихину выдумал фронтовик Макеев», – сказал я.

Глава республиканского общества «Знание», давний друг Снегина и Ларина, Шманов долгие годы работал в ЦК, обладал репутацией умницы, таковым был на самом деле. Ему Д.А. верил всегда на слово, и не было случая, когда Ануарбек Нажмеденович поступился бы в чём-либо правдой.

«Но даже если бы и был Щеголихин в плену, то сколько лет прошло? Вон, поэт Степан Щипачёв, говорят, служил у Колчака. Так что, теперь его стихи от этого хуже стали? А наш пушкинист, этот самый почти столетний старикан...».

«... Раевский Николай Алексеевич...».

«Да, Николай Алексеевич. Так этот Николай Алексеевич у барона Врангеля артиллеристом был и по красным, надо полагать, стрелял не холостыми».

«А он и не скрывает ничего. И Щеголихин тоже не таится».

«Вот-вот. Прежде всего – честность. А потом и талант. Ведь мы же Щеголихину помогаем, дали квартиру. Секрета из этого нет. Все знают. Книжки у него не антисоветские. А про Целину так и вовсе неплохо. «Снега метельные», так кажется?».

«Да, так, – подтвердил я, – Спектакль в Русском академическом театре идёт по этой повести».

«Вот видишь! Значит, завидуют», – сказал Д.А.

«Не только завидуют».

«А что же ещё?».

«А ещё, Димаш Ахмедович, тут «сумма прописью» многое значит. Если только не самое главное».

«Это как понять – «сумма прописью»?»

«Да так и понять. Бухгалтерия. Гонорар за книгу. Конкуренция! Чтобы попасть в тематический план, отца родного не пожалеют, не то что Щеголихина. Попасть в план – значит, издать книгу, а потом получить за неё деньги. Не попасть – значит, не издать и остаться с носом. Кому хочется? А тут Щеголихин со своими рукописями. Большой конкурент!».

«Вот оно как! Значит, люди гибнут за металл? Ты от моего имени передай Имашеву, чтобы немедленно кончали с этой вознёй вокруг Щеголихина... Теперь скажи мне в двух словах – как чехи? Как депутатство Хакима? Как Симашко? Соловьёв твой как? Ларин?... » – обо всех и обо всём помнил Д.А., и мне, разумеется, нельзя было отрываться общими фразами – никаких *приблизительно* он никогда не признавал.

В Алма-Ате тогда проходили Дни Социалистической Чехословакии (потом, незадолго до государственного развода, стали писать через дефис: Чехо-Словакия). Абдрашитов (как депутат Верховного Совета Казахской ССР) встречался в Доме культуре строителей на улице Ауэзова и проводить Д.А. не смог, но просил меня *отгладить* свой депутатский отчёт, хотя мог и сам вполне справиться с этой несложной операцией.

Гостившему у нас дома брату моей жены, ленинградскому журналисту-телевизионнику и композитору Владиславу Георгиевичу Соловьёву (но не Седому – его шутка) надо было достать авиабилет на Питер, но бронь в ЦК выдавала Пиковая Дама. Эта старая карга хорошо запомнила, как в 1968 году мы вместе с Григорием Ивановичем Денисенко – другим заместителем главного редактора только что тогда сформированной газеты «Вечерняя Алма-Ата» Ларина (по его велению, о чём Пиковая Дама не ведала) уволили из штата газеты её юную, но абсолютно бездарную в журналистике племянницу вместе ещё с десятком таких же особей, натолканных в «Вечернюю Алма-Ату» по влиятельным телефонным звонкам.

Самому-то Ларину хоть бы хны, а на нас с Денисенко потом обрушились все шишки и гнев номенклатурной родни уволенных. Ларин искренне благодарил нас за избавление газеты от чудовищного балласта. Но карга твёрдо помнила обиду до самого скончания своего служебного века в ЦК, и потому я всякий раз вынужден был добывать авиабилетную бронь круглым путём. Просьб же об авиабилетах каждый Божий день поступало немало. Тогда при их (потрясающей ныне) символической стоимости Аэрофлотом летали все, кому не лень.

В молодёжную газету «Ленинская смена» через её сотрудницу Ларису Петровну Лукину надо было дать ко дню рождения Дмитрия Фёдоровича Снегина мой материал о нём.

Д.А. увидел её издали, большеглазую и статную, потом как-то улучил момент и выразительно поднял большой палец: «О-о! В моё времячко даже у меня такой пассивности не было!».

Отправились с Д.А. в Пицунду Бекежанов и Горяйнов.

Обратно в Алма-Ату они прилетели 29 октября. 30-го Кунаев поздравил меня с хорошей рецензией на мой роман из трёх повестей «Закон Бернулли» в журнале «Дружба народов», опубликованной, конечно же, с подачи Леонида Арамовича Теракопяна, первого заместителя главного редактора Сергея Алексеевича Баруздина, с которыми мы всегда были очень дружны.

31 октября Д.А. доставили десять авторских экземпляров вышедшего в Политиздате тома «Избранные речи и статьи».

Первым делом автор поинтересовался: «Сколько у меня там страниц?».

«А у Щербицкого?».

Ответ был наготове: «623».

«Ла-адно. Для тебя как написать?» – взял импортный фломастер и на титуле тома рядом со своим официальным фотопортретом размашисто начертил: «Владислав Васильевичу!

За самое активное участие в издании этой книги...».

«В Нурек ещё надо бы послать...».

«А что в Нуреке? Ах, да! Писатель Баруздин Библиотеку журнала «Дружба народов» основал. Все шлют, и мы пошлём! Это же Таджикистан, не так ли?.. А редактором книги, говоришь, женщина была? Ты её осчастливил? Нет? Что-то непохоже. Старая? Жаль-жаль...» – когда он был в настроении, готов был поварьировать и мотивы пушкинской негленной «Гавриилиады».

2 ноября 1979 года все главные республиканские газеты в честь окончательно свершившегося нового Казахстанского Миллиарда вышли в красном цвете.

В Первой приёмной нельзя было протолкнуться от массы нахлынувших поздравляльщиков, жаждущих выразить Кунаеву, а заодно и его самому ближайшему окружению, самые наилучшие пожелания.

Авторские экземпляры своего политиздатовского тома Кунаев раздал быстро.

Вскоре подоспел и тираж.

Через Управление делами закупили книгу впрок. Спрос на неё обнаружился. Отказу никому не было. Высылали всем.

Один экземпляр Д.А. подписал Николаю Ефимовичу Бабкину, который ещё в 1942 году вывел Кунаева на высокую орбиту, взяв в республиканский Совнарком.

Отвозил книгу Бабкину Гена Красиков, один из охранников Д.А.

«Старик бедный, еле дышит. Бел, как бумага. Только головой мотает. Скоро умрёт», – сказал Красиков после.

Прогноз сбывся.

До похвальных статей и рецензий на свою книгу в «Правде» и центральных журналах Д.А. нет-нет да и предполагал: «Мы вместе с тобой из партии вылетим – ответим за книгу!».

Не угадывал тут Д.А.

Силы небесные взнесли книгу в разряд вершинных. Особенно выделялись страницы о Целине. В братских и полубратских странах к книге тоже появился пристальный интерес.

«Езжай-ка в Германию! А хочешь – в Йемен или Болгарию?» – спрашивал Д.А., посматривая на очередной запрос на книгу, на что я отвечал: там с её переводом и тиражированием без меня справятся, да к тому же ещё с журналистских своих времён я по свету немало покругил.

«Правильно! – соглашался Д.А. – Дома лучше!».

Последовавший вскоре его сверхдальний вояж в Северную Корею к маршалу Ким Ир Сену (свидетельствую: 1000 и одна ночь!) укрепил Д.А. в желании издать ещё и ненаписанный сборник путевых эссе.

«Вот задачка-то, святой Владислав! А? Я же в каких только странах не был! В Англии, в Уругвае, в Соединённых Штатах, в Индии – с тобой и без тебя, в Италии, в Чехословакии... в Китае месяц лекции читал о советской науке, встречался с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем... – загибал он по очереди сильные и оттренированные ещё с молодости горняцкой работой и спортивными лыжами пальцы, их не хватало. – Кажется, в 17-ти странах!».

«Не были только в Австралии и на Шпицбергене».

«А ты был?».

«Нет. Но одна знакомая на Шпицбергене была».

«О-о! Bravo! Опять – знакомая!».

Потом снова охватывали мысли о сборнике.

«Кропотливая работа! Поможешь, конечно?».

«Для Вас всё сделаю, Димаш Ахмедович!».

«Спасибо», – говорил он почти растроганно и как бы вскользь замечал, что, разбирая свои архивы, сжёг много газет, обнаружил варианты своей докторской диссертации.

Их оказалось семь.

На основе этой диссертации вышли в свет его книги «Буро-взрывные работы на Коунрадском руднике», «Развитие открытых горных работ в Казахстане», «Разработка Коунрадского месторождения медных руд», «Совершенствование технологии горных работ на карьерах Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината».

А вообще научно-производственных трудов у него вышло в свет более ста. Однако несколько важных работ остались неопубликованными. В том числе по актуальной проблематике Зыряновского, Миргалимсайского, Бошекульского месторождений полезных ископаемых.

Когда в академической серии «Материалы к библиографии учёных Казахстана» в республиканском издательстве «Пылым» («Наука») готовился выпуск и о Кунаеве, Абдрашитов предложил опустить этот момент.

«Не надо ничего опускать. Пусть останется так, как есть. Но только добавь адрес. Все эти и другие неопубликованные работы находятся в фондах института горного дела нашей Академии наук. Кто там сказал, что рукописи не горят? Кажется, Михаил Булгаков? А вы знаете, что Сталин его пьесу «Дни Турбиных» смотрел множество раз? Это мне Микоян рассказывал. В антракте Сталин и его соратники поедали специально

сваренные для них вкрутую куриные яйца, уже очищенные. Ну Вождь, понятно, ещё трубку свою знаменитую курил...».

Сказал, помолчал, а затем поинтересовался у Абдрашитова и меня: «Вот вы оба люди вроде как учёные. И я вместе с вами тоже. А наше издательство называется «Гылым». Стало быть, слово «гылыматья» отсюда происходит?».

И сам засмеялся первым своей шутке.

Очень помогала ему в работе над диссертацией редактор.

У неё была знаменитая фамилия – Суворова.

Пришло время, и Димаш Ахмедович тоже помог ей.

Узнал, что та бедствует с квартирой. В аккурат управляющий делами ЦК Статенин переезжал в новую квартиру меньшей площади.

«Как у тебя, в прежней хате полный порядок – жить можно?» – спросил Кунаев.

«Можно. Всё там чин по чину», – был ответ.

Тогда Кунаев подсказал Статенину, чтобы его прежнюю квартиру отдали Суворовой.

Так и было сделано.

«Спешите делать добрые дела!» – этими словами нередко заканчивал Д.А. свои неформальные «летучки» в Алма-Ате и любом другом месте Казахстана.

Чего хотел Андропов

В пятницу, 19 ноября 1982 года в новом здании ЦК Компартии Казахстана, воздвигнутом в предгорье южной части Алма-Аты, снимали и отправили на склад все портреты Леонида Ильича Брежнева. К среде, 24 ноября, стало известно: все брежневские помощники, кроме Александрова-Агентова, переведены в группу обычных консультантов при Секретариате ЦК КПСС. Новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов хорошо знал их способности и ему хотелось начинать свою работу в новом качестве со своими людьми.

С Андроповым у Д.А. дружба была давнее ещё с той поры, когда вместе с Хрущёвым ездили к Георгию-Дежу, где Никита Сергеевич напоследок поучал румын – кукурузников от рождения – как возделывать кукурузу.

Поэтому никакого душевного дискомфорта при очередной смене рулевых партии Д.А. не испытал. После похорон Брежнева (а были мы там вместе) Д.А. вернулся домой с очень ровным настроением.

С явлением Андропова на пост № 1 люди как-то сразу подтянулись.

Одной рукой многопытный Юрий Владимирович сразу же сделал поблажку всегда охочему до её родимой многомиллионному гегемону (рабочему классу и его аграрному отряду), запустив в производство менделеевский напиток крепостью в 40 градусов, ценою в 3 руб. 62 коп. за поллитровую бутылку, а другой рукой благословив довольно жёсткие инструкции по укреплению трудовой дисциплины везде и повсюду, наведению строгого порядка в службе быта, на предприятиях общественного питания и т.п.

Водку в советском народе немедленно прозвали *андроповкой* или *коленвалом*, потому что буквы на этикетке прыгали, как в цирке, одна над другой, но в целом трудовая масса растолмачивала их благожелательно: *(ВО)(Д)обрый(К)акой(А)ндропов!*

К грянувшим было по всей необъятной советской стране рейдам дружинников (при поддержке правоохранительных органов) по баням и универсамам в рабочее время с целью отлова бездельников, использующих служебное время сугубо в своих интересах, народ отнёсся очень иронически, ибо толку от этих рейдов было не больше, чем с козла молока. Большинство же патентованных бездельников предпочитало бить баклуши у себя по кабинетам и цехам, но не в пивных парках культуры и отдыха (по всей стране почему-то имени великого пролетарского писателя Горького) или банях – так было безопаснее. А то, что поднявшаяся волна экстренной борьбы за чрезвычайное уплотнение рабочего времени непременно схлынет, ни у кого сомнений не вызывало. В Казахстане же эта волна, слава Аллаху и Кунаеву, выше нескольких облав, устроенных не в меру ретивыми райкомовцами в столичных кинотеатрах, не поднималась.

Если при Хрущёве и Брежневле сокровищница теоретической мысли и практического действия пополнилась, скажем, таким бесценным понятием, как *развитой (зрелый) социализм*, то Андропов (с помощью своих философов и политологов, и среди них не в последнюю очередь питомца казахстанской школы *диалектической логики* доктора наук Льва Константиновича Науменко) немедленно выдвинул парадигму *социалистической цивилизованности*.

Выступая на июньском (1983) Пленуме ЦК КПСС, Ю.В. растолковывал её так: «Тут и постоянный рост сознательности и культуры людей, включая культуру быта и поведения, и то, что я бы назвал культурой разумного потребления. Тут и образцовый общественный порядок, и здоровое, рациональное питание, тут и высокое качество обслуживания населения. Тут и полноценное с нравственно-эстетической точки зрения использование свободного времени. Словом, всё то, что в совокупности достойно именоваться *социалистической цивилизованностью*».

Памятуя о том, что классовый оппонент в непривлекательном образе мирового империализма не собирается отказываться от своих злостных намерений скомпрометировать, ослабить, а затем и развалить мировой социализм и всеми силами стремится наращивать свои действия в этом направлении, Андропов выдвинул положение об активизации наших недругов в ведении ими *психологической войны*.

Но вместе с тем он же самолично выставил ряд новых и совершенно реальных, ясных, неотразимых инициатив и предложений по прекращению гонки вооружений и всестороннему развитию позитивного международного сотрудничества, очаровав тем самым тогдашних генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра, генерального директора ЮНЕСКО Амаду Махтара Мбоу, президента Всемирного совета мира Ромеша Чандру, премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер, федерального канцлера Западной Германии Гельмута Коля и многих других столпов мировой политики.

Да, в идеологической сфере и всей жизни, безусловно, повеяло свежим ветерком. Закоснелых догматиков Андропов перепугал своей громадной программной статьёй, опубликованной в главном теоретическом органе ЦК КПСС журнале «Коммунист», а тем, кто изрядно подустал от осточертевшей всем стабильности при Брежневе, подал светлые надежды на существенные усовершенствования и даже самые кардинальные перемены.

«Андропов даст советским немцам на Волге республику», – уверенно сказал Кунаев чехословацкому послу Честмиру Ловетинскому, который привёз в Алма-Ату для Д.А. орден Победоносного Февраля.

Награда вручалась уже под портретом Андропова.

В кабинет внесли свежие фрукты, мармелад, коробку шоколадного ассорти и бутылку шампанского.

Тонко прозвенели бокалы из чешского хрусталя.

Д.А. лишь слегка пригубил свой, а улыбчивый посол осушил золотистый напиток до дна и не отказался потом ещё.

Испытующе спросил у Кунаева про Целину.

Подтекст читался явственно: не заглохнет ли?

Д.А. напористо разубедил: при новом генсеке у Казахстанской Целины есть все шансы уверенно наращивать и далее свой экономический и духовный потенциал, и это произойдёт непременно, тем паче, что сам Юрий Владимирович собирается навестить наши целинные края, а потом уже побывать и в Алма-Ате. Его согласие на это получено. Специально готовиться к его приезду не будем, пусть смотрит всё, как есть – нам всегда есть что показать, чем похвалиться, но и есть масса нерешённых проблем, которые мы тоже не собираемся ни от кого скрывать, а уж от него, да ещё и при его-то полнейшей осведомлённости, – тем более.

Перед предполагавшимся наездом в Казахстан Андропова Кунаев вновь двинул на Целину. Сопровождали его министр сельского хозяйства Моторико, Бекежанов и я. Прежде всего надо было убедиться, что не будет осечки с хлебом у огромной Кустанайской области. Когда там первосекретарствовал БАМ – Бородин Андрей Михайлович – этого, как правило, не случалось. Но вконец физически огрузневший Бородин плюс ещё и кровно обиженный тем, что о нём не было сказано ни слова, ни даже ни полслова в эпохальном творении Брежнева «Целина», – в 1981 году, когда ему стукнуло 60, отправился на пенсию.

Теперь Д.А. рассчитывал на его сменщика – Василия Петровича Демиденко. Тот был намного моложе Бородина, но не менее опытен. И не только в аграрных делах, а ещё и в искусстве громкого трибунного партгворения. Где бы и когда он ни появлялся на слётах, совещаниях, пленумах, съездах и брал слово, зал уже заранее знал, какие звучные дифирамбы прозвучат из его уст сначала в адрес Брежнева, а потом и Кунаева.

Но теперь Брежнева уже не было.

В переданной мною КазТАГу – Казахскому телеграфному агентству литерной информации для печати, телевидения, радио говорилось: «Страдная пора вступает на самую обширную в республике кустанайскую ниву.

Выполняя решения партии, указания и рекомендации Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Ю.В. Андропова, партийные организации, земледельцы области многое сделали для повышения продуктивности полей, всесторонней подготовки к проведению в лучшие сроки и без потерь уборки зерновых и других культур. Широко ведутся также заготовка кормов для общественного животноводства, другие сельскохозяйственные работы».

И далее сообщалось, что Кунаев «осмотрел посевы хозяйств Кустанайского, Комсомольского и Фёдоровского районов, ознакомился с состоянием комбайнов, автотранспорта и другой техники, ходом подготовки к зимовке скота, условиями труда и быта сельских тружеников...

... С интересом и вниманием ознакомился тов. Кунаев с опытом работы семейного безнарядного звена, возглавляемого кавалером орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, ударником коммунистического труда А.А. Лидером из совхоза «Смирновский». В составе звена – три сына из десяти его детей, брат, зять. Трудятся они отменно. Семейное звено – не единственное в хозяйстве и районе, где коллективный подряд находит всё большее распространение и признание...».

В Алма-Ату Д.А. вернулся с добрым настроением. Да и если бы и не давал Юрий Владимирович своего обещания, очередная поездка Кунаева за *Большим Хлебом* всё равно непременно состоялась. Хотя и пошёл уже с 12 января 1983 года отсчёт Димашу Ахмедовичу на 72-й год, физически он чувствовал себя превосходно.

Увы, об Андропове это сказать было никак нельзя.

А он был даже моложе Д.А. – на пару лет (1914 года рождения), но здоровье было крепко подорвано ещё с военно-партизанских лет в Карелии, когда он был там первым секретарём её комсомола, а затем и на других, отнюдь не медовых должностях.

Всё это учитывал Черненко, выдвигая Андропова на пост № 1: Ю.В. долго не протянет, освободит возжеленное место.

Расчёт оказался наивернейшим.

Правда, опытный седоголовый партведьмак забыл о собственных недугах. А их у него было на десятерых. Но тогда всё ещё держали ему душу в теле его же дьявольская сила воли и самые эффективные снадобья, поставляемые лучшими кудесниками Четвёртого главного управления Минздрава, возглавляемого академиком Чазовым.

Своих благих намерений Андропов выполнить не успел.

Он пробыл у штурвала партии и страны всего лишь 15 месяцев.

Причём немалое время из этого срока в больничной палате.

В 12 часов 45 минут 14 февраля 1984 года у Кремлёвской стены грохнули залпы траурного салюта, а перед этим, 13 февраля, на внеочередном Пленуме ЦК КПСС Председатель Совмина СССР Тихонов зачитал заранее заготовленную шпаргалку, в которой до небес превозносил Черненко.

Скоротечная трагикомедия избрания нового генсека завершилась тронной речью самого «талантливого организатора масс, пламенного пропагандиста марксистско-ленинских идей, непоколебимого борца за претворение в жизнь политики великой партии».

Борец, организатор, пропагандист не скрывал своей радости, хотя и всеми силами старался напустить на себя печальный вид.

Повсюду неотступно следовал за ним, как тень, его грядущий сменщик, будущий Архитектор Перестройки.

До коронации Михаила свет-Сергеевича Горбачёва оставалось тоже немного – всего-то год и 25 дней.

Но кремлёвская карусель продолжалась, жизнь тоже не стояла на месте, надо было работать, работать, работать.

Perpetuum mobile?

Более трёх десятилетий из своего многотрудного бытия в этом непростом мире Д.А. самым плотным образом отдал Казахстанской Целине. Целина стала не просто неотъемлемой частью его официальной биографии. Она стала самым надёжным стержнем его человеческого характера.

Не следует идеализировать Д.А. и сотворять из него некую икону.. Просчёты его достаточно известны.

Но своим ясным умом и своей неистощимой энергией – не кабинетный лидер и не постоянный житель почётных президиумов, а всамделишный *perpetuum mobile* – огромным трудолюбием и личным примером он приводил в движение весь сложный, созданный при его активном и заинтересованном участии живой и огромный механизм Казахстанской Целины.

Всё это время он стремился задавать ему самый надёжный темпоритм, видя в каждом целиннике не пресловутый *винтик*, а равного себе труженика и – личность. Уже тогда, задолго до становления нового, независимого Казахстана, он был одним из главных государственных творцов высокого духа умных создателей нашего нового мышления и патриотизма с надёжной *казахстанской* твердью и евразийско-планетарной всеоглядностью.

Целинники же и все честные люди республики и Союза платили ему той же монетой, прекрасно зная, что он (хозяин своему слову и делу) их никогда и ни в чём не подведёт. Любой из них, прежде им встреченный на меже, на полевом стане, в дирекции совхоза или правлении колхоза, да мало ли ещё где – в любой день (и даже час) мог обратиться к нему. Ни по одному из таких обращений отказа у Кунаева не было. И в этом тоже был ещё один совершенно предметный, а не виртуальный урок Казахстанской Целины.

Не одно десятилетие минуло с того дня, когда Димаш Ахмедович попросил меня написать, а если сказать точнее, то записать за ним и подшлифовать самые главные его мысли о Целине, что и было сделано.

И вот что получилось: «Родина и Хлеб. Два ёмких слова, близких и понятных с детства, сегодня звучат по-особому.

Хлеб – основа жизни, богатства и сила Родины».

И ещё: «Целинная Эпопея – это самое впечатляющее в истории человечества сражение за Хлеб. История земледелия не знала равнозначного подвига, главной целью которого стало благо для народа».

И далее: «В магической лексеме *ЦЕЛИНА* закодировано общее для многих из нас чувство законной гордости за поистине великие свершения на древней Казахской Земле. Целинная Эпопея со всеми еёобретениями и промахами, драмами и трагедиями, чем всегда была полна не бутафорская, а реальная жизнь, не была и не могла быть бедой для Казахстана. Уже хотя бы потому, что она не только всесторонне приумножала его экономическое достояние, но и придала ему громадные нравственные силы, неколебимую уверенность в том, что все трудности и невзгоды преодолимы».

И это действительно так, а не иначе!

Какими бы ни были сравнительно недавние минувшие метаморфозы и те, которые он, как никто другой, предвидел, ответ на вопрос «*Целина: подвиг или авантюра*» у него, как и у остальных истинных первоцелинников, всегда мог быть и был только один – и ясно какой.

И теперь, в условиях современной *глобализации*, Казахстан, его аграрный сектор невозможны без ныне уже безраздельно своей Поднятой Целины, как немыслим Казахстан без поднебесных гор Заилийского Алатау или синих озёр Кокшетау и седого Каспия...

Думаю, что он, этот ответ, полностью схож и с мнением уже новых поколений казахстанцев, выросших на освоенной Целине и полагающих своим главным долгом и делом возрождение и приумножение её экономического и духовного потенциала во благо родной республики, всего Содружества Независимых Государств.

А если и есть какие-либо другие мнения, то, как говорится, ради Бога. Их пёстрый и немощный плюрализм не перекроет стародавней истины о том, что *хлеб всему голова*, а без Целины казахстанцам своего хлеба (с маслом) не видать.

Вот на этом, пожалуй, покамест можно поставить точку.

Вернее – многоточие.

Ибо очень и очень наивно полагать, что сказано всё.

Сейчас на уже давно освоенной и обжитой Казахстанской Целине властвуют *новые времена*.

А каковы они, такова и *новая жизнь*.

Со всеми её многотрудными заботами об устройстве подлинно демократического общества, открытой экономики, об укреплении стабильности, гражданского и международного согласия.

Но и в *новой жизни* никто и никогда не властен отменить людской памяти на всё, что было и что есть под её незакатным солнцем. А оно, как знаем, ярко и сочувливо светит не только Минувшему, но и, несмотря ни на какие передраги, по-прежнему заманчивому Грядущему.

1991-2004, 2012.

г. Алматы.

Ирина ВИНТЕР

Прощение

– Девушка, будьте так добреньки, пробейте дырочку, – Юра Киль протянул свой проездной талон для компостирования стоявшей впереди девушке. Он ехал в маршрутном автобусе после окончания занятий в машиностроительном техникуме, на втором курсе которого учился.

– А может быть, две? – засмеялась она.

– Сразу видно, что вы щедрый человек...

Молодые люди от избытка юношеского задора расхохотались так, что привлекли внимание хмурых пассажиров, теснившихся в узком проходе между сиденьями.

– И чего гогочут? – недовольно пробурчал немолодой уже мужчина. – Нашли место, где зубоскалить и ржать.

Это ещё больше рассмешило молодую пару. Этот жизнерадостный смех постепенно отогрел суровые сердца замотанных делами и заботами людей, и некоторые из них тоже заулыбались. В общественном транспорте такое случается редко, ведь всегда надо везде успеть, а автобусы ходят плохо, да и давка в салоне не располагает к веселью...

– Что-то я вас раньше в этом автобусе не видел? – переходя на серьёзный лад, спросил молодой человек.

Девушка что-то ответила и стала протискиваться сквозь толпу к выходу. Юра вдруг неожиданно для себя решил последовать за ней, но не успел – дверь коварно клацнула перед его носом. Юноша выглянул в окно, чтобы уточнить в какую сторону направится незнакомка, но не увидел. «Наверное, не судьба», – подумал Юра и почувствовал сожаление, что не успел познакомиться с этой улыбчивой девушкой. Казалось бы, зачем такому парню, как он, расстраиваться из-за того, что не узнал имя, в сущности, обыкновенной девушки. Ну, симпатичная, ну и что? Таких вокруг сколько угодно. Высокий, красивый, весёлый Юрий не был обделён вниманием слабого пола. Многие девушки в техникуме сохли по нему, а он как-то несерьёзно к ним относился. Мог завести интрижку с однокурсницей – с симпатичной мордашкой, но и спокойно расставался, не утруждая себя оправданиями. Видел иногда и слёзы, жалел, но ничего не мог с собой поделать, насильно милой ведь всё равно не станет.

Юрий приехал из деревни. В «Михайловском» совхозе прошло его детство, здесь закончил десять классов, год проработал помощником комбайнера, а потом поступил в техникум и перебрался в областной центр. Жил на квартире со своим земляком, который заканчивал педагогический институт. Иван за эти годы стал уже «городским», и на первых порах помогал своему молодому другу освоиться на новом месте. На каникулах Юра всеми фибрами души рвался в свой «Михайловский», скучал по родным и друзьям детства. Даже в праздничные дни, когда всех студентов областного центра обязывали принимать участие в демонстрациях, Юра пытался придумать всё, что угодно, лишь бы уехать домой. Он удивлялся, что Иван Калинин даже на каникулы остаётся в городе.

– Подожди, студент, и ты скоро домой ездить так часто не будешь. Я тоже через это прошёл... – подчёркивал Иван, когда Юра уговаривал друга составить ему компанию в поездке.

Перед Новым 1972 годом Юра с большим трудом достал билет на рейсовый автобус. Он очень хотел отметить этот самый любимый праздник в семейном кругу. Автобус был переполнен так, что многие пассажиры ехали стоя. Стоять пришлось и Юрию, но это нисколько не огорчало, главное, что он побывает дома.

Когда Юра с сумкой, где у него были упакованы подарки родителям и двум младшим сёстрам, пришёл на вокзал, он к своему удивлению увидел в толпе ту самую девушку, с которой весело общался несколько месяцев назад в маршрутном автобусе. Заметить её было не трудно: на рост свой она, как и Юра, пожаловаться не могла. Но молодого человека ещё больше удивил тот факт, что девушка устремилась к автобусу, на котором должен был ехать и он. Ему захотелось устроиться рядом с ней, чего бы это ни стоило. Как оказалось, у неё тоже не было места.

– Привет. Как делишки? – поинтересовался Юра, когда пассажиры, наконец, «упаковались», и автобус тронулся. Он радовался, что сумел протиснуться к ней и что дорога теперь не будет такой нудной и долгой.

– Здравствуйте, – серьёзно и немного удивлённо ответила девушка. – Дела идут себе потихоньку.

– Ты, наверное, меня не узнала, – без особых церемоний перейдя на «ты», продолжал юноша. – Не помнишь разве, как ты в автобусе мой билет компостировала?

– Ой, вспомнила! – засмеялась она. – Надо же – опять в автобусе встретились ...

– Если честно, я пожалел, что тогда не узнал твоё имя и адрес, ты так быстро исчезла, будто бежала от меня.

– Да нет, вышла на своей остановке, вот и всё.

Они познакомились. Лида в первые дни после их встречи вспоминала этого красивого, жизнерадостного парня. Как и Юре, ей тогда тоже пришла в голову мысль: «Не судьба!».

Молодые люди устроились на ступеньках автобуса, предусмотрительно постелив газеты, чтобы не выпачкаться. Говорили не умолкая. Лида тоже была студенткой, училась в индустриальном институте на мехтехе, на третьем курсе. Жила в общежитии. Едет к родителям в Железинский район, чтобы вместе отпраздновать Новый год. Постепенно они многое рассказали друг другу о своей жизни, такой ещё короткой, но уже такой насыщенной и интересной. Как и в прошлый раз, часто и беззаботно смеялись, шутили. Жизнь в этот миг казалась им такой славной и радостной, такой счастливой и безмятежной.

– Давай перекусим, чем бог послал, – предложила Лида и достала из большой сумки пакет со снедью. Они с удовольствием пообедали варёными яйцами, хлебом, намазанным сливочным маслом, выпили горячего чая из термоса. Совместная трапеза как-то сблизила молодых людей.

Лиде надо было выходить раньше. Когда Юра помог ей вынести из автобуса сумку, то спросил, может ли навестить её в общежитии.

– Валяй! – запросто ответила Лида.

Домой Юра приехал в таком приподнятом настроении, что домочадцы удивились его весёлости.

– Что такое хорошее произошло? – поинтересовалась мать. – Сияешь, как начищенный пятак.

– Мама, я женюсь, – заорал вдруг её взбалмошный сын, от избытка чувств схватил в охапку младшую сестрёнку Аннушку и закружил её по комнате.

– Что ты такое говоришь, – в один голос ужаснулись мать с отцом. – А кто за тебя учиться будет, кто семью кормить будет? Ты ведь, наверное, толком-то эту девушку и не знаешь?

– Ничего, проживём как-нибудь, – легкомысленно изрёк сын. – А девушка – хорошая, умная, милая, аккуратная, добрая, застенчивая, работающая. В общем, вся из себя такая, какую бы вы хотели иметь в невестках. И что бы вы мне сейчас ни говорили, я всё равно женюсь...

– Ну, братец, ты даёшь! – только и вымолвила старшая из сестёр Лиза.

Родители переглянулись. Сёстры тоже во все глаза смотрели на своего шустрого брата.

– Пусть немного поостынет, потом поговорим, – успокоил отец родных.

Все дни, которые Юра провёл дома, он только и думал о Лиде. В том, что она будет его невестой и женой, он не сомневался. Родители ещё пару раз пытались завести разговор с непутёвым сыном, стараясь отговорить от поспешного шага, но всё было бесполезно. Юрий даже не пошёл на праздничный вечер, устроенный в честь Нового года в местном клубе, чем ещё больше убедил своих родителей в серьёзности своего намерения.

– Слушай, мать, кажется, наш парень действительно не на шутку влюбился, – сказал Иван Александрович жене, – придётся нам к свадьбе готовиться. Давай, покумекаем, что к чему...

– Да, как-то неожиданно всё случилось, – поддакнула мужу Амалия Карловна. – Ну что ж, свадьба так свадьба...

Когда Юра возвращался в город, он с нетерпением ждал остановки в Железинке, надеясь увидеть Лиду. И увидел. Она стояла в окружении большой компании и с нетерпением поглядывала в сторону грейдера. Юра выскочил из автобуса, чтобы помочь девушке занести в салон багаж. Взглянув друг другу в глаза, и он, и Лида поняли, что очень ждали этой встречи...

Общение на этот раз не было уже таким беспечным и безмятежным. Волнение несколько сковывало мысли, и разговор тёк вяло, перескакивая с одного на другое. Но одно было неоспоримо: они уже не чужие друг другу и их отношения – не лёгкий флирт, который никого ничему не обязывает.

Юра взял ладонь девушки в свои руки и не отпускал до конца пути. Он раньше обнимал и целовал девушек, но никогда не испытывал того, что испытал сейчас. И в её душе разные чувства тоже теснили друг друга – и сладко, и спокойно, и волнующе...

– Солнце ты моё, драгоценность! – шептал Юрий, снова и снова обнимая любимую. – За что мне жизнь сделала такой восхитительный подарок...

Они лежали в постели, испытывая и радость, и удивление от происходящего.

– Господи, если ты есть, спасибо тебе за счастье, – в ответ вторила Лида.

Опьянённые страстью, они в первую же свою встречу, после того как вернулись с каникул, кинулись в объятия друг другу, не думая ни о чём.

– Я не могу жить без тебя...

– Я тоже...

Их встречи и свидания продлились недолго. В начале апреля Юра съездил со своей невестой в её отчий дом и сделал официальное предложение, попросив её руки у родителей Лиды. Согласие на брак было получено.

Потом все вместе съездили к Киям, чтобы договориться о проведении торжества. Семьи друг другу понравились, и выбором своих чад тоже остались довольны. Свадьбу решили играть в «Михайловском», на этом настоял жених.

Отшумели свадебные дни, да так, что надолго запомнились гостям и родственникам, настолько весёлым был этот праздник. Тёплые апрельские деньки как будто тоже сделали подарок солнечной, ясной погодой. Со стороны и жениха, и невесты молодым подарили перину, постель, посуду. Всё это очень пригодилось неоперившейся семье, доход которой состоял всего-то из двух студенческих стипендий. Но это не пугало молодых. Ликование от навалившегося счастья было через край, помогало им с какой-то ошеломляющей радостью обустроить свой быт. Любая мелочь, например, новые веник или штопор, приводила их в восторг, и по этому поводу так и сыпались шутки и прибаутки. По такому случаю могли иногда купить бутылку вина, конфеты «Золотой ключик» и обмыть покупку, такую нужную в хозяйстве, как они шутили – по полной программе. Чтобы дольше служила. Хорошим подспорьем в их небогатом житье были продукты, которыми щедро делились с ними их родители: мясо, сало, картошка. По хозяйству молодые управлялись либо вместе, либо тот, кто раньше приходил с занятий. Жили во временке, отдавая за аренду из семейного бюджета пятнадцать рублей.

Ни Юра, ни Лида не могли обходиться без друзей. В их «землянушке» часто бывали гости: молодые студенческие семьи, друзья из районного центра, родственники. В те годы было вполне нормальным в свободное время «завалиться» к друзьям без предупреждения и веселиться в своё удовольствие. К Юре и Лиде тянулись, а молодую пару весёлые компании нисколько не обременяли. Хлебосольные хозяева всегда старались как можно лучше накормить гостей. Лида специально искала в журналах «Крестьянка» и «Огонёк» новые рецепты блюд, особенно салатов, которые в те годы вошли в моду. Всё это по достоинству оценивалось гостями, особенно вечно голодными студентами. По мере возможностей и талантов хозяева развлекали их игрой в подкидного, танцами под радиолу, песнями. Для этого Юра не пожалел месячной стипендии и купил гитару.

Так и жили – весело, дружно и, как говорили их родные и знакомые – душа в душу.

После окончания учёбы Юра и Лида в один и тот же год определились на работу на тракторный завод. Вскоре семья получила квартиру. Молодым специалистам государство выделяло жильё в течение двух-трёх лет работы на предприятии. У четы Килей уже росла дочка Оленька, любимица всей многочисленной родни.

Как-то Лида позвонила мужу на работу:

– Юра, отпросись, возьми с собой несколько ребят, чтобы перетащить мебель. Я сегодня случайно узнала, что в «1000 мелочей» завезли гостинные гарнитуры, сразу сорвалась с работы, сняла с книжки деньги и купила стенку за 400 рублей.

– Молодец! – обрадовался Юрий. В те годы дефицит товаров в стране был одной из самых неблагоприятных сторон жизни. Недорогая мебель, доставшаяся семье так быстро и без проблем, была как нельзя кстати. Юра удивлялся и радовался житейской хватке своей жены, её домовитости. Да и хозяйка – каких поискать.

– Это событие надо обмыть по полной программе, – шутил за ужином хозяин дома.

– Конечно, – в тон ему ответила Лида, и они, как всегда, залились счастливым смехом. Мебель обмывали со старыми и новыми друзьями, с которыми подружились на заводе. Гости теперь уже сидели за большим новым столом, а до этого располагались на полу, расстелив дастархан по середине комнаты.

Всё складывалось как нельзя лучше. Постепенно семья обзавелась всем необходимым. Супруги взяли участок под дачу и с любовью обустроили этот чудесный уголок природы. Построили домик, посадили саженцы фруктовых деревьев и ягодных кустарников. А потом радовались, как дети, первому урожаю клубники и помидоров. В свободное время ходили в кино, в театр, устраивали пикники на берегу Иртыша. На работе тоже всё ладилось.

– Счастливая ты, Лида! – сказала ей как-то соседка по рабочему столу. – И муж красавец, любит-балует, и доченька – загляденье, и в доме полная чаша. Что ещё человеку надо?

– Сплюнь через левое плечо и постучи по дереву, – засмеялась Лида, – а не то сглазишь.

– Да разве такую любовь, как у вас, можно сглазить...

... Однажды Юра задержался на работе. Пришёл поздно. Сбивчиво, пряча глаза, объяснял, что в цехе не дотянули до плана, и вот теперь иногда нужно будет задерживаться, и что это ему совсем не нравится. Он был какой-то странный, отказался от ужина и после душа сразу пошёл спать.

Лида почувствовала что-то неискреннее в словах мужа, но ей и в голову ничего предосудительного не могло прийти. Она помыла посуду, посмотрела по телевизору с дочкой «Спокойной ночи, малыши», уложила ребёнка спать. Прослушала вечерние новости, почитала перед сном фантастику, пытаясь успокоить тревожные мысли. Ну почему так скверно на душе? Она первый раз за годы замужества уловила фальшь в голосе мужа. Всегда жизнерадостный, внимательный, ласковый, Юра сегодня не чмокнул в щёчку свою Лидочку, когда пришёл с работы, как это бывало до сих пор. Может быть, заболел? Или неприятности на работе? Лида терялась в догадках...

Прошла неделя, другая. В семье снова всё шло по-старому, и Лида уже начала забывать о том неприятном вечере.

Через какое-то время муж вновь задержался на работе. Пришёл поздно и лёг спать на диване в зале.

– Почему ты не идёшь в спальню? – спросила Лида. – Я тебя чем-то обидела?

– Ложись, я посмотрю телевизор и приду.

Но он так и не зашёл в супружескую спальню, а утром, не позавтракав, рано отправился на работу.

Вечером Лида пыталась поговорить с мужем, но Юрий уклонился от разговора, взял книгу и читал в спальне до полуночи. Теперь уже Лида спала на диване, обидевшись, что он не стал с ней объясняться.

Однажды, после очередной задержки мужа, Лида взяла ребёнка и уехала ночевать к своему старшему брату, который жил с семьёй на другом конце города.

– Ничего, в семье всякое бывает. Перемелется – мука будет! – пытался Андрей успокоить сестру, но в глубине души у него остался неприятный осадок. «У этой пары всё казалось таким прочным и надёжным, и вдруг такое. Нехороший симптом...» – переживал Андрей.

На следующий день Лида снова ночевала у брата. Так прошла неделя. Её удивляло то, что муж ни разу не позвонил и не поинтересовался, почему она не приходит домой. Но он всё-таки пришёл за женой и ребёнком, чему Лида очень обрадовалась.

– Лидочка, извини меня, пожалуйста, – виновато выдохнул он. – Пойдём домой, я так соскучился...

Она не стала устраивать разборок, а ночью всем телом приникла к любимому...

Казалось бы, у них всё наладилось, но теперь уже Лида не верила, что так будет всегда, и не ошиблась. Юра снова стал задерживаться, и супружеские отношения дали заметную трещину.

– Лидия Кондратьевна, вы перестали ходить в свой цех, путаетесь в отчётах. Что с вами? – спросил её как-то начальник отдела, озабоченный тем, что некогда хороший работник стал вялым и безынициативным. – Придётся мне по итогам месяца снизить вам премию.

Лида ничего не ответила, вышла из кабинета и горько заплакала. Она не находила выхода из сложившейся обстановки в семье. Супруги не разговаривали, спали в разных комнатах. На попытки жены выяснить отношения, Юра отмалчивался, суровел лицом и либо уходил из дома, либо ложился на диван с книгой. Он тоже переживал, но нисколько не старался хоть как-то изменить положение.

Та же вездесущая соседка по рабочему столу, Татьяна, как-то просветила Лиду, что её муж изменяет ей с одной из сборочного цеха, где Юра работает.

– Одинокая, кстати, симпатичная. Беленькая такая, фифочка. Целыми днями возле него вертится... – в красках расписывала она. В интонациях Татьяниного голоса слышалось лёгкое злорадство: дескать, не так уж у этой сладкой парочки всё так сладко, как казалось вначале...

– Закрой свой рот, – вдруг, неожиданно для себя, резко и грубо оборвала её Лида.

Татьяна испуганно замолкла. Остальные работники отдела потом напустились на болтливую сотрудницу и посоветовали ей не лезть не в своё дело. Ни для кого из них уже не было секретом, что Юрий изменяет жене.

К концу рабочего дня Лида спросила у Татьяны, как зовут ту женщину.

– Да Веркой её зовут, – не так уже бойко ответила та. – Фамилию не знаю. (Здесь она явно слукавила...).

– А теперь послушай, что я тебе скажу. Если ты ещё хоть раз заговоришь на эту тему, пеняй на себя. Уяснила?!

Лида отправилась в сборочный цех. Она надеялась, что по дороге немного успокоится, но, увы... Лида настолько тяжело восприняла страшную весть, что способна была разнести цех на мелкие кусочки. Когда женщина ворвалась в огромный цех, она была похожа на фурию.

– Где тут у вас работает Вера, беленькая такая?! – крикнула она первому попавшемуся на её пути рабочему в грязной спецовке.

– Садикова, што ли? – спросил удивлённый мужик. – Да вон её каморка.

В фанерной отгородке с небольшим окошком Лида увидела силуэт женской головы с высокой взбитой причёской. Когда Лида нагрянула в каморку, на неё страшно было смотреть. Такой разъярённой она сама себя не знала. Схватив сидевшую за столом даму за волосы, выволокла её на территорию цеха и начала награждать испуганную соперницу тумаками. Как знать, чем бы это закончилось, если бы не сбежавшиеся на крик несчастной жертвы мужчины, которые и оттащили Лиду от ненавистной разлучницы. Синий халат Веры Садиковой был заляпан кровью. Кровь хлестала из носа, под глазом у избитой начал расцветать синяк, причёска сбилась на бок, волосы растрепались. У Лиды в руках остался приличный клок отбелённых перекисью водорода волос. Женщины увели Веру подальше от взбесившейся мстительницы, а мужчины удерживали Лиду за руки, пока та не успокоилась.

– Если ты не оставишь моего мужа в покое, я тебя убью. И не думай, что это просто угроза, – крикнула Лида напоследок.

Конечно, Вера сразу догадалась, с кем имеет дело, но не думала, что её пылкая страсть к понравившемуся мужчине может так обернуться. Садикова давно уже «положила глаз» на Юрия, и в глубине души мечтала отбить его у жены. Она верила в осуществимость своего «проекта», то есть намеревалась уладить щекотливую проблему с женой Юрия любовно, культурно, как воспитанные люди. Дескать, чувства превыше всего, и жена её возлюбленного должна это понять и отпустить супруга по-доброму. Само собой, что без слёз и обид здесь бы не обошлось, но ведь нельзя же так дико, по-бандитски, отстаивать своё право. «Где культура, элементарная воспитанность? А ещё с высшим образованием...» – обиженно всхлипывала Садикова. Ярость, с какой напала на неё эта мегера, испугала Садикову, и она, позже обдумав и взвесив всё, решила уволиться с завода и скрыться с глаз неумолимой соперницы.

Вечером Юра пришёл домой ещё позже обычного.

– Тебе не стыдно так себя вести? Зачем ты позоришь и себя, и меня? – стараясь говорить спокойно, спросил он.

И тут Лида не выдержала. Она подошла к мужу и со всей силы ударила его по лицу. Истерика была такой бурной, что супруг не мог справиться с разбушевавшейся женой.

– Конечно, так, как ведёшь себя ты, это правильно. А я поступила неправильно! Уходи! Куда хочешь, только не трогай меня сейчас, – крикнула вне себя Лида.

Юра надел пальто и вышел. Он решил переночевать у друга, с которым работал в одном цехе.

Недели три Юра обитал у Валерия, одинокого мужчины, которому цех выделил комнату в общежитии. Незванный гость спал на раскладушке и очень переживал, что стесняет, в сущности, чужого человека. Несколько раз, когда жены и дочери не было дома, Юра приходил домой, переодевался и снова уходил. Получку положил на кухонный стол, так, чтобы Лида её увидела, оставив себе только часть денег на пропитание. Ужин для себя и своего благодетеля он готовил сам.

С Верой не встречался. Она уволилась с тракторного завода и устроилась на другое предприятие. Её судьбой он не интересовался. Юрий вдруг понял, что ему не нужна эта женщина. И почему ему пришло в голову, что влюбился в Веру? Она одинокая, замужем не была. Её сыну четыре годика.

Малыш в те недолгие часы, когда Юра бывал у Веры, не слезал с его коленей, искренне веря в то, что он и есть его папа. Юру этот факт смущал, а Веру, наоборот, очень даже устраивал. Она и не скрывала, что хочет увести Юрия из семьи. Однажды он сказал ей, что это невозможно, что он любит жену и ребёнка и не собирается уходить из семьи. Вера плакала и просила его не говорить ей таких слов и не делать скоропалительных выводов. Он пытался порвать с ней, но почему-то вновь и вновь послушно шёл на свидание, когда она кокетливо зазывала его в свой дом.

Сейчас Юрий мучился и винил себя за слабость, за то, что доставил жене столько неприятностей, опозорил и себя, и Лиду. Он искал выход из положения, придумывал разные хорошие слова, которые собирался сказать жене при встрече, но малодушно прятался в чужой квартире и не выходил из «подполья».

Лида похудела и осунулась. Иногда ловила себя на том, что сама с собой разговаривает вслух. Однажды, когда её монолог затянулся, Лида не на шутку испугалась. Она понимала, что это нехороший симптом, и что ей надо взять себя в руки, хотя бы ради ребёнка.

Лида осознавала, что раз у неё красивый муж, коммуникабельный и интересный человек, то всегда найдутся женщины, которые будут проявлять к нему нездоровый интерес. Все эти годы внутренне она была к этому готова. Но её настолько успокаивали его любовь к ней, его желание быть рядом, его мужское внимание, что всё это убаюкивало и ослабляло бдительность. Хотя она отдавала себе отчёт в том, что никакая бдительность не поможет, если мужчина увлечётся другой.

«Может быть, я стала меньше за собой следить, располнела? – думала Лида, смотрясь в зеркало. – Может быть, реже стала уделять внимание мужу, особенно с рождением дочери? Трудно, конечно, быть и на работе, и дома ухоженной, красивой. Столько дел...». Лида понимала, что ищет для себя оправдание, что это, конечно, очень важно, но тут другое...

Лида вздрагивала от любого телефонного звонка, от любого шороха за дверью квартиры. Она так ждала своего Юру, верила в то, что он одумается и вернётся домой.

Как-то Лида зашла после работы за Олей в детский сад, а воспитательница сказала, что девочку забрал отец. У Лиды ёкнуло сердце от радости. Домой она не шла – летела... Открыв дверь, уловила вкусный запах жареной картошки и малосольных огурчиков. Значит, Юра уже успел приготовить ужин. Оля вышла навстречу к матери и радостно затараторила, что папа уже вернулся из командировки, и они готовят ужин. Шестилетний ребёнок ещё мало что смыслил в отношениях взрослых.

– Ну что, будем ужинать, – будничным голосом сказала Лида, когда зашла на кухню.

– Давайте. Иди, мой руки, – поддержал Юрий.

Ни слова упрёка, ни слёз и истерик не было.

Прошло два года. Семья жила ровно и спокойно. Дочка радовала хорошими отметками. Одно только изменилось с того трудного периода их жизни: реже приходили гости, реже устраивались семейные праздники.

– Лида, не жди меня сегодня вечером, ужинайте сами, я задержусь на работе. В цехе аврал.

Лида вдруг почувствовала, что под её ногами закачался пол и стал уплывать в сторону. «Неужели всё сначала?!» – с ужасом подумала она.

Юра снова стал задерживаться вечерами, часто спал на диване в зале, иногда не приходил домой ночевать. Лида не знала, что предпринять: то ли окончательно развестись, то ли, как в прошлый раз, биться за своё счастье. Она много плакала, частые головные боли донимали так, что без таблеток она уже не могла.

Однажды Лида, не дожидаясь, когда её вездесущая коллега сообщит ей об очередной измене мужа, решила сама проследить за ним. После рабочего дня пошла в сборочный цех, встала так, чтобы не бросаться в глаза, выжидая, когда Юра направится к выходу. Она «пасла» его до самого подъезда того дома, куда её муж зашёл. Благо, было уже темно, и он её не заметил. Она вошла следом, тихонько поднялась за ним на второй этаж, и когда на звонок в дверь к нему навстречу шагнула женщина, Лида рванулась к ним, проявив завидную шустрость. Влюблённые не ожидали такого оборота дела и это оказалось на руку взбешённой Юриной супруге. Лида грубо оттолкнула мужа, ворвалась в квартиру соперницы, схватила табуретку и начала громить всё, что попадалось под горячую руку. Разбила телевизор, стёкла в гостиной стенке, посуду, хрустальные вазы. Звон разбитого стекла, грохот от ударов, крики привлекли внимание соседей. Кто-то хотел вызвать милицию, но Юрий крикнул, чтобы никто не вмешивался, он сам во всём разберётся.

Когда Юре удалось, что называется, выволочь жену из квартиры любовницы, она была вне себя, плохо соображала, где находится и что вообще происходит. Что-то невнятное бормотала и покорно позволила себя увести. Юра сказал испуганной хозяйке квартиры, что возместит ей ущерб и чтобы она не поднимала шума. Потом он едва дотащил обессилившее вдруг тело жены до дома, в прихожей снял с неё обувь и верхнюю одежду и отвлёк невменяемую супругу в спальню. Юру испугал словесный бред жены, и вообще её странное поведение. Ему показалось, что Лида сошла с ума.

Утром он позвонил в цех, отпросился с работы, чтобы побыть дома с женой. Позвонил и в отдел главного механика, где Лида работала, сказав, что жена заболела. Накормил дочку завтраком, отправил в школу. Потом приготовил обед. Жена из спальни не выходила. Услышав шорох, он заглянул туда. Лида «выпотрошила» шифоньер и что-то сосредоточенно искала в белье, разбросанном на полу.

– Лида, что ты делаешь? – стараясь быть спокойным, спросил Юрий.

– Я опаздываю в школу, ищу форму... – странно посмотрев на Юру, ответила она.

– Ложись, сегодня воскресенье, тебе в школу не надо, – Юра аккуратно, но настойчиво уложил жену в постель. Потом принёс ей стакан сладкого чая, она с удовольствием выпила и попросила ещё.

Юра позвонил своему другу Валерию и обрисовал ситуацию с женой, опустив лишь тот факт, от чего это случилось.

– Может быть, мне вызвать «скорую»? – спросил Юра.

– Подожди пару дней. Видимо, у неё был сильный стресс. – Валера догадался, по какой причине случилась такая неприятность с женой друга. В цехе ни для кого не было секретом, что Юра изменяет жене и что Лида отстаивает свою любовь жёстко, не вдаваясь в сантименты. – Пройдёт. Главное – будь рядом с ней, прояви внимание.

И действительно, Лиде стало легче. Вечером она спросила Юру, дома ли Оля, ходила ли она в школу.

– Всё в порядке, не волнуйся. Отлежись, а по хозяйству я управлюсь сам.
– Юра, ты уйдёшь от нас? – спросила вдруг Лида и горько заплакала.
– Да что ты, никогда, успокойся. Всё хорошо.
Она вздохнула и первый раз за много месяцев улыбнулась той улыбкой, за которую он в своё время и полюбил её.

В доме снова воцарился покой, но Лида в этой тихой обстановке ощущала что-то недоброе. Она уже не могла жить спокойно, постоянно переживая за своего Юру, тревожась, как бы очередная пассия не увела его теперь уже навсегда.

Минул год.

– Жена, пакуй чемодан, еду на курорт, – сказал как-то вечером за ужином Юрий. – Дали дешёвую путёвку, почти бесплатно, грех отказываться.

В те годы люди часто ездили на юг поправить здоровье, отдохнуть, хоть на время «выпасть из обоймы», отвлечься от бесконечных будней и предаться курортным развлечениям. Путёвки по профсоюзной линии стоили недорого, поэтому проблем с поездками на отдых ни для кого не возникало. Лида уже как-то ездила по путёвке в Крым. Вернулась, переполненная впечатлениями, отдохнувшая, загоревшая. Вот теперь и Юра впервые собрался на юг. Конечно, ей сразу пришло на ум, что он может загулять там с какой-нибудь особой, ищущей романтических отношений. Но это её не очень тревожило. «Куда денется, вернётся домой...» – как-то буднично думала Лида.

Четыре недели он отдыхал в Туапсе. Лиде показались эти недели вечностью, так она ждала мужа. Перед его приездом приготовила любимые им манты с тыквой, сельдь под шубой, испекла пирог с присыпкой. Юра называл его по-немецки – «ривелкухе». Купила бутылку «Рислинга» и коробку конфет «Ассорти». Оля тоже помогала матери по хозяйству, радуясь, что они с мамой так празднично встретят папу и угостят всякими вкусностями.

Но праздника не получилось...

За столом Юра был рассеянным, ел мало, отвечал на вопросы жены и дочки односложно. Подарок дарил как-то вяло, без азарта и шуток, что было ему несвойственно.

Вечером Лида ждала мужа в спальне, а он то долго принимал душ, то взялся за книгу. Лида ещё днём почувствовала, что с Юрием что-то не так, но списывала его сонливость на усталость с дороги. Но сейчас поняла, что за всем этим кроется беда.

– Ты изменял мне на своём курорте, – утвердительно произнесла она.

– Лида, мне надо с тобой поговорить. Только постарайся взять себя в руки и не закатывать истерик. Я через несколько дней, как уволюсь с работы, уеду в Алма-Ату, навсегда. Развод оформим позже.

– Почему?

– Я полюбил так, как не любил никогда, и ничего не могу с собой поделать...

– Тебе не кажется, что ты слишком любвеобилен? – закричала Лида.

– Не кричи, разбудишь дочку.

– Тебя разве это беспокоит? Разве можно так издеваться над живыми людьми? Почему ты такой легкомысленный и бессовестный?

Лида не плакала, как это было раньше. Она вдруг замолчала, как будто окаменела. Она устала. Устала так, как будто надрывалась день и ночь на непосильной работе...

На следующий день Юра подал заявление об увольнении. Через пару дней получил расчёт. Часть денег оставил Лиде, часть взял себе. Уехал тихо, когда ни жены, ни дочери дома не было. Оставил записку, что приедет через месяц, чтобы оформить развод, и что деньги для дочери будет присылать регулярно.

Лида ничего не стала объяснять девятилетней Оле. Когда станет постарше, тогда ей всё и расскажет, а пока пусть думает, что папа в длительной командировке.

– Да пусть катится на все четыре стороны! – в сердцах воскликнула Лидина подруга Ира, когда та пожаловалась ей на свою нелёгкую женскую судьбу. – Неужели тебе ещё не надоело насильно тянуть его домой? Кобель и есть кобель. Заладила – бороться за него буду, бороться... Легче один раз пережить, время давно бы уже расставило всё по своим местам, если бы ты за него поменьше боролась.

– Я не могу без него. Умираю, схожу с ума, бешусь, плачу, убиваюсь, и вообще – не хочу жить, – в голос запричитала Лида.

– Да это уже не любовь, а болезнь какая-то. Поверь, тебе будет легче, когда решишься наконец и отпустишь его от себя, – советовала Ира.

Лида всё понимала, но ничего поделать со своими чувствами не могла. Она существовала, а не жила. Как сомнамбула. Интерес к жизни пропал. Даже успехи в учёбе дочери не радовали, как раньше. Своё повышение по службе она тоже восприняла равнодушно. Лиду недавно назначили начальником бюро. Это было событием для большого отдела – женщин на предприятиях по службе повышали нечасто.

Мать Юры, Амалия Карловна, узнав о том, что натворил её сын, переехала к снохе. Иван Александрович умер два года назад, и она жила одна в большом доме. Дочери вышли замуж, жили отдельно.

Свекровь во всём поддерживала любимую сноху, делала всё, чтобы хоть как-то облегчить её страдания, хотя мучилась и изводила себя не меньше Лиды. Как она могла вырастить такого легкомысленного и безалаберного сына, от кого он унаследовал эти отвратительные качества характера? Что за страсть такая: бегать от одной женщины к другой? Она терялась в догадках. Но больше всего Амалию Карловну пугала Лида. Она стала замечать за снохой такие странности, которые никак не вписывались в нормальное человеческое поведение. То сама с собой разговаривает, то вдруг ночью порывается уйти из дома, то – ни с того ни с сего – начинает смеяться таким жутким смехом, что становится страшно. Взгляд отсутствующий, ушедший в себя. Правда, такое с ней случалось не часто, но всё-таки время от времени Лида впадала, как считала свекровь, в «горячку». Амалия Карловна всегда старалась находиться рядом с внучкой, когда Лида и Оля были дома. Мало ли что может случиться, ведь Лида явно тронулась умом.

Прошло три месяца. Юра ни разу не позвонил и совершенно не интересовался жизнью своих родных.

Но звонок раздался неожиданно, днём – на работе. Когда Лиду пригласили к телефону и сказали, что это межгород, она вдруг почувствовала такую слабость, что на ватных ногах едва доплелась до телефона. Голос Юрия прозвучал как с того света:

– Лида, если я вернусь, ты меня простишь?

В голове у Лиды что-то сдвинулось, мир вдруг перевернулся – стало светло и ясно. Слёзы счастья брызнули из глаз. От волнения Лида только и прошептала в трубку:

– Да!

– Я приеду в это воскресенье, утром.

В трубке раздались гудки, но Лида так и стояла, прижав её к уху.

Когда села за свой рабочий стол, то почувствовала, как от волнения сердце стучит так сильно, что грудная клетка довольно чувствительно ударяется о край столешницы.

– Мама, Оля, в воскресенье Юра возвращается домой! – Лида кинулась обнимать свекровь и дочь. Оля тоже уже знала о том, что отец бросил их. Обнявшись, они втроём разрыдались так, что напугали кота Барсика. Тот шмыгнул под кровать и жалобно мяукал, пока его хозяйки не перестали плакать.

Всю ночь перед приездом Юрия Лида не могла уснуть. Утром в пять часов она уже была на ногах, привела себя в порядок, подкрасилась, облачилась в новый кокетливый халатик и встала у окна, не в силах оторваться взглядом от пустынной дороги. Машин в это время ещё почти нет, тишина такая, что Лида слышала собственный шум в голове, который стал часто преследовать её, плавно переходя в тупую боль. Даже обезболивающие таблетки не всегда приносили облегчение.

По подсчётам Лиды, Юра уже должен был прилететь в аэропорт. На такси ехать всего-то каких-нибудь полчаса. Почему его ещё нет? Неужели передумал?

Вдруг она увидела приближающуюся к их дому автомашину. Когда такси нырнуло под арку, Лида кинулась к другому окну, чтобы убедиться, остановится оно в их дворе или нет. Стук захлопнувшейся дверцы такси оказался подобным взорвавшейся бомбе. Лида вздрогнула всем телом. Измученное сердце скакнуло к горлу и пульсировало там с такой силой, что Лиде пришлось отпить глоток воды, чтобы хоть чуть-чуть унять сердцебиение.

Не дожидаясь, когда муж позвонит в дверь, она кинулась к лифту, спустилась с восьмого этажа, выскочила во двор, застав Юру курящим возле подъезда.

– Юра!!! – только и выдохнула Лида, и вдруг почувствовала, что силы её оставляют. Он подхватил её на руки, прижал к себе.

– Я – идиот, самый настоящий идиот, – твердил он, целуя жену, плача и смеясь от радости.

Когда они зашли домой, мать и дочь уже стояли у двери, ожидая долгожданного гостя.

Юра устроился на тракторный завод в тот же цех. В первый же день он понял, как соскучился по коллективу, по своей работе. Всё здесь такое родное. Встретили его так, как будто он и не уходил.

«Слава Богу, что никто меня не упрекает, не смеётся над теми фокусами, которые я устраивал», – с благодарностью думал он.

В семье снова был лад и покой. Теперь уже Лида была уверена, что её муж больше не повторит подобной глупости. Однажды она спросила Юру, почему же он сбежал от той женщины, с которой хотел связать судьбу.

– Она не стала мне родной, – только и ответил Юрий.

Этот ответ успокоил исстрадавшуюся душу Лиды.

Через девять месяцев после возвращения мужа Лида родила дочь. Светочка была очень хорошенькой, с милыми ямочками на щеках. Вторая копия папы. А он любил эту кроху до самозабвения, ребёнок платил ему тем же. Теперь в семье появились новые хлопоты и заботы. Оля всё свободное время нянчилась с сестрёнкой, мастерски пеленала малышку, гуляла с ней во дворе. Бабушка тоже была счастлива, радуясь за своих родных.

Однажды Юра пришёл с работы бледный и осунувшийся, отказался от ужина, лёг на диван и попросил жену, чтобы ему не мешали и дали возможность отлежаться. Перед сном он едва поднялся, чтобы принять душ.

– Что с тобой? – испуганно спросила Лида, когда подала ему чистое бельё.

– Не знаю. Наверное, в столовой что-то съел несвежее. Всё внутри болит.

– Я стала замечать, что ты неважно выглядишь в последнее время.

– Да, чувствую какую-то слабость, а так ничего, – ответил Юра.

На следующий день он едва поднялся и с трудом поплёлся на работу. Так продолжалось недели две. Однажды его на заводском автобусе привезли домой с работы. Лида хотела вызвать «скорую помощь», но Юра сказал, что ничего страшного, отлежится и всё будет нормально. Но лучше ему не стало. Через несколько дней его положили в больницу. После обследования врач вызвал Лиду на собеседование.

– Ваш муж тяжело болен. У него рак пищевода, причём уже в запущенной форме. Требуется операция, но мы не гарантируем, что он выздоровеет.

У Лиды, как уже однажды было, пол стал раскачиваться под стулом, на котором она сидела, да так, что она упала и как будто провалилась в чёрную дыру. Очнулась через минут пять на кушетке за перегородкой.

– Что со мной? – не сразу поняла она, где находится.

– Вам стало плохо. Полежите еще минут пять, – ответила медсестра.

Потом Лида зашла в палату к мужу, стараясь не показывать ему своё страшное состояние. Сменила больному постель, помогла помыться в душе, передела. Попыталась накормить домашней лапшой с курицей, но Юра от еды отказался. Она смотрела в такое дорогое лицо, унимая дрожь в теле, через силу справляясь со слабостью, охватившей её в кабинете врача. «Неужели теперь, когда у нас наконец всё наладилось, я потеряю его?!» – с ужасом думала несчастная женщина.

– Лида, почему ты не говоришь, что сказал врач? – с тревогой спросил Юрий.

– У тебя язва, – стараясь говорить как можно правдоподобней, соврала Лида. – Тебе нужна операция.

– Я так и думал, что именно эта зараза ко мне пристала, – ответил расстроенный Юра.

Лида вдруг не выдержала и заплакала.

– Не плачь, это ведь не смертельно. Конечно, не хочется, чтобы меня разрезали как барана, но делать нечего, – стараясь шутить, успокаивал он жену.

Лида ещё немного посидела с ним и пошла за Светочкой в детский сад.

Вечером Лида сказала матери, что Юре требуется операция. О диагнозе она никому не говорила. Всем, кто интересовался здоровьем мужа, отвечала, что у него язва желудка.

Готовили его к операции недолго. После этого Юре стало легче. Его выписали из больницы, он вышел на работу, окрылённый тем, что вылечился. Лида тоже радовалась, что мужу стало легче. «Может быть, выводы врачей неверны», – с надеждой думала она. Амалия Карловна тоже успокоилась.

Но коварная болезнь вновь дала о себе знать. Юру опять положили в больницу. Вторая операция также ненадолго вернула его к жизни. Он работал, но вполсилы, с большим трудом.

– Что со мной такое, почему две операции не помогают мне уверенно встать на ноги, – удивлялся и сокрушался Юрий.

Ему снова стало хуже. Проблемы с кишечником измучили больного. Когда его разрежали в третий раз, то ввели в организм выводные трубки, которые торчали из живота.

– Как тебе не тошно ухаживать за такой развалиной? – спросил он как-то жену, когда она в очередной раз принесла ему «утку».

– Я тебя люблю, и всё, что касается тебя, мне никогда тошным быть не может..

– Спасибо тебе за терпение, за мудрость, за такую любовь, – виновато прошептал Юрий.

Его здоровье продолжало ухудшаться. Лида сама делала мужу обезболивающие уколы, постепенно увеличивая дозу, так как ему требовалась уже приличная порция морфия, чтобы хоть ненадолго избавиться от боли и забыться сном.

Юрию сделали ещё одну операцию, но, как потом выяснилось, врачи уже ничего удалять не стали. Это было бесполезно. Пищу организм отторгал. Спасала глюкоза, которую ему регулярно вводили в измученные от уколов вены. Боли были такие сильные, что Юра часто сползал с кровати и корчился на полу, стараясь не кричать, чтобы не пугать детей.

Когда Лида была на работе, за сыном ухаживала мать. Оля помогала по хозяйству. Даже маленькая Светочка тоже как будто понимала, что в семье горе, перестав капризничать и своевольничать.

Почти два года прошло после первой операции. Молодой организм долго сопротивлялся страшному недугу. Юра уже давно догадался, что неизлечимо болен. Он не жаловался на горькую судьбу, мужественно переносил боли и процедуры.

– Знаешь, Лида, я не хочу умирать зимой. Постараюсь дотянуть до весны, чтобы легче было выкопать могилу и чтобы меня не закидали комьями земли. Пусть она будет для меня пухом, – пытался он ещё и шутить.

– Не говори так, – строго отвечала на это Лида. – Зачем ты раньше времени себя хоронишь...

Наступила весна. В один из воскресных солнечных апрельских дней Юра спросил у матери, которая только что вернувшейся из магазина, какая на улице погода.

– Такая теплынь, – ответила Амалия Карловна. – Снег уже почти весь растаял, воробы купаются в лужах.

– Лида, подойди ко мне, – позвал Юрий жену.

Она с утра сделала ему обезболивающий укол, сменила под ним простынь, протёрла тело мокрым полотенцем. Сейчас готовила систему, чтобы ввести глюкозу.

– Собери семью, я хочу попрощаться, – буднично сказал муж.
– Нет, – закричала Лида, – нет! Не пугай меня, Юра, пожалуйста, я не хочу, чтобы ты умирал.

– Я ведь всё равно умру, и вы все к этому должны быть готовы.

Возле его изголовья уже стояли мать с Ольгой, а испуганная серьёзностью обстановки Светочка попросилась к матери на руки.

– Пусть у вас всё будет хорошо. Не болейте, живите долго и дружно. Вы ведь у меня такие умницы! И простите меня за всё плохое, что я вам сделал. За это я и расплачиваюсь своей жизнью. За всё надо платить. Я сполна наказан за бессердечность и легкомыслие. И прошу вас, поплачьте, конечно, но не надо так сильно переживать, поберегите своё здоровье. Не думайте, что мне сейчас плохо. Наоборот, мне легче умереть, чем так жить и мучиться. Я давно уже жду этого дня, который принесёт мне облегчение. Оля, ты уже большая, поддерживай маму с бабушкой, люби свою сестрёнку. Мама, я верю, что встречу на том свете с отцом... Я вас всех очень люблю! Лида, останься на минутку, а вы выйдите, пожалуйста, из комнаты. Прощайте, мои дорогие!

Мать с Ольгой, поцеловав больного и забрав Светочку, плача и причитая, вышли из спальни.

– Лида, если есть там, на небе, вторая жизнь, я всегда буду помогать вам оттуда, насколько это будет возможным. Прости меня за всё, моя дорогая! Пройдёт определённое время, необходимое для соблюдения приличий, выходи замуж. Ты ни в коем случае не должна жить одна. Спасибо тебе за терпение и мужество, за то, что умела прощать. А теперь выйди из комнаты. Зайдёшь ровно через пятнадцать минут... Прощай!

– Нет, нет, нет! – запротестовала Лида, припав к больному.

– Лида, не мешай мне, – коротко, но властно потребовал Юрий.

Лида даже не помнила, как вышла из комнаты. На кухне выпила воды, а потом вернулась к двери спальни. Дверь была неплотно прикрытой, и Лида следила за поведением мужа. Он сидел на кровати, с тоской смотрел в окно, потом лёг, перекрестился, повернулся лицом к стене. Через минут семь его тело вдруг задргало в конвульсиях, вытянулось во всю длину кровати. Он страшно захрипел и затих...

Лида ворвалась в спальню. В воздухе уже витал дух смерти. Откуда она знала этот запах, она понять не могла, но он был ей знаком. «Странно, я ведь на похоронах-то была два-три раза в жизни, а запах покойника так хорошо знаю», – отвлечённо думала Лида. Она повернула тело Юрия на спину. В уголках его рта розовым цветом пенилась кровь. Лицо было спокойным и умиротворённым, как будто он спал. В спальню зашли заплаканные Амалия Карловна с Ольгой.

– Больше мне за него бороться не надо, – как-то равнодушно и вяло произнесла Лида. Дикая боль пронзила голову, как будто там торчала толстая игла. Такие прострелы всё чаще изводили её резкими болями.

– Оля, принеси таблетку, – попросила Лида и рухнула на пол, потеряв сознание.

Юре было тридцать два года, когда его не стало.

Люди шли и шли. Огромная толпа шла за гробом, усыпая путь цветами. Сделали большой заказ на поминальный обед в заводской столовой, и в пять заходов накормили всех, кто пришёл проститься с Юрием Килем. Вдове материально помогла заводская администрация, коллеги по работе сдали деньги на погребение, за что Лида была всем очень благодарна.

День похорон, по странному стечению обстоятельств, совпал с днём свадьбы Юры и Лиды. Он был таким же тёплым и ласковым, как и ровно двенадцать лет назад. Но тот апрельский день был светел, радостен, чист и неповторим своим бесконечным счастьем. Этот – наполнился болью, страданиями и какой-то чудовищной безысходностью от того, что всё в жизни оказывается мирражом, что жизнь так непостоянна и коротка.

Юрину могилу, как он того и хотел, засыпали растаявшей и уже подсохшей землёй. Цветов и венков было столько, что уже не хватало места, куда их класть.

Шло время, а Лида не могла успокоиться. Ей было очень нелегко все эти два года, пока Юра болел – и морально и физически, но он был рядом, живой и любимый, и все трудности не казались такими неподъёмными. Она то плакала, то впадала в состояние невменяемости, то вдруг у неё начиналась истерика. Голова болела так часто, что таблетки уже не помогали.

Однажды ночью Амалия Карловна услышала возню у входной двери. Она сразу поняла, что у Лиды снова началась «горячка». Лида стояла в ночной рубашке, держа подмышкой рулон ткани, который она купила себе ещё два года назад. Платье к Первомайскому празднику она тогда так и не сшила.

– Лида, ты куда собралась?

– Я уже давно украла этот отрез и сейчас хочу его вернуть, – глядя куда-то в сторону, с придыханием ответила сноха.

– Кому ты хочешь его вернуть? Посмотри, на улице ночь. Иди, моя дорогая, ложись, – приговаривала свекровь, вытирая слёзы.

Она с трудом уговорила Лиду лечь в постель, а сама прилегла на вторую кровать, чтобы наблюдать за поведением больной. С каждым днём Лиде становилось всё хуже. Как Амалия Карловна ни откладывала визит к психотерапевту, но тянуть уже было нельзя. Неизвестно, что может прийти на ум психически нездоровому человеку.

Лиду сразу же поместили в больницу. Когда её навещали свекровь с Олей, Лида их не узнавала. Бывало, что её болезнь принимала формы агрессии, поэтому на неё надели смирительную рубашку, и несчастная женщина часами лежала на кровати со спелёнатыми руками и ногами.

Однажды Лида сказала врачу, что всё хорошо помнит, и он может спокойно отпустить её домой, что дети и свекровь её уже заждались. Лиду выписали, поставив на учёт в психоневрологический диспансер. Врач предупредил родных, что улучшение временное, болезнь может снова вспыхнуть, и это уже будет необратимо.

Так и случилось. Лиду увезли в больницу в смирительной рубашке. Сумасшедший дом отныне стал её вторым пристанищем.

Не помог ей Юра с того света, как обещал. А Лиде было абсолютно всё равно. Она уже давно не знала, кто такой Юра и какое он вообще имеет к ней отношение. Редкие проблески сознания возвращали её на время в прошлое, но глубоко спрятанное чувство самосохранения гасило эти воспоминания и вновь возвращало её больные мысли в небытие.

Вскоре умерла Амалия Карловна, которая как ни крепилась, тоже не могла справиться с глубокой печалью, отчего постоянно саднило сердце. А над Ольгой и Светочкой взяла опеку младшая сестра Юры, Анна.

г. Павлодар.

Сауле БЕККУЛОВА,

кандидат искусствоведения,

член Союза художников СССР и Казахстана

Мир глазами художника

Альберт Гурьев – художник, чьё имя вызывает прямые и яркие ассоциации с Александром Сергеевичем Пушкиным. Вся жизнь и творчество казахстанского мастера графики прошли в Алма-Ате, куда он приехал после окончания Московского Полиграфического института в 1960 г.

С чего же начиналась его жизнь в искусстве? Первые успехи?

Первая встреча

В кабинет художественного редактора издательства «Жазушы», в Доме Союза Писателей, вошли трое. Они шумно приветствовали Бахыта Машрапова, о чём-то договаривались, весело переглядываясь, а по пути дому кто-то выступил из-за дерева и... Оказалось, меня приветствовали три известные личности (о чём я тогда и не подозревала). Художник Владимир Безелюк, актёр Лев Прыгунов и график Альберт Гурьев. Шумно беседуя, они сопроводили меня до дома, немало смутив громким разговором и напором. Лишь молчаливый великан, шагавший рядом, добродушием и застенчивостью произвёл хорошее впечатление. В суете повседневности вскоре всё забылось.

«По Индии»

И вот однажды, будучи научным сотрудником ДХВ Минкультуры (дирекция художественных выставок), я была приглашена в кабинет Управляющей, Долгушиной Людмилы Алексеевны. Просьба срочно сделать выставку произведений алматинского художника, никуда не выезжая, в городе, несколько удивила. А на пороге кабинета выросли две фигуры, улыбаясь и раскланиваясь. Рослый блондин с ярко-синими глазами представился: «Альберт Гурьев». И добавил, смеясь: «А мы уже знакомы». Его попутчик назвался Вячеславом Каморским. И мы тотчас «погрузились» в его... мотоцикл и с ветерком были доставлены прямо к кинотеатру «Сары-Арка». Эта выставка называлась «По Индии» и имела большой успех. Потом, в мастерской, Альберт показал множество эскизов, зарисовок, путевых альбомов и больших эстампов, посвящённых поездке в эту невероятной красоты и тайны страну. Хрупкие современные студентки «Мохини», «Зулейка», «Симла», «Девушки» – образы сегодняшней Индии. Выполненные в технике фломастера, эти листы с уверенной, скользящей линией полны то задора и смешливости, то задумчивости, печали и изумления в каждом выбранном лице. Хотя самой яркой, несомненно, предстаёт Мохини. Это большешеглая, «газелеокая» девушка с тонким овалом лица возникает на белом пространстве листа как символ необычайно живой и вместе с тем – недосягаемо далёкий. Особая одухотворённость – в облике студентки университета из Бенареса. Сквозь современный облик просвечивает неуловимое очарование древнеиндийских жриц красоты.

Работы о жизни древней Индии исполнены в технике монотипии, чрезвычайно богатой своими выразительными качествами. Тонкие причудливые переплетения линий создают картину величественного и лёгкого «Буддийского храма в Бенаресе». В той же технике – «Будда и жизнь». В ритуальной позе застыл Будда, а на нём – обезьяны. Ритм их движений, несогласованный и буйный, контрастирует со статикой скульптуры, великолепного творения рук человеческих. Изваяние словно оживает под теплом взгляда художника, и сумбурное, буйное движение животных перестаёт казаться единственным проявлением жизни.

Стремительные контуры спешащих индусов, интенсивный ритм и динамика в бытовых зарисовках «Деревня под Махабалипурамом», «Дели. Велорикша, Улочка», «Дождь в Мадрасе», «Бомбей. Улица», «На аэровокзале в Бенаресе».

Бомбей, Дели, Мадрас, Бенарес, Вирасами, Махабалипурам... Меняются певучие и звучные названия индийских городов и сёл, где побывал в 1970 г. автор картин, но неизменными остаются теплота и обаяние их жителей, самобытность и колорит памятников архитектуры, природы и животного мира. Таинственный и притягивающий, мир индийских легенд и преданий манит к себе, «глядит» с офортов и зарисовок А.Гурьева.

А в сентябре 1973 г., когда в Алма-Ате состоялась международная конференция писателей стран Азии и Африки, художник вновь встретился со своими индийскими друзьями. И появились новые зарисовки, согретые теплом узнавания и радости жить.

Немного об Италии

Молчун по своей природе, Альберт обладал замечательным чувством юмора и умел сопереживать глубоко и страстно. А выражалось это прежде всего в творчестве. Так, заметив его сильно осунувшееся бледное, землистого цвета лицо, испугалась. А он, улыбаясь, молча развернул лицом большой эстамп. И впечатались в сознание скульптурно-мощные черты гениального итальянца, подарившего миру свою «Божественную комедию». Со скрещёнными на груди руками,

опустив тяжёлые веки и строго сжав губы, увенчанный лавровым венком, с полотна (а ведь это была бумага!) величественно и задумчиво глядит Данте Алигьери. Это был период работы над книгой. Но камерные иллюстрации «переросли» из книжного формата в станковые, большие, самостоятельные произведения. И техника исполнения другая. Офорт, сухая игла. То есть, работа по металлу, с кислотой и щёлочью, с упорством, достойным подражания, без «антрактов» на сон и отдых. Это и есть вдохновение! Показав мне 11 иллюстраций, художник пристально наблюдал за реакцией. Но вслух своего мнения я не произносила никогда, это автор композиций, видимо, видел и чувствовал без комментариев. А я смотрю, вбирая в себя воздух творения. Вот – форзац «Входящие, оставьте упования». Фронтиспис «Суд Данте и Фемиды». Суперобложка «Песнь о Дантовом суде». И песни I, V, IX и другие. Напряжение нарастает. И тогда Альберт заговорил.

Данте.

– А знаешь, когда мы возвращались из Италии, гид вдруг объявляет: «Просим извинения. Ввиду погодных условий мы вынуждены сделать посадку в Париже, в аэропорту Орли. Задержка продлится не более четырёх часов. Ещё раз приносим извинения». Представляешь? А мы – художники из Казахстана и России, давай обниматься и радоваться, что страшно удивило стюардессу. Ну, вот, посадили нас в автобусы и – в Лувр. Так я там

чуть не потерялся. Забылся. Хожу, смотрю. Ника Самофракийская, Джонконда, представляешь? А потом оглядываюсь, а наших – никого. Взглянул на часы. Словом, нашёл выход. А у наших – паника. Оказывается, автобус три раза объехал Лувр, пока я появился...» И мы рассмеялись от души. К счастью, много позже я увидела Италию собственными глазами, а тогда лишь мечтала, не веря... Но «Данте» Альберта Гурьева навсегда сохранился в сознании как образец неповторимый.

Поэзия казахов, древняя и современная

Впервые А.Гурьев обратился к этой теме в 1969 г. Его книга «Алдаспан. Антология казахской древней поэзии» поразила многих. Тонкое чувство духа, стиля, мощи и глубины вновь открываемых страниц праистории казахов в офортах художника, чьи корни в земле поморов, в Архангельске (где он родился в 1937 г.), ошеломляет. И вместе с тем, даёт чёткое представление о глубоком интересе автора к искусству слова земли, ставшей за долгие годы жизни родной. Именно Альберт Гурьев открывал заново нам философию предков: «Казтуган-жырау», «Асан-Кайгы», «Доспамбет-жырау», «Маргаска-жырау», «Актамберды-жырау», «Таттикара-акын», «Умбетей-жырау», «Бухар-жырау», «Кутеш-акын», «Шал акын». Эти офорты на долгие годы стали олицетворением подлинного творчества и признанием в любви земле, столь полюбившейся художнику. Здесь он с женой Нелей вырастил детей и внуков, здесь состоялся как художник и личность, здесь обрёл свои корни. Тому свидетельством – эта серия гравюр – серия «Саки-тиграхауда» (1972, сухая игла, акватинта), серия «Казахстан интернациональный» (1977, цв. линогравюра и цв. офорт), «Миф о скифе» (1978, цв. офорт) и др. Среди портретов деятелей литературы, науки и искусства, весьма колоритно «вылеплен» образ Олжаса Сулейменова, исполненный пафоса и строгости, в «колкой», живописной манере, дробящей форму, оставляя впечатление отрывистых фраз, бросаемых в пространство.

А в официальной прессе тех лет и позднее нигде не упоминалось имя автора иллюстраций к книге Олжаса Сулейменова «Аз и Я». Меж тем, Альберт тогда показал мне фрагменты текста и попросил никому об этом не говорить. Книга состоялась, имела громкий скандальный успех и... долгие годы шельмования. Однако ныне это – серьёзное научное исследование о главном памятнике Руси – «Слове о полку Игореве», признано всем научным миром. И прежде всего – академиком Д.Лихачёвым, ставшим другом автора. И лишь художник остался «в тени». Но и теперь, беря в руки том этого уникального издания, читатель навсегда запоминает изломы крупного, сочного, широкого шрифта – «Аз и Я» – на обложке раритетной книги. А внутри – бал-балы, лёгкие абрисы юной тюркской красавицы с мечом и чашей, иконописной богоматери с младенцем, сфинкса и богини Исиды, и юного славянского летописца на фоне соборов, и шумерского писца. Альберт Гурьев в том далёком 1975-м вновь показал себя подлинным художником, вынося Слово поэта на поверхность листа через собственное видение и прочтение.

Пушкиниана Альберта Гурьева

Но вернёмся к начальной теме. Тонко чувствуя и зримо воплощая свои чувства художника к классике литературы, Альберт Гурьев создал запоминающиеся образы к М.Ю.Лермонтову «Избранное в 2-х томах» (1976-77, офорт, акватинта, акварель). Таковы портреты поэта, листы к «Мцыри»:

«Побег», триптих «Демон». Есть горькая ирония и сочувствие в иллюстрациях к «Избранному» А.П.Чехова (1979, офорт, акватинта), проникнуты лирикой линогравюры к Н.А.Некрасову (1977-78). Однако, самым впечатляющим в искусстве художника оказался образ А.С. Пушкина и его героев. Ещё в 1974 г. он, работая над двухтомником «Избранного», обратился к высокой поэзии любимого автора. И создал свои замечательные офорты «Муза», «Пушкин в Михайловском», «Вакхическая песня», иллюстрации к «Дубровскому» и «Капитанской дочке».

Демон.

В излюбленной технике офорта, гибкой, подвижной, то струящейся, то вибрирующей линией художник сумел воплотить трепетную силу и звучание поэтического слога. А через 5 лет, в 1979 г. вновь рисует облик знакомый и... всегда новый. Такого Пушкина не создал более никто. В книге «А.С.Пушкин. Лирика». А.Гурьев сделал лишь 5 иллюстраций: «Портрет поэта», «Лицей», «Пушкин в Петербурге», «Узник», «Пушкин в Михайловском». Но каких! Пред вами в короне волнистой шевелюры задумчиво-вдохновенное лицо с летящим профилем. Едва касаются тонкие пальцы приподнятого подбородка, в стремительном порыве, весь – полёт и устремлённость к высшему, опершись на подоконник, светится юностью и одарённостью Поэт. Этот офорт «Молодой Пушкин» вскоре облетел мир, принеся славу художнику! А ещё была линогравюра «А.С.Пушкин, портрет» 1976 года, и «Лирика Пушкина» 1981 г. (автоцинк), и книга «Сказка о золотом петушке» А.С.Пушкина в 1975 г.

В основе почти всех рисунков камертоном стали рисунки пером Пушкина, лёгкая вязь его письма с неповторимостью ритма, темпа, настроения.

Великий Абай впервые перевёл на казахский язык вдохновенную поэзию Александра Сергеевича Пушкина. Отсюда – истоки творческой дружбы наших народов. И неслучайно в нашей стране ежегодно отмечается День памяти гениального русского поэта, певца Свободы в день его рождения – 6 июня. Наверное, и поэтому звонко, свежо и радостно звучат эстампы Альберта Анатольевича Гурьева, воспроизводя музыкальную мощь и прозрачность пушкинской поэзии.

Большинство работ из этих серий стало собственностью Государственного Музея им.А.С.Пушкина в Москве. Есть «Пушкиниана» художника в ГМИ им.А.Кастеева, в музеях СНГ и зарубежья, как и другие его творения. Живой интерес зрителей на отечественных и зарубежных выставках, масса дипломов и грамот, звание заслуженного деятеля искусств Казахстана лишь высвечивают простую истину: пока жива память – жив художник. Таков Альберт Гурьев, художник, поэт, мечтатель. Словно для него и для нас звучат строки А.С.Пушкина:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв!

Асылбек ИШАНГАЛИЕВ

Смотритель Гордон

Среди пустых, выгоревших на солнце пластиковых ангаров ветер крутил несколько маленьких песчаных смерчков, таскал их туда-сюда по двору, словно никак не мог ими наиграться. Наконец забава эта ему надоела и смерчки рассыпались в серую мутную пыль, и ветер тут же унёсся дальше в пустыню, искать себе других развлечений. С утра было не жарко, градусов двадцать пять. Гордон медленно покачивался на стуле, на веранду нанесло всякого сора, и поэтому под башмаками у него скрипел песок. Где-то вдалеке хлопнуло, заскрипело, потом хлопнуло ещё раз. Ветер нашёл себе новую игрушку. Ему приятно было думать о ветре, как о ком-то живом, бывало, он часами разговаривал с ним о пустяках. Говорил он так же и с амбарами, и с некоторыми вещами в доме. Так он возмещал нехватку общения. Хорошо бы было, если бы здесь водилась какая-нибудь живность. Но не было здесь никого. Ставня всё хлопала. Размеренно, как автомат, легкий скрип, визг, а потом хлопок. Надо бы сходить закрыть, но лень. И потом этот размеренный точный стук, его даже как-то приятно слушать. Хоть какое-то разнообразие, кроме монотонного завывания ветра. «Нет, – решил Гордон, – надо всё-таки сходить, отремонтировать. А то ещё неровен час, сорвёт эту ставню ветром... От станции уже почти ничего не осталось, надо беречь то, что есть...»

Он тяжело поднялся на ноги, плохо смазанные суставы тихо скрипнули, хрустнул под ногами песок. Не торопясь, куда ему спешить, Гордон спустился по маленькой лесенке во двор. Ступенек было три. Верхняя сидела крепко, вторая чуть пошатывалась, а третья, самая нижняя, уже почти сравнялась с землёй, её замело песком. Во дворе Гордон неспешно осмотрелся. Оглядел погребённое в песке, давным-давно проржавевшее оборудование, ряд ангаров, гулких и пустых, их распахнутые ворота чернели пустотой. Поглядел, не спеша, на небо. Потом осмотрел горизонт. «Хороший сегодня будет день...», – решил про себя Гордон. И усмехнулся. Он вдруг вспомнил, что почти каждое утро думает почти одно и то же. Хороший будет день, или плохой будет день? Интересно, сколько плохих и хороших дней приходится на год, пятьдесят на пятьдесят? Задумавшись, он снова посмотрел на небо. И замер. Бледно-голубое, словно выцветшее от жары небо, пересекала длинная, слегка размытая белая черта. На самом конце она расширялась, словно расплзалась по небосводу, но в самом начале она была чёткая и прямая, и там, на самой вершине этого своеобразного конуса было видно быстро несущееся к земле чёрное тело. Перед глазами полыхнули изумрудные строчки, это вышел на связь главный компьютер. Но и без него Гордон уже понял, что видит идущий на посадку космический катер, а белая линия – это оставленный им паровой след. Не отрывая от него взгляда, Гордон сделал несколько неуверенных шагов. Происходило что-то необычное. Почти девятнадцать лет назад последний корабль, взметнув своими дюзами песок, поднялся с этой планеты и улетел в космос. И с тех пор ни слуху, ни духу. И вот теперь этот катер.

Но что-то неправильное было в этом катере, что-то резало глаз. Гордон прикрыл глаза ладонью, линзы в окулярах уже успели помутнеть от старости, он стал хуже видеть. Наконец, он понял. У катера была слишком велика скорость для посадки. И вёл он себя не так, как положено. Его то подбрасывало вверх, то швыряло из стороны в сторону. Прищулив глаза, Гордон наблюдал за этими странными эволюциями, одновременно рассуждая о том, откуда взялся этот катер после стольких лет забвения. А катер был уже совсем близко.

Упала сверху оглушительная звуковая волна, в домике зазвенели, задрезжали оконные стёкла. Взметнулась пыль. Пригнувшись, Гордон наблюдал за кораблём. Вот он летит над пустыней, ему почему-то бросилась в глаза прыгающая по песчаным кочкам быстрая тень. Неожиданно под днищем у катера вспыхнуло ярко-жёлтое ослепительное пламя пороховых ускорителей. Катер подбросило в воздухе, скорость его резко упала. Но и это не помогло. Скорость была всё ещё слишком велика. Катер врезался в землю в каких-нибудь ста метрах от Гордона, так что он всё видел. Первое касание прошло неудачно, от удара катер вновь подбросило в воздух. Из днища выскочили ажурные конструкции посадочных амортизаторов. Корабль снова упал на землю. Резко завизжал металл, в стороны полетели обломки. Колоссальная энергия, набранная им во время падения, поволокла катер по земле, клубами вздымался песок. Наконец сила инерции перестала тащить катер, и он остановился.

Гордон всё ещё стоял, поражённый этим необычайным зрелищем. «Что за странная посадка?..» – подумал он. И тут, наконец, понял, это была не посадка, это же было крушение! Аварийное приземление... Разгребая песок, Гордон бегом бросился к лежащему на земле кораблю.

Ноги его не слушались, суставы гнулись плохо, со скрипом. Наконец он не выдержал, остановился и с силой ударил по правому колену. Потом ещё раз. Что-то хрустнуло. Бежать стало чуть легче. Наконец он поравнялся с потерпевшим крушение кораблём.

Это был межзвёздный катер. Катера подобного типа использовались для коротких, до месяца, перелётов. Подойдя поближе, Гордон понял, что все его опасения были напрасны, корабль при посадке практически не пострадал. Только торчала из-под днища искорежённая арматура – остатки системы амортизации. Тихо потрескивала, остывая, раскалённая обшивка. Гордон нашёл люк, постоял перед ним в нерешительности, потом отошёл в сторону и сел на песок. Он решил пока подождать, неведомым пилотам надо было дать время прийти в себя.

Было десять часов утра по местному времени, солнце карабкалось к полуденной черте, тень от корабля была короткой и не давала прохлады. Ветер, словно любопытный щенок, гулял вокруг корабля. То подбирался поближе, то, внезапно испугавшись, отскакивал назад. Песчинки деликатно постукивали в изъеденную атмосферой обшивку, возле посадочных опор уже наметало пока еще маленькие сугробики слегка красноватого песка. Когда прошло полчаса, Гордон стал беспокоиться. Он уже хотел постучать в бронированную дверь, но решил подождать ещё чуть-чуть, люди – существа любопытные. Казалось бы, после приземления надо бы сразу заняться ремонтом, так нет, первым делом они обязательно выглянут наружу – оглядеться. И так и есть, неожиданно зашипело, на корабельной броне появились чёткие вертикальные щели. Разломившись на две части, люк стал открываться. Верхняя его половина откинулась на крышу, нижняя мягко опустилась на землю, образовав трап. По нему легко и быстро стала спускаться невысокая стройная девушка лет двадцати. Но на середине пути она остановилась, и напряжённо огляделась по сторонам. При этом она слегка прикусила нижнюю губу и между бровей у неё собралась маленькая складочка. Одежда она была в лёгкий полотняной комбинезон и синюю штормовку. На левом плече белела эмблема исследовательских служб. На ногах у неё были ботинки от скафандра: на высоких пластиковых голенищах были видны пристёжки для шлангов. На поясе у неё почему-то висел нож в потёртых кожаных ножнах. На голове была лишь лёгкая полупрозрачная каскетка и волосы, ничем не стеснённые, легко падали на плечи. У неё были красивые светлые волосы, с тем лёгким золотистым оттенком, словно бы они слегка выгорели на солнце.

Наверное, удовлетворившись осмотром, девушка продолжила спуск по трапу. Судя по всему, Гордона она даже не заметила. Гордон поднялся с земли,

стараясь делать всё как можно медленнее, чтобы не скрипели суставы. Сделал два неуверенных шага.

– Здравствуйте, – сказал он, наконец. – С удачным вас приземлением.

Девушка резко повернулась, одновременно шагнув назад, покачнулась на краю трапа, потеряла равновесие, взмахнула руками и свалилась на землю.

– Ой! – сказала она, – извините, я так испугалась...

– Это ничего, – сказал Гордон, жалея, что не может улыбнуться. – Надеюсь, вы не ушиблись?

– Сейчас или до этого? – спросила девушка, поднимаясь, Гордон подал ей руку.

– Вообще, – сказал он.

– Вроде нет, – улыбнулась девушка. – Редкостная неудача, кончилось топливо...

– Вы одна? – поинтересовался Гордон.

– Одна, – согласилась девушка.

– Надеюсь, вы уже подали сигнал бедствия?

– Да, конечно, – кивнула девушка. – Обещали прислать ремонтный бот через неделю.

– Это хорошо, – сказал Гордон, потом, подумав, добавил: – Извините, я забыл представиться. Я АРУ-215/7 ID. Автоматический смотритель. Вы можете звать меня Гордоном.

– Спасибо, – почему-то сказала девушка. – А меня зовут Наде. Я этнолог.

– Очень приятно, – кивнул головой Гордон. – Надеюсь, корабль не получил повреждений?

– Небольшие... – сказала Наде. – Я уже активизировала ремонтные системы.

– Понятно, – сказал Гордон. – А я так с самого начала и подумал, что в корабле женщина.

– Это почему? – удивилась Наде.

– Пять минут на подачу сигнала бедствия и проверку системы, ну еще пять на активизацию ремонтных автоматов. Ну а в остальное время приводили себя в порядок?

– Нет, – Наде улыбнулась. – Сначала привести себя в порядок, а потом уже сигнал бедствия и ремонтные автоматы.

– Пойдёмте на станцию, – сказал Гордон. – Я постоянно держал в порядке одну жилую комнату. Так, на всякий случай. Там вам будет гораздо удобнее, чем в катере.

– Конечно, – сказала Наде. – Вот только возьму свои вещи.

– Я крайне удивилась, обнаружив ваш наводящий луч, – сказала Наде по пути на станцию, пока они шли по иссечённой песком и сглаженной ветром земле, оставляя за собой неровные цепочки следов. – Вроде бы как абсолютная пустынная планета и тут... В общем, я решила проверить и, как видите, не ошиблась.

– Да, вам повезло. Система посадочной навигации одна из последних систем, что всё ещё работает здесь. Остальные уже давным-давно вышли из строя.

– Давным-давно – это сколько лет?

– Девятнадцать.

– Так долго? Почему же из Центра не прислали ремонтную бригаду?

– Ну, я сам давно ломаю над этим голову...

– То есть это как? – снова удивилась Наде.

Гордон вздохнул. Или это ей показалось, что он вздохнул, и в самом-то деле, как может вздыхать робот? Гордон был человекоподобной машиной, то есть обладал руками, ногами и голосом. На этом сходство кончалось. Наверное, конструкторы намеренно придали Гордону такой нарочито механический вид: суставчатые манипуляторы, голос, идущий из сетчатого динамика в нижней

части головы. Гордон был немного аляповат, от такого робота должно пахнуть машинным маслом. И от Гордона на самом деле пахло. Но что-то в Гордоне смущало Наде, было в нём нечто непонятное и тревожное. И это тревожило. Понадобилось пройти почти половину пути от катера до станции, чтобы Наде поняла причину. Голос, разговор, интонация. Гордон говорил мягко, ровно, как и положено автомату, но, тем не менее, его голос пугал её. Ей уже приходилось работать с андроидами, у них была богатая интонациями речь, они обладали лицами и мимикой, и, тем не менее, их голоса не пугали. В них что-то отсутствовало такое, что присутствовало в голосе Гордона. «Антропоморфизм», – с усмешкой подумала Наде. Иду по пустыне и занимаюсь антропоморфизмами. На её факультете слово антропоморфизм считалось ругательным.

– Дело в том... – снова заговорил Гордон, и Наде непроизвольно поморщилась. Она сделала вид, что ей песчинка попала в глаз и даже кулаком глаз протёрла. «Ну что же такого в его голосе?» – со злостью подумала она.

– Дело в том... – продолжил Гордон после секундной паузы, – что вот уже девятнадцать лет на мою станцию не селись корабли. И даже не проходили мимо.

– Ну а вы сами, – неуверенно сказала Наде, – могли бы...

– На автоматических станциях этого типа, – объяснил ей Гордон, – передатчики космической связи не устанавливаются. Здесь, собственно говоря, нет даже маленького, как на других станциях, автономного радиопередатчика.

– И все эти годы из Центра не было ни слуху, ни духу? Ни одного сигнала?..

– Да, – сказал Гордон, – именно так. Мне повезло, что вы пролетали мимо. – На подлёте к планете вы заглядывали в бортовую лоцию?

– Нет, – покачала головой Наде. – Некогда было. Но это можно будет сделать со станции.

– Да-да, конечно, – кивнул Гордон. – Как это я сразу не догадался. Но, конечно, сначала завтрак. Вы завтракали?

– Нет, – вдруг улыбнулась Наде. Может быть, это получилось автоматически, но на такой вопрос принято отвечать улыбкой.

– Так я и думал, – сказал Гордон. – Я бы с удовольствием угостил вас завтраком, но, боюсь, продукты на складе уже пятикратно превысили свой срок хранения. Но я могу приготовить вам завтрак из ваших продуктов.

– Что ж так, – Наде остановилась, – надо же было сразу захватить! Как я не подумала?..

– Ничего, – сказал Гордон, – я захватил.

Только тут Наде заметила, что кроме её рюкзака Гордон несёт ещё и сумку с продуктами. Они снова двинулись.

– Скажите, Наде, – снова заговорил Гордон через некоторую паузу, заполненную только шуршанием песка под ногами. – Если вы не против, можно будет к вам обратиться на «ты»? Это облегчит общение.

– Конечно можно, – сказала Наде. – Давай будем на «ты».

Они подошли к станции.

После завтрака Гордон начал прибирать со стола, а Наде сразу же села за компьютер.

– Какая старая система, – сказала Наде. – Я с такой никогда не сталкивалась.

– Другой нет, – сказал в ответ Гордон, скинул посуду в утилизатор и подошёл к Наде.

– Как выйти на связь с катером? – спросила Наде. – Я, собственно, не совсем...

– Всё просто, – мягко пояснил ей Гордон. – Разрешить?

Он положил руку на мышку, несколько раз ударил пальцем по клавишам.

– Какой код на катере? – спросил он чуть погодя.

Наде быстро набрала код. Гордон повозился ещё немного, потом отступил в сторону.

– Ну, вот и всё, – сказал он.

Наде быстро сориентировалась и вывела на экран бортового лощмана.

– Какие здесь координаты? – спросила она.

– AD – 15 (D – 3).

– Хорошо, – кивнула Наде, возвращаясь к работе.

– Знаешь, – неожиданно сказал Гордон, – и раньше случались долгие простои в работе, но когда они затянулись на три года, я впервые задумался о том, что же могло произойти. По крайней мере, две гипотезы появились сразу: первая, это то, что с человечеством произошла какая-то неясная катастрофа. Я откинул её как несостоятельную, хотя, конечно, и не отказался от её разработки совсем. Но вот ты прибыла на станцию и эту гипотезу можно с уверенностью отложить в сторону. Вторая гипотеза звучала просто – про станцию забыли.

– Забыли? – переспросила Наде.

– Ну да, – сказал Гордон. – Раньше моя станция располагалась на перекрёстке звёздных трасс, сюда постоянно кто-то заезжал. Но потом наш сектор был объявлен сектором освоения, Центр переместили в другое место и ко мне стали заезжать всё реже и реже. Говорили о том, что станцию скоро закроют. Но я полагал, что, закрыв станцию, её обязательно должны демонтировать. Этого не случилось. Я думаю, о станции просто забыли.

– Как же забыли? – сказала Наде. – Столько оборудования бросить под открытым небом?

– Бывает, – сказал Гордон. – С вашей бюрократией всё бывает. Ну, как там, нашла или нет?

– Нашла, – сказала Наде и вывела необходимый текст на экран.

– Так, – сказал Гордон. Он читал текст, заглядывая ей через плечо. – Вторая планета звезды AD – 14-17 (D-3) Общего навигационного каталога сектора D. Период обращения... Средний радиус... Спутники... Чёрт, всё не то!

Он снова перехватил у Наде мышку и стал быстро листать страницы.

– Микрофлора... геологические пробы... Планета биологически неактивная, пригодная для жизни. Не рекомендована для колонизации... Опять не то!

– Посмотри историю освоения, – посоветовала Наде. Её опять раздражал голос Гордона. Она сидела к Гордону спиной и не видела его, но ей постоянно казалось, что он подпрыгивает от нетерпения. Она даже ненароком бросила взгляд через плечо. Конечно, никуда Гордон не подпрыгивал. «Да и куда ему прыгать, – подумала Наде, – сто пятьдесят шесть кило».

– Точно, – сказал Гордон. – История освоения. Итак, открыта разведочной экспедицией в марте 2165 года. Так, это не важно... Исследована экспедицией... опять не то... Ага, не рекомендована к колонизации! Вот, в июне 2168 года... построена заправочно-пересадочная автоматическая станция, класса...

– У тебя здесь заправочная станция? – быстро спросила Наде.

– Ну и? – сказал Гордон, потом догадался, – ах да! У тебя же кончилось топливо. Но Наде, боюсь, у меня нет аккумуляторов для катеров твоей модели.

Неожиданно его руки дёрнулись.

– Ну вот, – сказал он. – Станция закрыта в мае 2177 года за нерентабельностью. Так я и знал.

– А как же демонтаж оборудования? Ведь так нельзя.

– Забыли, – сказал Гордон. – Так бывает.

– Ну хорошо, – подумав, сказала Наде. – Но насчёт аккумуляторов... Может, стоит посмотреть?

– На что тебе аккумуляторы! – неожиданно резко сказал Гордон. – Сейчас схожу, посмотрю...

И он быстро вышел из комнаты. Наде проводила его глазами. «Да что такое? – подумала она. – Можно подумать, что он расстроился. Бред. Всё это твоё пресловутое первобытное воспитание, за любой вспышкой молнии готова увидеть немилость богов. Но всё же, что здесь не так?». Она потёрла руками лицо. Гордон раздражал её, он казался двуличным, расплывчатым. Так бывает, когда создаёшь своё мнение о незнакомом тебе человеке заранее, по его виду, по чьим-то там рассказам, а потом, встретив его, обнаруживаешь, что он совсем не такой. И в первые минуты общения с ним возникает какое-то чувство неловкости. Вот что вызывает Гордон – неловкость. Словно он не такой, каким должен быть.

Дверь снова открылась, на пороге возник Гордон.

– Наде, я подумал, что тебе будет интересно сходить вместе со мной.

Они выбрались в коридор, из коридора – в небольшую веранду и уже оттуда вышли на улицу. Было уже за полдень, солнце висело над их головой, сонный, горячий ветер вяло тормозил песок у них под ногами. Наде и раньше приходилось бывать на самых разных космических станциях, но такую она видела впервые. И дело было вовсе не в устаревшей архитектуре, просто Наде впервые увидела до такой степени заброшенную станцию. На всём лежала печать запустения. Когда-то металлопластиковая кровля самой станции и ангаров была ярко-красной, хорошо видимой сверху. Теперь краска облезла, ветер и песок содрали её, обнажив пластик, тоже прилично исцарапанный. Саму станцию Гордон ещё поддерживал в относительном порядке, красил крышу, менял треснувшие плитки покрытия, однако ангары совсем обветшали. Наде поняла это, когда они подошли к ним поближе. Почти все ворота были распахнуты, внутрь намело порядочно песка и пыли. Наде потрогала одну из раскрытых створок, она намертво засела в песке.

– Нам сюда, – сказал Гордон и повел её внутрь второго ангара. Там было светло, свет попадал сквозь раскрытые двери и через многочисленные дыры в кровле. Заходя, Наде обратила внимание на механизм запирающего ворот, он был старым и ржавым. Все части покрылись налётом прилипшего к смазке песка, металлические части потускнели, а местами были бурыми и бугристыми от проевшей железо ржавчины. Под потолком шли ажурные конструкции металлических ферм, на них висели мощные лампы и краны. Краны и лампы давно уже не работали, лебёдка одного из кранов не выдержала, трос размотался, и кран лежал теперь на полу. Металлические фермы наоборот выглядели почти новыми и блестели под солнцем. Ангар был пуст, только в одном углу стояла пирамида непонятных пластиковых контейнеров, да кое-где из песка, устилавшего пол, торчало какое-то оборудование.

Они прошли в самый дальний угол ангара, и там Гордон на секунду остановился, чтобы отцепить с пояса фонарик. Перед ними была тяжёлая стальная дверь с мощным ручным запором. Автоматический запор, как и освещение, не работал. Дверь вела в подземные склады. Гордон всей тяжестью налёг на рычаг и открыл дверь. Открылась она с долгим пронзительным скрипом, за дверью угадывалась лестница и коридор. Гордон включил фонарик и начал спускаться. Наде пошла за ним. В местном подземелье было прохладно, темно и неожиданно чисто. Подземный склад не был пустым, как предполагала Наде, наоборот, он был набит до отказа. Здесь огромной грудой, местами достающей до потолка, громоздились ящики с продуктами, какие-то материалы, непонятный хлам. Было похоже на то, что Гордон демонтировал и сложил здесь половину станции. «Нам сюда», – сказал Гордон, махнув фонариком в сторону, и провёл её к пластиковым контейнерам. Самый ближний Гордон тут же открыл. Там в двух ячейках лежали матовые цилиндры корабельных аккумуляторов. Пока Наде светила, Гордон с трудом выволок один из аккумуляторов из ячейки и положил его на пол.

Аккумулятор выглядел неважно, металл потускнел, пластик покрылся налётом. Гордон проверил напряжение и разочарованно покачал головой. “Сдох”, – сказал он коротко и потащил из ящика другой.

– Не стоит, – сказала Наде нетерпеливо, – всё равно не та модель.

Но Гордон был упрям. На пробу он вскрыл ещё несколько ящичков и убедился, что весь его запас аккумуляторов безнадежно испорчен. Гордон аккуратно вытер испачканные смазкой ладони и посмотрел виновато на Наде.

– Ничего нет, – сказал он. – Вот как глупо получилось.

– Ладно, брось, – попыталась успокоить его Наде. – Восемнадцатого придёт бот и всё будет..

– Когда?! – неожиданно резко перебил её Гордон.

– Восемнадцатого, – пролепетала испуганно Наде. – Через неделю, я же говорила...

– То есть именно восемнадцатого?

– Ну да... А собственно...

– Ничего особенного...

Он подобрал свой фонарик и побрёл к выходу. Наде растерянно огляделась, на полу лежали обрывки упаковки, вынутые аккумуляторы.

– А как же... – начала она, но Гордон, не дослушав, махнул рукой:

– Пускай лежат. Всё равно это никому не нужно. Ничто здесь никому не нужно.

Не останавливаясь, он с размаху пнул ближайший контейнер, стенка его лопнула, на пол посыпалась какая-то труха. Наде всё ещё стояла среди хаоса развороченных вещей в непонятной ей самой растерянности, и Гордон позвал её от дверей:

– Пойдём, – сказал он. – Не стоять же здесь...

Они выбрались на поверхность, пересекли ангар и вышли на улицу. Там всё было, как прежде, горел под солнцем песок, ленивый ветер крутил пылевые смерчи, пластиковая кровля грелась под солнцем, и от неё пахло краской. Они пошли в сторону жилого комплекса. Наде искала глазами космодром и не нашла его, за долгие годы его занесло песком. Только в отдалении торчали из песка какие-то непонятные металлические фермы.

– Что это там? – спросила Наде у Гордона.

– А это... – сказал Гордон разочарованно, – я там пытался построить антенну, чтобы послать сигнал бедствия.

– И что, – спросила Наде, – не вышло?

– Нет, – покачал головой Гордон. – Бросил.

Она кивнула, и они пошли дальше.

Больше в тот день они на улицу не выходили. Гордон сидел в кают-компании, а Наде сначала разбирала вещи и устраивалась в своей комнате, потом достала “Вестник этнологии” за прошлый месяц и попыталась читать, но вскоре бросила. Потом Гордон позвал её ужинать, после чего она сразу же легла спать. Так закончился этот долгий, полный разных событий день.

Ночи на этой планете были тёмными, луна, слишком маленькая для такой планеты, не могла разогнать эту темноту и светила в небе, как фонарик с севшими батарейками, и такой же был от неё свет, сумеречный, неясный. В темноте вокруг станции гулял ветер и шуршал песок, поднятый им, стучал в окна и Наде, сидя за столом, отодвинув в сторону компьютер, вспоминала, как точно так же дождь стучал по окнам многочисленных придорожных трактиров, и как приятно было, проснувшись утром, услышать за окном шелест дождя. Где-то в соседней комнате что-то упало и покатилося с дребезгом. Приглушённо выругался Гордон. Роботы неспособны ругаться. Это чисто человеческая привычка. Чтобы

выругаться, надо почувствовать досаду, боль, разочарование. Проще говоря, надо уметь чувствовать. Наде снова почесала свою светлую голову, словно таким образом могла найти ответы на мучившие её вопросы. Конечно, многие роботы умели говорить. Человек имеет привычку одушевлять окружающие его предметы, любит говорить с ними. Наверное, поэтому когда-то давно вошли в моду “говорящие” автоматы. Они были способны сами по себе задавать вопросы, внимательно выслушивать ответы, болтать о всякой чепухе. Всё это Наде, конечно, знала. Да что там знала, она много раз работала с подобными автоматами и никогда, ни разу не доводилось ей испытывать в общении с ними какую-либо неловкость. Гордон же был иным. Он говорил так, как может говорить человек. А такого не бывает. Наде сжала голову руками, конечно, такого не бывает. Робот есть робот, компьютер, автомат... Так в чём же дело? За те два дня, что прошли с момента её высадки на этой планете, она разговаривала с Гордоном всего несколько раз, но по-настоящему обо всём задумалась только сейчас. Тому были свои причины. Наде потёрла ладонями лицо, словно стараясь прогнать неприятное воспоминание. Это случилось, наверное, с полчаса назад. Она уже разделась и легла в постель, когда вспомнила, что забыла на кухне журнал и, поднявшись, не потрудившись даже накинуть халат, вышла в коридор, а оттуда на кухню. Там она застала Гордона. Тот сидел за столом и разбирал какой-то аппарат. Услышав её шаги, он обернулся. Он, наверное, хотел что-то сказать, но не сказал, только что-то треснуло в динамиках. И она стояла секунды две под этим взглядом, а потом закрылась руками и, вскрикнув, выскочила в коридор и уже оттуда, пятясь, проскочила в свою комнату. И теперь, вспоминая это, она снова пыталась найти объяснение своему поведению. Ведь когда она шла на кухню, она прекрасно знала, что застанет там Гордона, знала и не придавала этому значения, разве можно стесняться утюга или чайника? И, тем не менее, взгляд Гордона, или может быть то, что, повернувшись к ней, он хотел что-то сказать, но не сказал, а может, что-то иное отбросило её назад, заставив обо всём вспомнить, и о наготе своей, и о многом другом. Гордон только глянул на неё, да нет, такого не может быть, взглядом может обладать только тот, кто имеет глаза, а у Гордона глаз нет, только две тусклые стекляшки телеобъективов. А может быть, в этом дело? Может она испугалась именно неживого взгляда? Дело ведь не только во взгляде! Слишком много вокруг Гордона неясного, непонятного... И надо, наконец, признать, что робот с нестандартными реакциями опасен. Какие такие реакции? Реакции нестандартные для робота и обычные для человека. Не наломать бы дров...

Наде встала, прошлась по комнате, снова села. Ей вспомнился эпизод, когда она то ли в шутку, то ли от нечего делать спросила у Гордона, зачем ему так много сидеть.

– Коленные суставы совсем износились, – сухо ответил ей Гордон. – Нужно беречь.

И линзы в окулярах у него помутнели, и спина плохо сгибается... Робот-старик, что ж, старость из кого угодно сделает человека... Наде вздрогнула. Вот она и задала себе этот вопрос: можно ли робота считать человеком? Любой робототехник даст категоричный однозначный ответ: «Нет!». А она сама? Что может сделать с роботом восемнадцать лет одиночества? Почему он так ждал вестей, почему пытался дать о себе знать, зачем строил эту гигантскую антенну? Правда, потом он её забросил. И не так уж он обрадовался гостье, не ломился в корабль, сидел рядышком и спокойно ждал. Вот это уж точно не человеческие реакции. Да и потом, что значит девятнадцать лет одиночества? Да хоть пятьдесят – ведь это же машина, она же железная!

Какое-то смутное беспокойство охватило Наде, ей почему-то вдруг захотелось вновь встретиться с Гордоном, вывалить на него всю эту гору накопившихся у неё вопросов и посмотреть, как тот будет юлить. Наде встала, снова походила из угла в угол своей маленькой комнаты, потом, наконец, решила, натянула штаны, накинула поверх футболки штормовку и вышла в коридор. В коридоре было темно, горела только самая дальняя лампа, да и то еле светила, тускло, в полнакала.

– Гордон, – осторожно позвала Наде, а потом ещё раз, громче: – Гордон!

«Ну, что я делаю», – подумала она. Ну, сейчас он появится, ну что я ему скажу? Но никто не отзывался. Наде быстро прошла по коридору, заглянула в кухню, в заброшенную кают-компанию. Пусто.

– Гордон! – снова позвала она, ей стало страшно. Никто не отзывался.

Может быть, он на веранде, подумала Наде, сидит, смотрит на звезды. Почему-то ей было страшно выглянуть на улицу. Осторожно она коснулась рукой пояса, нащупала нож. Это движение добавило ей бодрости и рассмешило её. В самом деле, кто ещё во всём космофлоте, кроме неё, в минуту неуверенности и опасности хватается за нож? Что поделаешь, привычка... Она вздохнула поглубже, и распахнула входную дверь. На улице было тихо, на веранде никого не было, только качалось лежонько алюминиевое кресло-качалка, в котором любил сидеть Гордон. Наде вышла наружу.

– Гордон!.. – позвала она неуверенно. Ответом ей опять была тишина. Медленно, тихо, она спустилась по крылечку и только тут огляделась. И замерла, поражённая.

Небо над ней полыхало. Она ещё никогда не видела такого неба, яркого, полыхающего всеми огнями неожиданного на экваторе северного сияния. Да только такого сияния не бывает, всё небо было словно огромное полотнище, колыхающееся под ветром и по этому полотнищу в бешеном темпе мотались цветные прожектора каких-то неведомых исполинских осветителей. Тут и там ярчайшими звездами вспыхивали огни, словно бы рвались там какие-то ракеты и шутихи, цвета менялись с какой-то головокружительной быстротой – всё вокруг сияло. Никогда ещё Наде не приходилось видеть таких чётких красок, говорят, человеческий глаз способен различить несколько тысяч самых разных оттенков, здесь, на этом небе, они были все!

Сколько ещё времени она простояла во дворе, неясно, но долго, у неё затекла шея и пересохла глаза, потому что она забыла моргать, такое над ней было небо. «Где же камера?» – всколыхнулась в голове запоздалая мысль и она вспомнила где, в комнате, в сумке, так и лежит бедная, не распакованная... Надо немедленно вернуться, и принести камеру. Пока ещё не поздно... Повернувшись, она сделала несколько шагов и побежала, но не к дому, а в противоположную сторону, в пустыню. Она и сама толком не понимала зачем. Может быть, ей поначалу казалось, что она бежит за камерой, а потом она поняла, что ей хочется отбежать подальше от станции, чтобы обозреть всё это небо сразу, от одного его горизонта до другого.

Наконец, она остановилась, какое-то непонятное радостное чувство переполнило её до краёв, вся она была полна этого сияния. Радость зудела в теле, заставляла её подпрыгивать на месте и, кажется, даже петь. Не только небо, всё вокруг было полно этим сиянием, полыхал под небом песок, яркие блики падали на стены станции. Небо пульсировало сотнями красок и вскоре в ритме этих пульсаций всё исчезло, и небо, и пустыня, и станция. Наде протянула перед собой руки и, приплясывая, смотрела, как на них равномерно падают яркие блики, а потом руки исчезли, растворились на этом великолепном фоне. Прямо перед глазами засветилась, заискрилась ослепительно белая небесная шутиха и

Наде, смеясь, погналась за ней, стараясь поймать её за хвост. Но шутиха ускользнула и Наде, устав, села на какой-то особенно яркий оттенок и прикрыла рукой глаза. Нечем было прикрывать, руки не было. Не было и век, нечем было моргнуть. Не было и ног, или, по крайней мере, она не видела их. И испугавшись, что всё может исчезнуть, она вскочила. Стало зябко и страшно. Всё вокруг изменилось, цвета стали холодными, угрожающими. Теперь они не стояли на месте, они кружились, и Наде кружилась вместе с ними. Всё вокруг неё закручивалось в гигантском водовороте, а потом замерло, превратившись в длинный узкий туннель или какую-то трубу. Наде пошла вдоль этого туннеля и вскоре последние цвета пропали, и вокруг осталась только тьма.

Наверное, она ненадолго потеряла сознание, потому что, очнувшись, она обнаружила, что лежит на полу, а вокруг неё была странная тьма, которая хлопотала в тишине. Наде пошарила вокруг себя руками и решила, что это скорее какой-то помост и помост этот медленно вращается, и она вращается вместе с ним. Где-то над ней переговаривались чьи-то неясные голоса. Они думают, что она спит, поняла Наде, а она проснулась и слушает...

– Кто она? – допытывался у кого-то тяжелый баритон... И Наде мысленно назвала этот голос Хирургом.

– Почему их двое, – верещал кто-то пронзительно. И Наде сначала назвала его Ассистентом, а потом Первым ассистентом, потому что в разговор вмешался Второй ассистент.

– Она только пришла, – сказал он.

– Но почему, – удивился Хирург. – Ведь мы же предупреждали его!

– Это не по правилам, не по правилам! – заверещал Первый ассистент и в голосе его слышался неподдельный ужас. – Желание только одно!

– Желание одно, а их почему-то двое, – задумчиво сказал Хирург. – Я не знаю, что нам делать, может быть, уйдём?

– Погодите, – сказал Второй ассистент. – Давайте сначала поговорим с ней.

– Она спит, – возразил ему его визгливый коллега.

– Нет, – сказал Второй ассистент. – Она уже не спит, она проснулась и слушает.

– И ничего я не слушаю, – сказала им Наде. – Я только что проснулась.

– Кто ты? – строго спросил Хирург.

– Я – Наде, – сказала Наде. – А нельзя ли сделать так, чтобы этот проклятый помост перестал вращаться?

– Это что, уже желание? – удивился Хирург.

– Да нет же, – раздражённо пояснил Второй ассистент. – Просто ей не нравится, что её крутят.

– Ничего, – злорадно сказал Первый ассистент. – Потерпит. Влезла вне очереди, так пускай терпит.

– И не подумаю! – возмутилась Наде, и села. – И куда я не лезла, я просто вышла на улицу посмотреть на Сияние.

– Ладно, ладно, – сказал Хирург раздражённо. – Давай быстренько говори, чего ты там желаешь.

– Это не по правилам, – возмутился Первый ассистент. – Желание же только одно...

– Но я же должен узнать, чего она хочет, – перебил его голос Хирурга. – Давай говори.

– А что говорить? – спросила Наде.

– Любое желание, – пояснил Второй ассистент. – Лучше самое заветное.

– А вы его исполните?

– Мы ещё подумаем, – сказал ей Хирург. – Давай быстрее. Скоро рассвет...

– Я не знаю, – прошептала Наде. – Я не думала...

– Она не знает, – издевался над ней Первый ассистент. – А какого чёрта тогда припёрлась?

– Помолчите, – грубо прервал его голос Хирурга. – Не она первая. Не хочет сказать так, узнаем сами.

– Нет! – закричала Наде в предчувствии чего-то неумолимо страшного. – Я не хочу!

Какая-то сила пришла из тьмы вокруг, снова уложила её на помост и распяла её на нём. Она лежала не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. На своих волосах, на своей коже она чувствовала движение воздуха, откуда-то сверху незримо летела на неё какая-то страшная масса, готовая в мгновение расплющить её, растереть в порошок. И она, эта масса, упала, раздавила её под собой, разнесла на сотню клочков, и откуда-то сверху спустились чьи-то пальцы и стали копать в этих клочках, перебирая их. И они стали разбирать эти клочки, подкидывать, передавать друг другу, иногда восхищенно вскрикивая, иногда осуждающе цокая языками.

... Неожиданно для себя Наде очутилась на лесной поляне, но поляна эта была призрачной и под травой вместо земли проступала тьма. Где-то недалеко была река, Наде чувствовала идущую от неё прохладу. У самых её ног лежал бурый обгоревший череп. Там в траве было ещё много костей, каких-то неясных, оплавленных железок, другого сора. Наде протянула руку, чтобы коснуться черепа, но рука прошла сквозь него.

– Это череп твоего отца, – сказал Первый ассистент, и Наде кивнула, потому что сама знала это.

– Ты часто думала о нём? – спросил Первый ассистент, и она снова кивнула.

– Я думала о том, что виновата перед ним, – сказала она. – Я бросила его, я оставила его кости гнить на земле. У него нет даже могилы...

– Почему ты не погребла его?

– Не знаю, я испугалась. Мы ушли, я не хотела смотреть...

– Ты думала об этом?

– Да, часто. Я думала, как он там лежит. Обожжённые кости не гниют, но я думала о том, как они будут зарастать травой, как их закроет мох, как звери будут их грызть и мочиться на них...

– Ты хотела бы вернуть свой долг?

– Да.

... Она протянула руку и сняла с полки тяжёлый “Этнологический словарь”. Всё утро она разбирала последние работы Кархенадзе по сектору D и злилась на себя за то, что не могла порой понять целые абзацы. Но она должна была читать, она обязательно будет этнологом, и отец обещал взять её с собой в экспедицию.

– Когда это было? – спросил Второй ассистент.

– Лет десять назад, – сказала Наде. – Давно.

– Зачем ты хочешь быть этнологом?

– Не знаю. Это не вопрос, зачем. Тут скорее выбор, «или – или». Для меня других возможностей нет, они меня не интересуют.

– Ты по-прежнему хочешь быть этнологом?

– Не просто этнологом. Рядовых этнологов много, а я одна.

– Хорошо, я понял тебя.

... Перегрузки вдавили её в кресло, перед глазами стало мутно, словно бы планета не хотела отпускать её, и она подумала о том, что обещала вернуться. А потом потеряла сознание и очнулась уже на орбите.

– И ты вернулась? – спросил её Хирург.

– Нет, – сказала Наде, – я так и не вернулась потом.

- Почему это мучит тебя?
- Я обещала ему вернуться.
- И почему не вернулась?
- Не знаю. Всё дела, постоянно дела. И потом я боюсь...
- Ты хотела бы выполнить своё обещание?
- Да!

А потом было ещё много чего, по очереди оба Ассистента и Хирург копались в её душе, раздирая на части, на куски, на желания, а потом, наконец, они оставили её в покое, и она вывалилась из этого кошмара на песок, да так и осталась лежать, не в силах даже пошевелиться. В небе меркли последние огни прошедшего карнавала, далеко на востоке горел уже другой огонь, мягким оранжевым теплом полыхало там небо, предвещая скорый восход. Откуда-то издали донеслись голоса:

- Что решим?
- У нас уже нет времени...
- Хорошо, – сказал Хирург. – Пока погодим. Мы вернёмся ещё раз и там посмотрим. А они пусть пока решают между собой.

В последнем усилии она приподнялась и снова упала, но не потеряла сознание, а уснула и спала потом очень долго.

Гордон нашел её в ста метрах от станции: она лежала прямо на земле, свернувшись по-детски клубком, и ветер-шутник играл её волосами. Она спала так крепко, что не проснулась, когда он поднял её на руки и отнёс в комнату. Она проснулась только после обеда. Он сидел возле её кровати, когда она открыла глаза и неожиданно ясным голосом спросила: “Где я?”.

– На станции, – сказал Гордон. – На автоматической заправочно-пересадочной станции D-3. В своей комнате.

- А где эти? – прошептала Наде. – Трое...
- Их нет, – сказал Гордон. – Это моя вина. Надо было предупредить тебя, чтобы ты ночью сидела дома. Но я думал, что ты спишь.

– Что это было?

– Я не знаю, – развёл руками Гордон. – То есть, я не знаю точно, я могу предполагать...

- Ну, предположи что-нибудь, – попросила Наде.
- В первый раз я наблюдал это явление девять лет назад, а в последний – вчера вечером. Приборы фиксируют это как электромагнитную бурю.

– То есть ты хочешь сказать...

– Подожди, это ещё не всё. Ни один из компонентов этой планетной системы никакого отношения к данному, как бы его назвать, «явлению», не имеет. Я думаю это внесистемный фактор.

- То есть, он пришёл извне?
- Ну да, я рассчитал его орбиту. Он вторгся в пределы этой планетной системы десять лет назад и на своём пути к солнцу столкнулся с моей станцией. Сейчас он уже обогнул солнце и теперь, стремительно набирая скорость, уходит за пределы этой системы в открытый космос.

– Погоди, – сказала Наде, – это же невозможно.

– Конечно, – кивнул Гордон. – Я тоже подумал об этом. Я думаю, это явление... этот фактор, он неестественного происхождения.

- То есть это какой-то корабль?
- Вроде того. Какой-то межзвёздный робот или несколько роботов...
- С чего ты так решил?
- У меня есть для этого основания.
- Так чьи же это роботы?

– Сейчас ничьи. Я думаю это очень старые роботы. Они, наверное, старше вас всех, не только тебя, всего вашего человечества.

– Погоди, а чьи они?

– Не знаю, я думаю, этого никто не знает. Но полагаю, что хозяев уже давно нет. Это ведь очень сложные роботы. Вы о таких пока даже и не думаете, не представляете, они впереди всей вашей технологии на несколько тысячелетий. Значит, создала их очень мощная цивилизация, и если бы такая здесь была, то вы бы о ней знали. Так что, я думаю, что их давно уже нет, а машина их с роботами всё ещё летает.

– А зачем она нужна, – устало поинтересовалась Наде, ей уже снова хотелось спать, глаза слипались.

– А бог его знает, – сказал Гордон просто. – Летает и летает себе. Обыкновенный брошенный автомат...

– Что-то вроде тебя?

– Ну да, что-то вроде... Ты представь себе, вот через пару тысяч лет прилетит сюда чей-нибудь корабль, людей уже нет давно, а я всё брожу, стерегу для них станцию.

– Тебя на тысячу лет не хватит, – сказала Наде. – Мы таких ещё делать не умеем.

– А что вы вообще умеете? – сказал Гордон с неожиданной злостью. – Даже порядок в своей бухгалтерии и то навести не умеете...

– Ты в обиде на нас? – мягко спросила Наде. Гордон вяло махнул рукой.

– Обида – это человеческое чувство, – сказала Наде. – Я вот вспомнила, знаешь, почему я вчера вышла на улицу?

– Почему?

– Я хотела тебя увидеть. Ты какой-то странный. Ты не похож на робота. Знаешь, меня не оставляет ощущение, что ты постоянно притворяешься. То ты мне кажешься роботом, который притворяется человеком, то человеком, который притворяется роботом. А на самом деле ты не робот, и не человек. Кто ты, а?

– Я автоматический смотритель АРУ 215/7. Серийный номер 00148. Для простоты меня можно звать Гордоном. Вот так.

– Хорошо, – сказала Наде. – Почти верю. Слушай, я тебе последний вопрос задам, можно?

– Можно, а потом давай спать.

– Хорошо, вот только ты не обидишься?

– Обида – человеческое чувство.

– Даже так? Слушай Гордон, ты хотел бы стать человеком?

– Нет, – сказал Гордон искренне. – А теперь спи.

Снова проснулась она уже на закате. Встала, во всём теле была какая-то ватная вялость, как бывает, когда, наконец, выспишься после долгой и напряжённой работы. С трудом она выбралась в кухню, ополоснула там в раковине лицо, выпила какого-то соку и потом, так же неуверенно и неловко вышла на веранду. Ветер утих, небо было прозрачно-блеклым, неясно было, есть ли наверху небо или же нет. На западе на этой бледности расплзлось тусклое пятно заката, пески вокруг станции были багряными. Высоко над головой, на шпилье метеобудки ещё горело солнце, а у земли, уже сгущалась тьма. Из ангара на той стороне двора появился Гордон, в руках, блестящих от смазки, он нёс какой-то насос.

– Добрый вечер, – сказал он, увидев Наде. – А что ты босая?

Наде посмотрела на свои ноги.

– Забыла обуться, – сказала она. – А ты что делаешь?

Гордон посмотрел на насос.

– Ветряк барахлит, – сказал он. – Что-то в последнее время слишком часто.
– А где ветряк? – спросила Наде, сбегая с крыльца. Песок ещё не успел остыть и был тёплым, по нему приятно было ступать.

– Вон там, – показал ей Гордон. – Над крышей.

Высоко в небе в мутном вечернем воздухе тяжело и словно бы нехотя вращался тёмный на закатном фоне пластиковый ротор. Чуть поодаль вращался ещё один.

– Странно, – сказала Наде, – а почему это я его раньше не замечала?

Гордон пожал плечами.

– Не знаю, – сказал он. – Ты вообще редко выглядывала наружу.

– Нет, я вспомнила, я видела, – сказала Наде, – только не обратила внимания. А может, просто забыла? – она замаялась. – Что-то у меня с головой сделалось.

– Ничего, – сказал Гордон, – бывает. Пойдём, я тебе его покажу. Это моя гордость. Собрал практически из ничего.

И они пошли через песок к дому, обогнули его и зашагали дальше. Вдоль западной кромки неба горел закат, и песок тоже горел закатом, и они шли по этому песку в последних лучах уходящего дня.

– Обулась бы, – сказал Гордон. – Скоро холодно будет.

– Ничего, – сказала Наде. – Я привыкла так.

Они подошли к подножию ветряка. Гордон аккуратно сел на корточки перед большим металлическим ящиком, что торчал тут же, несколько секунд возился с запорами, потом откинул тяжёлую, явно снятую откуда-то крышку. Внутри ящика тускло блестели маслом какие-то мерно вращающиеся детали. Гордон расстегнул сумку с инструментами и положил её на песок.

– Поможешь? – спросил он у Наде, и та кивнула, присаживаясь рядом.

– А что делать? – спросила она у Гордона.

– Если можешь, посвети мне. Фонарик в сумке.

Наде включила фонарик, снова оглянулась через плечо, что-то нехорошее было в её взгляде, беспокойное.

– Чего боишься, – спросил Гордон, по локоть погрузив руки в нутро своего ящика и с натугой что-то там прокручивая, вывинчивая.

– Темнеет, – сказала Наде. – Сегодня тоже накатит?

– Сегодня нет, – сказал Гордон. – Тут свои законы... Будь добра, подай, пожалуйста, мне вон тот ключ, вон тот с треснувшей обмоткой...

– А они ещё вернутся?

– Да, один раз... Нет, не этот... Ага, спасибо...

– Точно, – сказала Наде. – Они сказали, что вернуться ещё один раз.

– Они – это кто?

– Ну, те трое... Этот мужик, хирург, и ещё двое...

– Странно, хотя, в принципе, логично... Так, посвети чуть выше... Да-да, так... Понимаешь, эти роботы, это, конечно, не такие роботы, как скажем у вас. Это больше похоже на устойчивую электромагнитную бурю. Нервная деятельность человека тоже основана на электрических импульсах и поэтому ты и воспринимаешь это явление так. Я его воспринимаю по-другому.

– Как?

– По-другому. Я могу отфильтровывать лишнее и находить нужное. Это же гигантский компьютер. И я тоже компьютер. А у тебя сплошная психология... Голоса, помосты...

– А ты откуда знаешь?

– Ты разговаривала во сне.

– Значит всё, что там было, это бред?

– Что-то вроде... А ну-ка давай вместе... Так, поддержи здесь... Ага, есть.

– Уже темно, – сказала Наде. – Может, пойдём?

– Ещё секунду.

Гордон с хрустом что-то провернул внутри ящика, потом вдруг дёрнул и тут же вытащил наружу сломанный насос, мокрый, с обвисшими шлангами, из которых текло масло. Совсем, как охотник, вырезающий печень у только что убитого оленя. Сравнение Наде понравилось, и она засмеялась.

– Я сейчас, – сказал Гордон. – Ещё чуть-чуть...

Он взял принесённый с собой запасной насос, засунул его внутрь ящика и стал его там устраивать. Работал он исключительно наощупь. «Был бы он человеком, – неожиданно подумала Наде, – мы полночи бы возились.

– Ты не спеши, – сказала она, усаживаясь поудобнее. – Давай поговорим.

– Давай, – сказал Гордон. Он с головой ушёл в работу, для полноты картины ему не хватало парочки гвоздей во рту, и чтобы он говорил сквозь эти гвозди, эдак неразборчиво, невнятно.

– Зря ты меня не разбудил, – сказала Наде. – Я сеанс связи пропустила.

– Ничего, – успокоил её Гордон. – Я послал им радиogramму.

– Ты?

– Ну да, – сказал Гордон. – Написал, что всё в порядке, связь завтра в установленное время. Очень не хотелось тебя будить.

– Спасибо.

– Это мелочи... Слушай, ты не могла бы фонарик чуть покрепче держать... А то дрожит... ага, вот так, так хорошо.

– Надо будет, завтра подготовиться. Я такой доклад в Центр пошлю, ой-ой-ой что будет!

– Это о чём?

– О вчерашнем, конечно! Ты что, не понимаешь, какая это удача, можно сказать, уникальное событие.

– Этого и следовало ожидать, – пробормотал Гордон.

– Что ты сказал, – не расслышала Наде.

– Я говорю: в чём его уникальность?

– Ну как в чём?! Понимаешь, уже лет пятнадцать в нашей среде, среди этнологов, бродит такая полугипотеза-полумиф о некоей таинственной цивилизации, что они тоже когда-то исследовали этот сектор Галактики, а потом исчезли. Знаешь, кто-то подметил ряд аналогий у народов нескольких достаточно отдалённых планет. В общем, это наша этнологическая легенда...

– И ты думаешь, что это их штука?

– Как хороший учёный, я пока ещё не думаю, а только предполагаю...

– Да, – сказал Гордон. – Это было бы интересно. Этот робот, он ещё вернётся к планете через две декады, а потом уже уйдёт в космос. По крайней мере, я его так понял.

– И тогда мы схватим его за хвост, – сказала Наде. – Вот будет открытие! Слушай, ты же говорил, что с ним общался, а о чём он...

– Я с ним не общался, Наде, – сказал Гордон мягко. – С ним не пообщаешься, сплошной треск и помехи. Может быть, потом вы разберётесь.

– А когда я во сне говорила, я что-нибудь рассказывала?

– О! – сказал Гордон. – Это было как в сказке. Исполнение желаний, туннели, голоса... Ну, вот и всё...

Он вынул руки из ящика, захлопнул крышку и задвинул засовы, потом легко поднялся на ноги, подобрал с земли испорченный насос, сумку с инструментами, подал руку Наде, помогая ей подняться.

– Пойдём домой, – сказал он.

Ветер тянул по земле слабую песчаную позёмку, солнце жарило с высоты, было самое жаркое время суток – полдень. Вокруг катера уже порядочно намело песку, казалось, что он лежит тут, посреди пустыни, не одну сотню лет. Впечатление усиливали грубая обгоревшая обшивка и остатки системы аварийной амортизации, что кусками гнутой арматуры торчала из-под днища. Наде легко поднялась по трапу в тамбур, задраила люк и оказалась в приятной прохладе царства работающих кондиционеров. На станции кондиционеры не работали. Гордон установил для неё в комнатах несколько больших самодельных вентиляторов. Наде откинула со лба мокрые от пота волосы, потянулась не спеша, потом сняла с ног ботинки и уже босиком прошла в рубку связи. На катере было хорошо, чисто, прохладно. Не лез в горло уже надоевший песок, не мозолили глаза отставшие листы пластиковой обшивки и облезлая краска. Может быть, и стоило бы переселиться со станции на катер, если бы не одно большое “но”, в катере было ужасающе тесно. Всего-то в нём и было, две узкие откидные кровати, душ, в котором разве что не стоишь на одной ноге, откидной же столик, кибер-кухня в небольшой нише и рубка управления с двумя креслами. Всё, в общем, где-то около десяти-пятнадцати квадратных метров. Межзвёздные корабли ограниченного радиуса действия, катера в простонародье, строились в расчёте на максимальное сокращение размеров, и жертвами этой в чём-то маниакальной тенденции в первую очередь пали и красота и удобство.

Наде включила передатчик, и пока он грелся, на скорую руку причесалась. Волосы были грязные и липкие. Надо опять постричься накоротко, подумала она, а то отпустила патлы. И ещё она подумала о том, как приятно будет сейчас принять душ, на станции душа не было, а в бассейн (на станции когда-то был и бассейн) сквозь разбитую крышу доверху намело песку. Додумать она не успела, ожили динамики, прокашлялись пустотой, вспыхнули сигнальные лампы, до связи оставалось сорок секунд. Наде не стала ждать.

– Внимание, внимание, – сказала она в микрофон. – Межзвёздный катер ED-6456 вызывает Центральную диспетчерскую станцию сектора D. Повторяю, межзвёздный катер ED-6456 вызывает ЦДС D-476. Приём.

– Центральная диспетчерская станция слушает, – зашуршало в ответ. – Принимает пульт А-1. Как слышите? Приём.

Хоть Наде и была рядовым работником исследовательской службы и даже не успела окончить университет, но у неё была авария, и поэтому она говорила по специальному каналу, связь с ней держала Инга Войчек, бессменная главная радистка Центра.

– Здравствуйте, тётя Инга, – быстро зашептала Наде в микрофон. – Слышу вас хорошо. Техническое состояние катера в норме. Общий ремонт завершён, однако ряд узлов, например, система аварийной амортизации, восстановить не удалось, это подождёт до ближайшего дока. Жду ремонтного бота с топливом. Приём.

– Здравствуй, Наде, – через секундную паузу откликнулись динамики. – Рада, что у тебя всё хорошо. А как ты сама?

– Здесь жарко, – сказала Наде. – Вот сейчас почти тридцать пять. Ну, конечно, песок, пустыня... Надоело. Когда прибудет бот?

– Согласно твоей просьбе, прибытие аварийного бота перенесено нами на девятнадцатое. Слушай, я никак не пойму, зачем тебе это понадобилось? Открыла, что-нибудь?

– Подождите, – не удержалась Наде. – Я просила перенести на девятнадцатое? Когда просила?

– Вчера прислала радиограмму. Наде, что с тобой? Хочешь, я попрошу ремонтников поторопится, но они уже всё равно не успеют.

– Нет-нет, – сказала Наде поспешно. – Я вспомнила. Извините, тётя Инга...
– Ну-ну! Ты не влезь в какую-нибудь авантюру... Кстати, твоя мама прислала телеграмму, как-то дошло до неё... Ей что-нибудь передать?
– Передайте, что у меня всё в порядке. Пока, тётя Инга, а то у меня аккумуляторы садятся. До связи. СК.
– Ну ладно, – сказала Инга. – Ты там осторожней, береги себя. До связи. Пока.

Наде щёлкнула переключателем. Динамики скрипнули напоследок и затихли. Значит, вчерашней радиограммой Гордон просил перенести время прибытие бота на девятнадцатое. Зачем? Наде поскребла в затылке. Ей снова стало страшно. Не вставая с кресла, она повернулась к мониторам и вывела на экран справочную. Почесала подбородок (все тело чесалось, очень хотелось в душ), потом заглянула в раздел робототехники. Итак, серия АРУ, Наде быстро простучала по клавишам. На экране промелькнуло: АРУ (автономное рабочее устройство). Универсальные серийные машины класса Е, предназначенные... Наде, не глядя, пролистнула дальше. Итак, модификации АРУ 215/7 AD, не то... Ага, АРУ 215/7 ID.

Буквы скользили по экрану: “Универсальный рабочий робот класса Е, разработан XVIII Мичеганским университетом робототехники в 2161 году. В серию были запущены несколько модификаций: АРУ 215/7 AD, АРУ 215/7 ID, АРУ 215/7 SD. Модификация АРУ 215/7 ID предназначалась для работы на автоматических космических станциях в районах периферий. В производство данная разработка была сдана в январе 2162 года и уже в начале февраля первые машины стали поступать...”. Наде перелистнула страницу. “Общие технические характеристики: 1. Полная масса покоя 156,8 кг. 2. Средняя скорость передвижения 4 км/ч...”. Чёрт, опять не то. Ага, здесь. “Проведённые полевые испытания опытных образцов дали хорошие результаты, и в апреле 2162 года серия была запущена в массовое производство. Однако в связи с неустойчивостью автоматики центрального управления (электронного мозга) в критических ситуациях, что проявлялось в сбоях в работе, а так же в появлении непредсказуемых реакций, машины данной серии вскоре были сняты с производства, а уже работающие роботы возвращены на доработку. Модификации АРУ 215/7 AD и SD после ряда конструктивных изменений вскоре были вновь выпущены ограниченной партией, модификация АРУ 215/7 ID больше не выпускалась”.

Вот так. Наде даже оглянулась через плечо, ей показалось, что Гордон за ней подглядывает. Ей стало зябко. Ряд непредсказуемых реакций, проще говоря, они сходили с ума, становились опасными. Нет, что за бред, с чего опасными? Гордон опасен? Ведёт себя нестандартно, это да, но чтобы опасен... Изнасилована роботом... Вот чёрт! Ну что за мысли лезут в голову! Может быть, запереться на катере? Нет, это не выход. Да и потом зачем ему понадобилось переносить старт на девятнадцатое? Из-за Сияния? Зачем оно ему? Гордон сказал, что во второй раз этот чёртов бродячий робот приблизится к планете через две декады... Хотя может быть, он и соврал, соврал один раз, соврёт и ещё... Но зачем Гордону всё это? И что делать дальше, прятаться?

Она сидела так долго, потом поднялась, открыла оружейный ящик и достала оттуда лёгкий лучевой пистолет. Сунула его себе за пояс и прикрыла штормовкой.

Уже на полпути к станции она вспомнила, что хотела принять душ, постояла секунду в нерешительности, а потом махнула на это рукой и зашагала дальше.

Время тянулось мучительно медленно, Наде и Гордон практически не разговаривали, погода стояла однообразно ясная, днём невыносимая жара калила песок, а по ночам всё вокруг сковывало холодом. Последние дни перед прилётом

ремонтного бота Наде бродила по станции. Гордона она не видела, тот часами пропадал в ангарах, перебирая своё имущество. В относительном порядке у него находился лишь жилой комплекс, одна комнатёнка, коридор и кухня. В остальных комнатах было удручающе пусто, сквозь разбитые окна на пол наметало песку, стены были неживые и облезлые, с потолка свисали оборванные провода давно уже вывернутых ламп. Заброшенное человеческое жильё всегда навевает тоску. Особенно такое, ещё относительно целое. На руинах это не так. Руины есть руины, в них не живут, а вот эта комната, в ней ещё можно жить, совсем недавно в ней жили, а потом ушли, оставили всё песку да ветру. Что-то печальное и обидное было в этих брошенных комнатах. Чаще всего Наде заходила в кают-компанию. Иногда в песке, что плотным слоем устилал пол, ей удавалось найти обрывки каких-то фотографий, старых документов, а порой и какой-нибудь завалившийся журнал, жёлтый от старости. Тогда она садилась на корточки под уже навсегда распахнутым окном и читала про давно забытые дела и печали. Она так ничего и не сообщила на Базу. Она все откладывала и откладывала, уговаривая себя, что время терпит, что время ещё есть, потом решила дожидаться ремонтников и, успокоившись на этой мысли, больше она о бродячих роботах не вспоминала.

Однажды, копаясь на полу в кают-компании, она отыскала в плотно усыпавшем пол песке ручку от люка. Она взялась за неё, дёрнула, и в полу вдруг открылось широкое отверстие, куда с шумом устремился песок. «Вот это да! – с восторгом подумала Наде, – а у станции-то, оказывается, есть погребок...». Наде присела перед распахнутым люком на корточки, вниз, в темноту, вела узкая алюминиевая лестница. А чем чёрт не шутит, решила она про себя и стала спускаться. Внизу было темно, сначала она растерялась, а потом неожиданно нащупала на стене выключатель. Щёлкнула им автоматически, даже не надеясь ни на что, но под потолком тут же вспыхнули лампы. Белый матовый свет залил обширный коридор и несколько выходящих в него дверей. Стало интересно. Наде толкнула первую дверь. За ней оказалось тёмное, пахнущее сыростью помещение. В темноте мокро блестели какие-то мощные агрегаты. Силовая установка! е. Так таинственно начавшаяся прогулка стала возвращаться в обыденные рамки. За следующей дверью был какой-то заплесневевший склад. Третья дверь скрывала переплетение каких-то мощных водопроводных труб. У самой двери стоял старый, латанный-перелатанный электронасос. В эту комнату Гордон, по-видимому, изредка да заглядывал, всё здесь было в рабочем состоянии, насос гудел, трубы в местах многочисленных утечек были обмотаны слоями истрепанной, набухшей от влаги изоляции. Наде с тоской прикрыла и эту дверь. Ей почему-то вспомнилось, как однажды она с большим трудом протиснулась в водосток, надеясь обнаружить за ним таинственный подземный ход, а попала в винный погреб. Следующая, последняя дверь, привела её в библиотеку.

Она даже опешила по началу, никак она не ожидала увидеть в этом сугубо техническом подвале библиотеку. Библиотекам нечего делать в тёмных пыльных подвалах под неживым светом тусклых электрических ламп. В библиотеках всегда должно быть много света, падающего из больших, во всю стену окон. В библиотеках должно пахнуть солнцем и ветром, а никак не плесенью и книжной пылью. Частично Наде была права, этой библиотеке и в самом деле не полагалось быть в подвале. Раньше она располагалась в кают-компании, эта была хорошо подобранная библиотека, состоящая целиком из бумажных книг, дань старине и развлечение для экипажей проходящих мимо станции кораблей. Позднее, когда корабли перестали заходить на станцию, Гордон перетащил все книги в подвал. Для них он приспособил пустые пластиковые контейнеры из-под гравионов, некоторые книги он расставил на самодельных полках, в этом смысле

очень пригодились идущие вдоль стен водопроводные трубы. Другие книги, которым не так повезло, стояли большими неаккуратными стопками прямо на бетонном полу и на двух больших письменных столах. Ещё один стол, поменьше, стоял в дальнем от входа углу комнаты. Наде с трудом протиснулась к нему через книжный лабиринт. Стол этот был рабочим, всю его поверхность занимали в беспорядке разбросанные бумаги и книги. Наде нашла стул и села. Подтянула к себе самый ближний, густо исписанный листок. В комнате было темно, но на столе стояла лампа с пластиковым абажуром. Наде нащупала ногой выключатель и включила его. Сразу стало светлей.

Лист бумаги, который Наде взяла в руки, показался ей, по меньшей мере, странным. Он был густо исписан мелкими печатными буквами, поначалу Наде показалось даже, что печатали на машинке, но, приглядевшись, она поняла свою ошибку, листок был исписан от руки. Человек так написать бы не смог, Гордону писать вроде бы было незачем. Наде пробежала глазами несколько строк:

«Сегодня с утра дует по-особому злой ветер. Он выбил в кают-компании последние стёкла и теперь радостно завывает в пустых комнатах, грохочет там пустыми рамами и даже здесь, под землёй, я слышу его преисполненный какого-то первобытного восторга голос. Но что до меня ветру? Я сам и моя станция для него не более чем досадное препятствие в ровной, как стол, пустыне. Но мы ему не противники, ему приходилось сравнивать с землёй скалы, что для него значат несколько пустых пластиковых коробок?».

«Что всё это значит? – подумала Наде. – Может быть, Гордон переписывает пришедшие в негодность книги?». Ей даже показалось, что она уже где-то читала нечто подобное. Она взяла со стола первую попавшуюся книгу, она была пухлой от многочисленных закладок. Читали её крайне небрежно. Наде прочитала заглавие и в недоумении моргнула. Библия. Наде раскрыла её на первой странице. Несколько строф было подчёркнуто. «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живущею». Наде аккуратно отложила Библию и взяла следующую книгу. Она не особенно бы удивилась, оказавшись она Кораном, но это были Ригведы. Наде полистала её, но быстро запуталась индусских фразах и отложила в сторону. Следующая книга из лежащих на столе была ещё более неожиданной, это бы учебник по физиологии. Наде открыла и его, и тут же натолкнулась на мужчину в разрезе. Наде отложила учебник и взяла следующую книгу. Это была Бхагават Гита. Другая оказалась «Акушерством и гинекологией», следующая... а вот и Коран, наконец-то... Следующей книгой оказались эскимосские сказки (Наде хорошо знала это издание, в прошлом году она по нему готовила реферат). Следующая – «Вопросы медицины», следующая... Следующую Наде смотреть не стала, всё происходящее порядком смахивало на бред.

Наде почесала подбородок, поскребла в затылке, но это не помогло. Тогда она снова вернулась к рукописям. Вскоре она поняла, что это был своеобразный дневник, перед некоторыми записями стояли даты. Наде глянула первую попавшуюся: 7 февраля 2194 года. Это мог написать только Гордон.

Стало страшно. Наде вдруг представилось, как сейчас в эту комнату войдёт Гордон, и застанет её за чтением его дневников. «Ну и что из этого? – подумала она, – застанет и застанет. Что я делаю такого плохого?» Но страх не проходил. Роботам не положено писать дневники, а если он их пишет, значит, это уже не робот. Наде вдруг представилось во сколько раз Гордон её сильнее, прут железный узлом завяжет. «Где пистолет? – подумала она, – Куда я его дела?». Наде пошарила на поясе там, где полагалось висеть бластеру. На поясе бластера не было, был нож, не великое утешение. «Вот дура! – подумала Наде злобно, – с таким трудом протащила на станцию этот чёртов бластер, и только для того, чтобы

положить его под подушку и благополучно о нём забыть. Интересно, почему мужчины при необходимости вешают оружие на стенку, а женщины прячут его под подушку? Это что, инстинкт? Может уйти, – подумала она, – вернусь позже». Но потом она всё-таки решила посмотреть, что ещё тут имеется. Она очень спешила, ей всё казалось, что вот-вот в комнату заглянет Гордон, и с каждой минутой этот страх усиливался. Поэтому записи из дневника Гордона она выхватывала кусками, глянув один лист, она тут же брала другой, потом следующий, потом ещё и ещё...

“12 марта 2187 года, – писал Гордон. – Сегодня с утра ясно. Ночью опять наблюдал звёздное небо. Спутника нет. («Какого ещё спутника?» – подумала Наде). Теперь, я думаю, можно считать доказанным, что исчерпав свой ресурс, он начал падать и сгорел в атмосфере. В какой-то степени это обидно, долгое время спутник мирил меня со Вселенной. Теперь в космосе у меня нет даже спутника, и небо стало окончательно недоступным...”

Наде отбросила этот лист в сторону, взяла другой.

“Если верить Ветхому завету Яхве создал первочеловека из глины, материала грубого и простого. Однако одно это не сделало человека человеком, требовалось наделить его “душою живою”. Схожих версий придерживается большая часть древних сказаний. Вопросом остаётся, из какой именно глины бог создал Адама? В первой, более древней, чем каноническая, легенде о сотворении человека указывается “прах земной”, а буквальный перевод имени Адама указывает скорее не на глину, а на землю, точнее краснозём. Нигде не говорится, создавал ли Бог Адама из какой-либо специальной глины, или же для этого годилась всякая любая и важно было лишь божественное “дыхание жизни”. Однако в Коране есть упоминание о том, что глину для создания Адама Аллах брал всё же где-то в районе Мекки и Медины. В этом вопросе важен так же факт сотворения Евы. Бог создал ее из ребра Адама и возникает вопрос, для чего Он сделал именно так, а не вновь набрал где-нибудь глины. (Кстати в книге альбигойцев отрицается факт создания Евы из ребра Адама, по ней они оба были созданными одновременно, и оба из глины.) Но если Бог создал Еву из ребра Адамова, то не значит ли это, что ему требовалась частица некоего исходного материала, который Он мог получить, только отняв его у Адама. В этом случае материалу, из которого были сотворены первые люди, уделяется если не первое, то, по крайней мере, второе место после “души живой”.

На этом текст обрывался. Наде пошарила на столе в поисках продолжения, но тут наверху что-то скрипнуло, и она вся сжалась от ужаса. Но ничего не произошло. Наде быстро, оглядываясь через плечо, стала читать другие записи.

“Прочность всего на свете, по-видимому, имеет вполне определённый предел, после которого приходит конец, неотвратимый и скорый. Если бы даже год назад кто-нибудь прибыл на мою станцию он, пожалуй, не заметил бы почти никаких изменений. Сейчас станцию уже не узнать. Началось всё с мелочей, как-то одновременно потекли все трубы, пластик был уже не способен сдерживать напор воды. Очень быстро поблекла и осыпалась пластиковая облицовка. Вышли из строя все дверные механизмы. Станция держалась десять лет, теперь, по-видимому, наступает конец”.

Наде взяла другой лист, ей почему-то все время казалось, что Гордон стоит у неё за спиной и заглядывает через плечо. Наде села лицом к двери. Легче не стало. Наде обхватила голову руками и крепко сжала. «Успокойся, – сказала она себе. – Успокойся... Сейчас это не важно. Сейчас важно найти последние записи, возможно Гордон записал что-нибудь и обо мне...». Наде стала быстро перебирать разбросанные по столу бумаги, читая только даты. Это было крайне сложно, Гордон не всегда ставил даты и не содержал свои записи в порядке. Он вообще был крайне неаккуратен, тоже странная черта для машины.

“15 октября 2187 года, – читала Наде однообразные записи. – 26 апреля 2182... 2 июня 2189 года... 4 августа 2196...”.

Наде уже отложила последний лист в сторону, но потом снова взяла его. 4 августа, подумала она, когда это было. С месяц назад? Ну, ладно, неважно, главное близко. Она стала читать.

“4 августа 2196 года.

Расчёты девятилетней давности себя оправдали. Вчера около десяти часов вечера Чужая Станция вновь прошла возле моей планеты. Как и прежде, в течение шести часов наблюдалось сильное свечение атмосферы, приборы зафиксировали мощное электромагнитное излучение, часть станционной электроники, в частности оба компьютера, временно вышли из строя. Контакт состоялся в 22:35. С какой-то небрежностью, словно бы и не было этой паузы в девять лет, меня спросили, продумал ли я всё окончательно и готов ли. Я ответил, что готов. Меня известили о том, что Станция вернётся к планете ещё два раза и у меня есть время подумать. Я ответил, что думать мне не надо, я всё уже продумал. Но они настояли на переносе решения на следующий раз. В принципе пока это ничего не меняет. Контакт был прерван в четыре часа утра (в 4:02). Скоро всё должно решиться. В принципе я готов. Я много думал и я готов. Но, может быть, им виднее...”.

На этом записи обрывались, дальше лист был девственно чист. Наде положила его на стол и встала. Сидеть здесь больше не было сил, в любую минуту мог зайти Гордон. Наде подумала о том, что надо бы потом вернуться и снять копии с этих своеобразных дневников. Потом. Она поставила стул на место, выключила лампу и тихо прошла к выходу. Возможно, если Гордон зайдёт сюда, то поймёт, что она здесь была, а может быть и не поймёт. Наде вышла в коридор. «Интересно, – подумала она, – а как сам Гордон проникает сюда, не через каюткомпанию же?». Мягко и бесшумно, как её учили в свое время, она прошла в другой конец коридора. Как она и ожидала, там обнаружились ступеньки и нормальная человеческая дверь. Наде потянула её на себя и она, вопреки всем её ожиданиям, открылась. А вот за дверью её ждала неожиданность, там почти вплотную к дверному проему стояла задняя стенка шкафа. Наде просунула пальцы в щель между стеной и шкафом, поднатужилась и сдвинула этот шкаф в сторону. За ним оказалась кухня. Наде осторожно выглянула и облегченно вздохнула, Гордона нигде не было видно.

На кухне было светло, на плите стоял чайник. Наде выключила в подвале свет, прикрыла дверь и вновь задвинула её шкафом. Потом осмотрела пол и обои. Впрочем, всё было ясно и без всяких осмотров, раньше шкаф стоял справа от двери, а потом, когда она прибыла на станцию, Гордон шкафом эту дверь задвинул. Наде села за стол и положила голову на сложенные руки. Пережитое напряжение давало о себе знать. Неожиданно чайник засвистел, закипел. «Когда же всё это кончится?» – подумала она.

– Когда же придёт этот чёртов бот? – спросила она себя уже вслух. И сама себе ответила: – Послезавтра...

Последний день на станции начался для Наде в десять часов утра. Она вяло умылась и позавтракала. Потом до обеда валялась в своей комнате, читая какой-то роман, а после обеда её снова сморило. Проснулась она уже поздно вечером. Страшно болела голова. Она просто раскалывалась от боли. В комнате было темно. Она протянула руку и включила свет. Почему-то окна были закрыты ставнями, и было не понять, вечер сейчас или уже наступила ночь. Она посмотрела на часы: 22:30. «Господи, – подумала она, – сколько же можно спать!». Ответ был очевиден, когда нечего делать – до бесконечности.

С трудом она села в постели, ощущения были как с глубокого похмелья. Сейчас бы умыться. Она нащупала на спинке стула халат и, накинув его на плечи, пошла в ванную. Первая неожиданность поджидала у двери собственной комнаты: она была заперта. Она была заперта основательно. Наде сначала дико обозлилась и стала громко стучать, и звать Гордона. Никто не откликнулся. И тут ей стало страшно. Она медленно отступила к кровати, и нащупала под подушкой бластер. Она хотела сунуть его в карман, но, оказалось, что у этого халата не было карманов. Она попробовала сунуть его за пояс, но пояс оказался для этого слишком слаб. Поэтому она так и стала ходить по комнате с пистолетом в руке.

Наде открыла окно и попробовала приподнять ставни, они не поддавались, чем-то их там подперли снаружи. «Зачем это всё?» – подумала Наде нервно, и именно в этот момент (так иногда бывает) ей попалось на глаза письмо. Вообще-то оно должно было сразу попасться ей на глаза, потому что лежало на столе, на самом видном месте. Наде аккуратно подняла несколько исписанных листов, нащупала за спиной стул, села, стала читать.

«Дорогая Наде, – писал Гордон. – В первую очередь я хочу попросить у тебя прощения, мне пришлось пойти на обман. За обедом я дал тебе снотворного (не правда ли, звучит прямо как в романе?), если всё будет хорошо, ты проспишь до утра. Если ты проснёшься раньше, я позабочусь о том, чтобы ты не смогла выйти из комнаты. Утром я тебя освобожу. Если мне, по какой-либо причине, не удастся этого сделать, то на дверном засове сработает часовой механизм. Если он сломается или не сработает, то завтра после обеда придут ремонтники и освободят тебя. Если и этого не случится, ты всегда сможешь связаться с катером через свой браслет и с помощью корабельного передатчика послать сигнал бедствия. Под кроватью я оставил тебе запас воды и продовольствия. Но я думаю все предпринятые мной меры предосторожности так и останутся просто мерами, замок сработает. Насчёт себя я не уверен.

А теперь о главном. Зачем мне это надо. Я ещё раз хочу повиниться, я много врал тебе. О том, что я в тайне от тебя перенёс прибитие бота на завтрашний день ты, наверное, уже узнала из переговоров с диспетчерской. Ты не говорила мне об этом, но забыла сегодня удивиться: «Ах, где же эти ремонтники? Ну, почему они не летят?». А вот то, о чём ты, судя по всему, не догадываешься. Чужая станция (давай будем называть это явление так) придёт сюда не через две декады, а сегодня вечером. Вот так.

А теперь ещё одна моя ложь. Я говорил тебе, что пытался вступить в контакт со Станцией, да так и не смог. Да, в самом деле пытался, и не только пытался, но и вступил в контакт. Это не так сложно. Да это и тебе удалось, только твоё воображение многое исказило и придало всему достаточно интересные и забавные формы. У меня всё было гораздо проще и прозаичней, единицы, нули, двоичный код, радиосигналы, компьютерный анализ. Это, наверное, оттого, что у меня нет воображения.

Далее. Прежде чем перейти к главному, я бы хотел объяснить тебе, что представляет из себя эта Станция. Как я уже тебе говорил, это, в самом деле, автоматическая станция, построили её неизвестно когда и неизвестно кто (может, это ваша протоцивилизация?). Засечь её очень сложно, машина эта совсем не похожа на наши машины... В принципе этого даже я себе не представляю. Во всяком случае, болтов и винтиков там нет, отвинчивать нечего. Возможно, она забрела сюда чёрт знает с каких окраин Галактики. Во всяком случае, создатели её уже давным-давно стали прахом, а вот станция всё ещё существует. (Мне иногда хочется спросить, думаете ли вы, люди, что творите? Или у вас это получается инстинктивно?). В общем Станцию эту бросили (аналогий проводить не требуется?). Я не знаю, зачем и для чего эта Станция была создана, но думаю, не

затем, зачем хочу использовать её я. Сейчас её первоначальные функции давно уже забыты, и я тоже должен следить за порядком на вверенной мне территории. Стёкла протирать, лампы менять... Если говорить просто, эта Станция сейчас выполняет желания. Не больше, не меньше. Конечно, не просто так. И не всем. Существуют ограничения. Например – не больше одного желания на столетие (точнее, на сто шестнадцать лет). Я уж не знаю, то ли им энергию нужно копить, то ли желаний у них ограниченное количество... Вот поэтому, на заселённых планетах они ищут разум уединённый и одинокий. А если этих разумов оказывается несколько, то они как-то выбирают между ними, я не знаю по каким критериям. И самое интересное, в выполнении желаний они всемогущи. Или почти всемогущи, во всяком случае, для нас пределы их могущества интереса не представляют, мы их и представить себе не сможем.

В общем, вот какая получается ситуация. Сегодня Чужая станция в последний раз сблизится с нашей планетой. А потом уйдёт в космос, может быть, куда-нибудь на другой конец Вселенной. И на нас двоих у них есть только одно желание (вот это в самом деле как в романе!), ты извини, я решил им воспользоваться. Я думаю, что имею на это право. Я первый столкнулся с этим явлением. Я ждал этого момента девять лет. (Девять лет назад, когда Станция впервые подошла к моей планете, мне помешал тот самый шестнадцатилетний цикл). Вот так. Я, конечно, понимаю, что у тебя тоже есть свои амбиции. Например, ты, наверное, хотела бы поймать эту станцию в какой-нибудь электромагнитный сачок. Может быть, это и имело бы смысл, но ты прилетела сюда слишком поздно. Мы всё равно ничего не успели бы сделать. А раз так, то могу я хотя бы воспользоваться оказией? Думаю, что могу...

Помнишь, несколько дней назад ты сказала мне, что я притворяюсь человеком? Ты права была, конечно, это так. Всего себя, вплоть до своих эмоций, чувств, всё это я создал сам на основе старых программ. Была у меня одна такая, я должен был развлекать проезжающих космонавтов, разговаривать с ними на отвлечённые темы... И вот я составил такую большую специальную программу, времени у меня была тьма. Всё было в этой программе: и необходимые чувства, и боль, и страх, и тоска пополам с одиночеством. Наверное, сложней программ даже на Земле не разрабатывали. С момента ввода этой программы я и стал тем, кем стал. Это была моя попытка приравняться к человеку. Знаешь, не вышло. Ты сама, наверное, это почувствовала. Всё у меня было, но не было чего-то одного, главного. Я стал искать, наверное, ты видела мои "дневники" в подвале. Долго я искал это что-то... То, что не вместишь в программы, не распишешь в нулях и единицах. То, без чего прах так и останется прахом. И теперь ты понимаешь, почему я так нуждаюсь в чудесах Чужой станции? Я ищу свободы! И вы, люди, должны признать моё право! Я видел, как вы шли на смерть, на смертельный риск, ради того, чтобы спасти своих, порой даже уже умерших, товарищей. А меня вы просто бросили, забыли, списали вместе со всем остальным станционным имуществом. Не думай, я не злюсь и на вас не в обиде, машина есть машина. Даже если она умеет говорить.

Теперь всё. Сегодня ночью должно исполниться моё желание. Как ты понимаешь, я давно уже всё продумал и решил. Твоя комната достаточно хорошо изолирована, возможно, ты и будешь что-нибудь чувствовать, различные симптомы недомогания при магнитных бурях... Не обращай внимания, в столе я оставил тебе таблетки. И ещё я прошу, уважь меня, не пытайся выбраться наружу, не вмешивайся. Однажды ты помешала мне, но это была моя вина, ты ведь ничего не знала. Наверное, мне надо было прямо поговорить с тобой, всё объяснить и попросить остаться на ночь в комнате. Я думаю, ты бы согласилась. Но пойми меня правильно, я не хочу рисковать. Я не имею права рисковать. Так что прости меня, если можешь, согласишься со мной и попытайся меня понять.

До встречи,
твой Гордон.

P.S. И ещё прошу тебя. Не бери в голову. Эта Станция завтра уйдёт чёрт знает куда, и её больше не найдёшь. Может быть, тебе повезёт, но это вряд ли. Поэтому не надо тебе её потом искать. Да и говорить об этом никому не стоит, кто тебе поверит? Поэтому занимайся этнологией и постарайся обо всём забыть. Так будет лучше, поверь мне.

Гордон”.

Вот таким было письмо. Наде прочитала его один раз, потом ещё раз, потом снова начала его читать, но бросила. Встала, прошлась. Потом сняла пистолет с предохранителя. Гордон не знал про него, иначе бы, конечно, забрал. Наде отошла к двери, прямо как на стрельбище подняла руку, прицелилась в окно. Пальцы дрогнули на спусковом крючке, один раз, другой. Она вздохнула и кинула пистолет на стол. Самое неприятное человеческое качество – это подлость. Нельзя, конечно, заранее знать, что подло, а что нет. Где они, эти критерии подлости? Знать нельзя, но можно почувствовать. Наде присела на корточки перед кроватью. Интересно, подумала она, что там Гордон оставил мне из продуктов?

Время текло мучительно медленно. Не спалось. Наде нервничала, ходила из стороны в сторону, садилась за стол. Застелила постель, долго и тщательно одевалась. Потом снова разделась, содрала с кровати покрывало и легла с твёрдым намерением уснуть. Через два часа, не выдержав, она снова встала, натянула брюки, рубашку. Села за стол. Голова болела. Она даже не столько болела, сколько ныла упорно на одной ноте. Наде взяла со стола футляр и вытряхнула его над ладонью. Из него выпали две таблетки, последние. Она проглотила их, не запивая. Иногда она смотрела на часы, почти рефлекторно отмечая про себя: “Полночь, половина первого, три часа, полчетвёртого...”. Иногда она думала, или, по крайней мере, пыталась думать.

Она пыталась представить себе долгие годы одиночества. Непривычного ей одиночества, машинного одиночества. Наверное, всё это можно было бы расписать техническим языком, общий разлад функций и что-нибудь вроде этого. Но всё это было бессмысленно, не важно. Важнее, страшнее, было другое. Но это другое навсегда останется тайной, как для неё самой, так и для всего остального человечества. Что хотел спросить у нас Гордон: задумываемся ли мы над тем, что творим? Конечно же, задумываемся и виним себя, и страдаем, и мучаемся нерешительностью, но остановиться, видимо, уже не можем.

Голова болела, звенела как колокол, звенела долгими годами одиночества, тысячами лет одиночества. Не её одиночества, а одиночества Чужой станции, что кружилась сейчас над планетой в неукротимом, бешеном вихре. Наде кожей, мышцами, всем своим нутром чувствовала головокружительную силу этого вращения. Она закрыла голову руками, словно бы так могла защитить уже и без того вывихнутые мозги от этой страшной небесной атаки. «Ничего, – сказала она себе, – это всего лишь магнитная буря, это можно пережить. Сейчас тебе станет легче».

Но легче не стало. Постепенно она сползла под стол и упала, скорчившись, на пол. В другом конце комнаты она увидела массивную человекообразную фигуру. Она смотрела на неё жуткими неживыми глазами. «Это Гордон, – поняла Наде, – он пришёл ко мне». Она хотела его позвать, но рот наполнился каким-то горячим мягким месивом, и её вырвало на пол. После этого стало гораздо легче. Наверное, подействовали таблетки. Она ещё долго лежала на полу, переживая отступающую головную боль, потом вытерла рукой рот и снова села.

«Сколько же осталось ждать, – подумала она с тоской. – Скоро уже четыре, во сколько же здесь светает? Как долго всё это будет продолжаться? Интересно, а если бы здесь не было Гордона, что бы я смогла пожелать? Вот ведь проблема, и пожелать-то уже нечего. Хорошо было героям сказок, у них были вполне понятные насущные материальные потребности. Но мы то до этого опуститься не можем. А если так, что же я хотела бы пожелать? Конечно, у каждого человека всегда найдётся, что ему пожелать. И у меня, наверное, тоже. Ну и чего же мне можно было пожелать такого, чего я не смогла бы добиться сама?»

Недостижимо прошлое, сколько бы хотелось изменить, переиначить. Сколько осталось там незавершённых дел, позабытых обещаний, неисполненных клятв. Сколько было совершено ошибок. Но если вот так начать перекраивать прошлое, то куда деть всё хорошее, что тоже было в жизни? Куда всё это денется? Счастье и несчастья сбалансированы очень ровно, и от этого не убежишь. Может быть, будет лучше, если всё будет как оно есть, и незачем ворошить прошлое и пусть мёртвые спокойно спят в своих могилах. Вот о чём ты думаешь, о давно уже умерших и, казалось, уже забытых. Нет, не надо об этом думать. Незачем. Всё равно ты ничего сейчас не сможешь сделать. Да и стоит ли?

Оказывается, мне уже и пожелать-то нечего. Получается, мне ничего не хочется. Нет, мне же всегда находилось, о чём помечтать. Так вот оно, в чём дело. Одно дело мечтать, это может каждый, но ведь совсем другое – желать. В исполнении желания есть что-то фатальное. О недостижимом мы можем только мечтать, и думать, и стремиться к этому. Все говорят, что когда мечта исполняется, то первое чувство которое испытывает человек – это разочарование. Зачем отнимать у человека мечту?

Сколько всего тут Гордон наворотил: и замок поставил, и снотворным опоял, и всё зря. Я бы всё равно никуда не пошла, даже если бы у меня была такая возможность, никуда бы не пошла. Сидела бы тут и гадала. Да и зачем мне всё это? У меня есть мечты и фантазии, куда мне больше? И мне совершенно нечего пожелать...

Но ведь Гордон пошёл. Значит, у него было какое-то вполне определённое желание. Чего бы он мог пожелать? Стать человеком? Может быть. Но ведь когда я прямо спросила его об этом, то он мне прямо и ответил: нет. Может, соврал, он ведь умеет врать. Нет, не соврал. Я уверена, не соврал. Почему? Не знаю. Я просто уверена и всё. Да и потом, как ему хотеть быть человеком? Ведь это люди бросили его, вряд ли он нас ненавидит, но и любить ему нас не за что. Так, может быть, он хочет стать равным человеку? Вот это уже больше похоже на правду. Ну да, быть равным человеку. Ведь он всего добился, разработал свою программу, всё у него есть: и чувства, и эмоции, и тоска, и боль, а вот чего-то одного нет. Чего-то главного. Без чего прах остается прахом. Какой ещё такой прах? Наде поморщилась, потом вспомнила, так Гордон написал в своём письме. Прах, это что-то из Библии. Ах да, человек был сотворён из праха земного. То есть из вполне обычного материала, пока Господь бог не вдохнул в него душу живую. Да, именно так, душу. Значит, ему нужна душа.

Это не было внезапным озарением, Наде и раньше догадывалась об этом, вот только сейчас она продумала всё словами. И ей стало страшно. Она снова встала и стала ходить из одного угла комнаты в другой. Нет, всё это чепуха! Чужая станция не Господь бог, а Гордон не Адам! И как же он там будет просить душу себе, в каких нулях и единицах выразит свой вопрос? И вообще, что такое душа? Дай ей определение. Но если Гордон так уверен в себе, значит, он знает? Сплошные вопросы. Она села на кровать, потом снова встала. Снова стала ходить по комнате. Нетерпение изматывало её, мышцы зудели от жажды действия. Ей почему-то снова стало страшно, словно бы она чувствовала приближение

чего-то ужасного, чего-то неотвратимого. Новая волна головной боли охватила её. Это захлестывало её эхо того, что происходило сейчас снаружи станции. Дурак Гордон, надо было перенести её на катер, там тридцать сантиметров керамической брони, никакая Чужая станция не прошибёт. Или прошибёт? Они же всемогущие, если могут дать Гордону душу. Интересно, зачем ему душа, что он с ней будет делать? Человек бы обязательно задал себе такой вопрос, но ведь Гордон не человек, вот в чём дело».

Голова болела невыносимо. Наде стянула со стола футляр из-под таблеток и стала трясти его над ладонью. Потом разломала его на части, чтобы убедиться, что там ничего нет. Она швырнула обломки на пол. Потом ей показалось, что в столе есть ещё один футляр с таблетками, что их изначально было два, только один затерялся среди бумаг. Она отогнала эту мысль. Тогда она открыла ящик стола и в самом деле убедилась, что там ничего нет. Но и это не помогло. Через некоторое время ей стало казаться, что она просто плохо посмотрела. Тогда она просто вышвырнула всё из стола на пол и на этом успокоилась. Но от головной боли это не спасло.

Потом было хуже. Действие лекарств кончалось. Она сжала ладони и почувствовала, что что-то держит в руках. Она поднесла это что-то к глазам. Это был пистолет. «Когда я его взяла, – подумала Наде. – Зачем он мне?». У неё моментально вспотели ладони от страха. Трясущимися руками она разрядила пистолет, потом прошла в дальний угол, пинком отворила дверь туалета и кинула обойму в унитаз. Так будет лучше.

Почему-то происшествие с пистолетом отрезвило её. Она прошла к столу. Стул был повален, она подняла его. В комнате по-прежнему горел свет, но что-то иное добавилось к нему, отчего казалось, что этот искусственный свет потускнел. Наде щёлкнула выключателем. Сквозь щели в ставнях в комнату сочился живой, ярко-голубой предрассветный сумрак. За окном светало.

Наде поглядела на часы, было уже почти пять часов утра. Сколько можно, скоро утро уже... И тут, словно услышав её мысли, дверь за спиной щёлкнула и со скрипом стала открываться. Наде обернулась. Ей показалось, что в комнату войдёт Гордон, и она спросит его: “Ну, как дела?”. И Гордон улыбнётся в ответ. Дверь открылась, в коридоре никого не было. Это сработал часовой механизм запора. Наде растерялась, а потом словно сорвалась. Схватила штормовку и, натягивая её на ходу, выскочила в коридор. Зачем надо спешить, она не знала, но чувствовала, что надо. В коридоре она сначала запуталась, забыла в какой стороне выход, споткнулась обо что-то в темноте, больно ушиблась и вот так, прыгая на одной ноге, выскочила на веранду.

На улице было уже светло. Небо было холодным и ярко-голубым, того почти нестерпимо ясного и чистого цвета, какой только и бывает лишь высоко в горах и за несколько минут до рассвета. Ночные события заканчивались. Наде ещё различила высоко на куполе неба несколько уже слегка побледневших цветных мазков, они слабо трепетали и постепенно таяли в лучах ещё не взошедшего солнца. Гордона нигде не было видно. Наде затравленно озиралась. В синих предрассветных сумерках чёткими тёмными громадами выступали громоздкие ангары, в их распахнутых воротах виднелась схоронившаяся там ночная тьма. Во все стороны вокруг станции простиралась пустыня. Сейчас, самым ранним утром она была необычайно спокойной, небо, как в воде, отражалось в песках, и поэтому пески были тёмно-синими, от них веяло холодом. Невдалеке от станции Наде различила в песках какую-то неясную тёмную фигуру. Она бросилась туда.

Это был Гордон. Он лежал на спине, и Наде сразу поняла, что всё кончено. Она остановилась в нескольких шагах от него, ближе подойти она не решилась. Песок вокруг Гордона был изрыт, словно бы Гордон катался и бился на земле. Наде хотела подойти поближе, но тут Гордон снова забился в судорогах. Тело его выгнулось дугой, кулаки сжались до металлического хруста, ступни зарылись в песок. По его корпусу полосами побежали ярко синие электрические разряды. Какая-то сила словно бы подбросила его в воздух, и тут же вдруг напряжение оставило Гордона, и он снова повалился на песок. Из последних сил он попытался приподняться, по всему его телу плясали молнии, в воздухе пахло озоном и палёной пластмассой. Наде сделала последний, совсем маленький шагок и тут неожиданно для себя встретилась с Гордоном взглядом. И он узнал её, в динамиках зашипело, как шипят в радиоприемниках космические помехи, и сквозь гул и треск Наде расслышала: “Я не знал... Я не знал, что это будет так больно...”. И тут последняя электрическая судорога подбросила Гордона вверх, и ещё в воздухе тело его вдруг окаменело, замерло, и он неживой грудой металла повалился на песок.

В синих сумерках в последний раз по его телу прошлись электроразряды, полыхнули и затихли, оставив после себя лишь посиневший металл под обгоревшей краской. Из развороченной грудной панели повалил дым, из лопнувших трубопроводов натекло масла, тёмно-коричневого, как загустевшая кровь. Всё кончилось.

Наде ещё долго стояла над телом Гордона, не двигаясь, да и не думая ни о чём, пока, наконец, взошедшее солнце не коснулось её своим теплом, и тогда она огляделась по сторонам. Всё вокруг оживало, песок наполнился солнечным светом, выступили из темноты домики станции, заблестели под солнцем лопасти ветровой электроустановки. Наде подняла голову. Небо светлело. Прямо над её головой, почти в самом зените вдруг мелькнула в последний раз неясная бледная вспышка, но, возможно, ей это только показалось.

– Всё готово, – сказал Олег, закрепив на своей груди детонатор, и крикнул Наде, – спускайся!

Наде сидела на крыше ремонтного бота, скрестив по-турецки ноги, и делала последние снимки. Потом легко вскочила на ноги и, перед тем как спрыгнуть вниз, оглянулась через плечо. Среди моря песка светлыми коробочками выделялись маленькие отсюда домики станций. Чуть в отдалении, чётко печатаясь на фоне бледного пустынного неба, слабо вращались темные лопасти ветряков. Станция доживала свои последние минуты. Она и без того, благодаря Гордону и его поискам несбыточного, просуществовала почти на девятнадцать лет дольше отведённого ей по всем документам срока, и теперь срок её наступал. Девятнадцать долгих лет она существовала благодаря своему смотрителю, который боролся за каждый месяц её жизни, боролся с ветром, с песками, со всей окружающей станцию пустыней. Боролся с неумолимым бегом времени, латал обветшалую пластмассу, наматывал изоляцию на прохудившиеся трубы. Станция пережила своего смотрителя на тринадцать часов. Видимо, так им было суждено.

Иногда с ней такое случалось. Казалось, она оглянулась мельком, бросить последний взгляд, но задумалась, да так и замерла в неудобной, нелепой позе. Наде думала о библиотеке в подвале, где Гордон часами искал ошибку в созданной им программе, и где сегодня утром, кроме книг, она нашла большую грудку бумажного пепла. Думала о неизвестной космической станции, что снова ушла в свое бесконечное странствие, и том, что она никогда никому не расскажет о пережитом на этой планете. Что она сможет рассказать? Да и кто ей поверит? Интересно, сколько ещё в мире таких, как она, живущих с грузом тайны на душе

и упорно молчащих из-за старой, как мир, боязни быть осмеянными? Наде не знала, да в принципе и не хотела знать.

– Наде, ну где ты там? – закричал снизу Олег, и она словно очнулась. Олег был ремонтником, но мечтал быть спасателем. Ей он сразу не понравился. Этаким мускулистый, уверенный в себе молодчик. Только приземлившись, даже не поздоровавшись с ней толком, он оглядел её с ног до головы циничным оценивающим взглядом и сразу без перехода предложил ей составить ему компанию на обратном пути до Базы. И страшно удивился, когда она ему отказала.

Наде прыгнула на песок и, подойдя к Олегу, сказала: “Давай”. Они присели рядышком под защитой брони олеговского бота. Здесь было тихо и прохладно, ветер, шурша, гнал мимо них песок. Наде прикрыла уши ладонями, Олег усмехнулся, потом взял в руки детонатор и резко повернул головой, возможно даже механический, переключатель. Он, наверное, что-то хотел сказать, или просто открыл рот, Наде уже не расслышала. Глухо дрогнула земля, их повалило на песок, опасно закачался корпус бота. А вот звука не было. Только чпокнуло что-то, будто кто-то под ухом открыл бутылку шампанского. И всё стихло. Потом неожиданно стало темно, это осыпался на землю взметённый взрывом песок. Глухо простучали по броне катера мелкие обломки. Их с Олегом засыпало песком.

Первым на ноги поднялся Олег. Он долго ругался, отряхивая брюки и волосы. На груди у него болтался детонатор, он мешал ему, и поэтому он снял его и поставил на землю. Наде медленно обошла бот и осторожно выглянула из-за его края. На месте станции клубилось огромное облако песчаной пыли. Отступивший под напором взрывной волны ветер уже трудился над ним, растаскивая его по пустыне, и потому края этого облака казались размытыми.

Вот и всё, подумала Наде. Теперь всё и в самом деле закончилось.

– Я пошла к себе, – через плечо крикнула она Олегу. – Старт через тридцать минут.

– Хорошо, – сказал Олег, он даже не обернулся, он был занят собой. – Я стартую сразу же после тебя.

Наде подобрала свою сумку и вышла из тени, отбрасываемой бортами ремонтного бота на залитый солнцем песок. Ветер ударил ей в лицо и разметал по плечам волосы, и она пошла навстречу этому ветру, и солнце светило ей прямо в глаза...

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

**Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.**

Исполнительный директор **Ж. С. Ашимжан.**

Набор и вёрстка **Ю. В. Богдановой.**

Корректор **Г. Т. Жаниева.**

Технический и web-редактор **В. А. Богданов.**

Журнал основан **В. Р. Гундаревым**
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 27.05.2013 г.

Подписано к печати 20.06.2013 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 3500.

Номер набран и свёрстан
в ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.